

Новиченко Олег Владимирович

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Статья раскрывает сущность, специфические особенности и современные подходы к пониманию молодежи в качестве социального субъекта общественного развития, рассматриваются условия становления субъектности молодежи в современном обществе. Автор акцентирует внимание на появлении в настоящее время новых типов социальных связей между поколениями, а также на изменении эталонов успешного развития субъектности молодежи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 134-36. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 304.2

Философские науки

Статья раскрывает сущность, специфические особенности и современные подходы к пониманию молодежи в качестве социального субъекта общественного развития, рассматриваются условия становления субъектности молодежи в современном обществе. Автор акцентирует внимание на появлении в настоящее время новых типов социальных связей между поколениями, а также на изменении эталонов успешного развития субъектности молодежи.

Ключевые слова и фразы: субъектность; молодежь; современное общество; самоидентификация; ценность; конструирование социальной реальности.

Новиченко Олег Владимирович

Северо-Кавказский федеральный университет
m103_st@mail.ru

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ[©]

Современное общество XXI века с его сложнейшими проблемами кризиса самосознания и самовыражения быстро взрослеющей молодежи требует социально-философского осмысления различных аспектов бытия молодого человека, так как сегодняшняя молодежь – это, по существу, наше общество завтра. Особую актуальность представляет изучение субъектности, субъектной роли молодежи.

Осмысление феномена субъектности в российской науке началось примерно во второй четверти XX века с переходом от психологических к деятельностным ориентирам исследований. В настоящее время в деятельности парадигме достигнут определенный консенсус относительно ключевых признаков социального субъекта, и принято выделять следующие: 1) социальную активность; 2) атрибутивность сознания; 3) эмоционально-волевую составляющую его биосоциальной природы; 4) социокоммуникативную форму бытия. Эти имманентные качества социального субъекта обуславливают его потребностное взаимодействие с социальной реальностью в когнитивном, эмоциональном, исполнительном и коммуникативном аспектах [9, с. 146]. Отсюда, с утверждением деятельностного подхода, «проблема субъективности постепенно превращается в проблему субъектности индивидов как силы и формы развития социальности» [3, с. 39], она рассматривается как проблема «предметного самоутверждения человека в структурах бытия, в связи с другими людьми, с воспроизводимыми ими предметными условиями жизни» [Там же, с. 27].

Пытаясь проанализировать отличие субъектности от субъективности, Г. И. Герасимов указывает на то, что субъективность носит оценочный характер и в позитивистской социологии характеризуется как недостаток объективности [8, с. 234]. В то же время «субъектность – качественная характеристика меры присвоения функций субъекта деятельности (инициатора, субординатора и регулятора взаимодействия)» [Там же]. Субъектность позволяет человеку самостоятельно планировать и реализовывать свои жизненные замыслы. Именно субъектность позволяет человеку быть самим собой. Наличие у субъекта выбора и потенциальность как сущностная характеристика социальной реальности делают понимание возможностей одной из главных характеристик субъектности. Отсюда часто сущность субъектности видят не только в деятельности, а во внутренней мотивации этой деятельности и в умении правильно оценить имеющиеся у субъекта возможности в реализации своей инициативы.

Сущность субъектности молодежи можно усмотреть в утверждении во внешних структурах и упрочении собственных онтологических структур, тем самым – в утверждении собственного бытия. Отсюда субъект всегда стремится выйти за свои границы, утвердиться в своей тотальности – в этом стремлении разворачивается его потенциальность. Субъект должен быть проявлен, чтобы его субъектность не была скрытой для социума, в котором он себя манифестирует [7, с. 322].

Проблема субъектности, в том числе молодежи, в настоящее время развивается многими учеными в русле теории полисубъектной социальности, в которой отдается предпочтение не субъект-объектному, а субъект-субъектному подходу в понимании социальной реальности. Как отмечает В. Е. Кемеров, «концепция полисубъектной социальности – это... средство преодоления традиционных оппозиций социального и индивидуального, фундаментального и поверхностного, внутреннего и внешнего, феноменологического и метафизического. Необходимость такого преодоления тем отчетливей, чем выше практический и мировоззренческий запрос на понимание изменений в формах современного социального мира» [2, с. 12]. Так, стереотип, противопоставляющий социальное и индивидуальное, не позволяет понять процесс воспроизводства социального, протекающий как в формах непосредственной совместности, так и в формах непосредственно индивидуальных. Ключом к этому пониманию, по мнению В. Е. Кемерова, является трактовка социальности как общности различных субъектов, где их различия и особенности воспроизводятся как различия в социальном времени и в социальном пространстве [Там же]. В качестве субъектов, как указывает В. Е. Кемеров, могут быть представлены не только индивиды, но и их группы, классы, государство, т.е. надындивидуальные субъекты.

Таким образом, концепция полисубъектной социальности способствует преодолению классической оппозиции молодежи и социальных структур, если последние понимать как взаимообусловленность надындивидуальных субъектов, обеспечивающих молодых людей социокультурными позициями и мотивацией для их освоения.

Конвенции, все культурные ландшафты подразделяются на три основных типа: целенаправленно сформированные (рукотворные), естественно сформировавшиеся (эволюционировавшие) и ассоциативные ландшафты (природные освоенные ландшафты) [13].

Особое внимание культурно-историческим ландшафтам, содержащим объекты материального (движимые и недвижимые) и духовного наследия, обеспечивающим взаимодействие и взаимозависимость природных и культурных компонентов, начинает уделяться во второй половине XX в. в работах исследователей П. В. Боярского, А. М. Кулемзина, Ю. А. Веденина, М. А. Поляковой и др. [1; 4; 8; 14].

Например, Ю. А. Веденин определяет культурный ландшафт «как целостную и территориально-локализованную совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей» [4, с. 6-7]. Он подчеркивает, что определяющую роль в формировании культурного ландшафта играет интеллектуальная и духовная деятельность.

В целом, исследование культурно-исторического ландшафта имеет большие перспективы прикладного и методологического характера. Данное понятие определяется междисциплинарным изучением опыта взаимодействия и целесообразного взаимовлияния природы и человека с его эколого-хозяйственной, историко-культурной, традиционной и современной средой обитания.

Таким образом, исходя из вышеизложенного следует отметить, что под достаточно емким концептом «исторический город», которое вобрало в себя понятия «памятник», «памятник архитектуры», «архитектурный ансамбль», «город», «культурно-исторический ландшафт», концептуально понимается город, сохранивший историко-архитектурное наследие или определенную часть этого наследия. Причем градостроительное наследие в этих городах подлежит особому регулированию, а объекты наследия – охране.

Список литературы

1. **Боярский П. В.** Введение в памятниковедение. М., 1991. 120 с.
2. **Вебер М.** Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 5-7.
3. **Веденин Ю. А., Кулемзина М. Е.** Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия Российской академии наук. Серия «География». 2001. № 1. С. 7-14.
4. **Веденин Ю. А.** Введение // Веденин Ю. А., Лютый А. А. Культурное и природное наследие. М., 1995. С. 6-7.
5. **Геккель Э.** Мировые загадки. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. 534 с.
6. **Дьячков А. Н.** Памятники в системе предметного мира культуры // Памятник и современность: вопросы освоения историко-культурного наследия. М., 1984. С. 41-61.
7. **Исторические города России** [Электронный ресурс]. URL: <http://hist-gorod.narod.ru/> (дата обращения: 20.01.2012).
8. **Кулемзин А. М.** Охрана памятников как социально-историческое явление // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири: сб. науч. тр. Кемерово, 1996. С. 15-16.
9. **Лихачев Д. С.** Предисловие // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М.: Искусство, 1981. С. 10-12.
10. **О памятниках Республики** [Электронный ресурс]: Декрет СНК РСФСР от 12 апреля 1918 г. URL: http://www.great-country.ru/content/sov_dekret/dekret/dek_0104.php (дата обращения: 28.01.2013).
11. **О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений** [Электронный ресурс]: Декрет СНК от 5 октября 1918 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17462> (дата обращения: 28.01.2013).
12. **Об охране и использовании памятников истории и культуры:** Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 51. Ст. 1387.
13. **Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=698273> (дата обращения: 20.01.2013).
14. **Полякова М. А.** Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.
15. **Сенявский А. С.** Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003.
16. **Смолин В.** Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников в России // Известия Археологической комиссии. Петроград, 1917. Вып. 63. С. 121-150.
17. **Флоренский П. А.** Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 235 с.
18. **Town History** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hforcare.com/> (дата обращения: 07.12.2012).

“HISTORIC TOWN” IN CLASSICAL KNOWLEDGE CONTEXT

Mikhaleva Kseniya Aleksandrovna

*Eastern-Siberian State Academy of Culture and Arts
ksenia.mihaleva@yandex.ru*

The author reveals the content of the concept “historic town”, which becomes more and more common in the context of classical knowledge, pays special attention to the analysis of the notions “monument”, “architectural monument”, “architectural ensemble”, “town”, “cultural-historical landscape”, and for the consideration of the etymology of these notions reveals different approaches in the works of famous philosophers, historians, sociologists, architects, culture experts and museologists.

Key words and phrases: historic town; monument; architectural monument; architectural ensemble; cultural-historical landscape; town.

Аналогичный взгляд на понятие «памятник» встречается в работах историка А. Н. Дьячкова, который считает, что объяснение этого феномена следует искать в «способности человека превращать тот или иной предмет в памятник, присваивая ему это достоинство в силу познанной и признанной обществом историко-культурной ценности» [6, с. 45].

В музеологии памятником считается объект культурного и природного наследия, обладающий особой ценностью для общества. В этой области знания памятники делятся на единичные объекты, ансамбли и достопримечательные места. Также существует деление по категории значимости. Выделяют объекты федерального, регионального и местного значения. Определение данного понятия выводилось такими видными учеными как П. В. Боярский, А. М. Кулемзин, Ю. А. Веденин, М. А. Полякова и др. В первую очередь они определяют памятник как совокупность материальных объектов и памятных мест, источник информации, получаемой прямым путем [1; 4; 8; 14].

Таким образом, из вышеизложенного можно прийти к выводу, что «памятник» – это не только информация о прошлом, он несет в себе смыслы и назначения, которые воспринимаются той или иной эпохой как более или менее ценностно-значимые, и его трактовка меняется под воздействием социокультурных изменений, в нем заложено больше смыслов, чем субъект может воспринять в период создания памятника.

Следующее понятие, относящееся к историческому городу - «памятник архитектуры», которое формируется в России со второй половины XIX в. и изначально подразумевалось как «памятник зодчества». Памятниками архитектуры были признаны объекты, построенные до 1725 г. Они рассматривались не только как источники информации об историческом прошлом, но и как архитектурно-художественные произведения. В пореформенной России для изучения архитектурных памятников создавались архитектурно-художественные общества (Московское и Петербургское архитектурные общества, Петербургское общество архитекторов-художников, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины), предметом изучения которых были постройки XVIII-XIX вв.

В СССР понятие «памятник архитектуры» сформировалось во второй половине 1930-х гг., заменив предшествующее – «памятники старины, зодчества». Официально памятники архитектуры впервые были названы так Постановлением Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г. «Об охране памятников архитектуры». По закону СССР «Об охране памятников истории и культуры» (1976 г.) к «памятникам архитектуры» относились: архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры населенных пунктов, кремли, кварталы, площади, улицы, фрагменты древней планировки и застройки городов, сел и деревень» [14, с. 68].

В настоящее время к памятникам архитектуры также относятся архитектурные ансамбли. Под архитектурными ансамблями понимается функционально связанная совокупность зданий и прилегающей среды, приведенная к единству и получившая определенный художественный облик. Существует два вида городских ансамблей. К первому виду относятся ансамбли, созданные в течение длительного времени (в течение нескольких десятилетий, а иногда столетий). Зодчие более позднего времени строили новые здания и сооружения в других стилях и включали их в ранее определившуюся общую форму ансамбля, дополняя и развивая его замысел.

Ко второму виду относятся ансамбли, созданные одновременно, по единому замыслу, в едином архитектурном стиле. И тот и другой вид городского ансамбля обычно входит в состав современного города, приспособляясь к его практическим потребностям. В определении данного понятия мы столкнулись с городским ансамблем, являющимся производным от города.

Существует множество трактовок понятия «город» среди зарубежных и отечественных исследователей. Интересны теории известных европейских культуролога Л. Мамфорда, социолога М. Вебера. Последний доказывает, что город является не только инструментом исторических изменений, но и способствует развитию индивидуальных черт личности. Основными признаками, которые автор приписывает городу, являются наличие укрепления, собственного суда и права, характер корпоративности и связанной автономии и автокефалии, а также «регулярного обмена благ на месте самого поселения в качестве существенной составной части получения прибыли и удовлетворения потребностей жителей, то есть наличие рынка» [2, с. 5-7].

А. С. Сенявский, занимающийся особенностями урбанизации, отмечает, что «город – это исторически определенная форма социально-территориальной организации, а также форма поселения, элемент территориально-поселенческой структуры, социально-экономическая сторона которого обусловлена природой существующих в обществе отношений» [15, с. 33].

Следует заметить, что ландшафт считается обобщающим для всех вышеизложенных категорий, он является одним из фундаментальных понятий не только современной географии, философии, истории, памятниковедения, но и музеологии, среди разновидностей которого выделяют также культурный ландшафт. В рамках философского анализа культурный ландшафт можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, как историко-культурное наследие, т.е. территория исторических форм строительства и хозяйствования, важных исторических событий. Во-вторых, как часть современного жизненного пространства, которая целенаправленно и необратимо видоизменяется человеком. Культурный ландшафт как часть современного жизненного пространства включает в себя ландшафт городской, сельскохозяйственный, садово-парковый, водный, природно-производственные комплексы и др. [5].

В Конвенции ЮНЕСКО (1972 г.) о Всемирном наследии «культурный ландшафт» понимается не как результат совместного творчества человека и природы, а как целенаправленно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, обладающий структурной, функциональной целостностью, развивающийся в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Согласно

настоящее время, что связано с частичной или полной утратой зданий и сооружений, которые относятся к памятникам архитектуры и истории. Для актуализации проблемы сбережения градостроительного наследия и привлечения внимания властей и общественности учеными было введено понятие «исторический город». Оно встречается в работах как зарубежных, так и отечественных философов, историков, искусствоведов, социологов, архитекторов, культурологов и музееведов.

В западных исследованиях данное понятие наиболее активно стало употребляться после Второй мировой войны, когда в 1955 г. Международной комиссией по истории городов (The International Commission for the History of Towns) во главе с Х. Обином (H. Aubin) и Х. Эменном (H. Ammann) была начата работа по созданию ряда атласов европейских исторических городов как документов с целью их сравнительного изучения и восстановления историко-культурной картины прошлого [18]. Разработка понятия «исторический город» в России активизировалась после его введения в законодательство об охране памятников истории и культуры. В 1970 г. в постановлении коллегии Министерства РСФСР и государственного комитета Совета Министров России было введено следующее нормативное определение: ««исторические города» – населенные пункты, имеющие архитектурные памятники культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность». Также этим постановлением был утвержден первый список исторических городов, который включал 115 названий [7].

Однако различные области гуманитарного знания вкладывают в содержание данного понятия свой смысл и назначение, поэтому единая трактовка «исторического города» в научной литературе на сегодня отсутствует. Исходя из этого, «исторический город» логично выводить из анализа содержания следующих его составляющих – «памятник», «памятник архитектуры», «архитектурный ансамбль», «город», «культурно-исторический ландшафт».

Отношение общества к памятникам в разное время было неоднозначным. Как известно, памятник прошел процесс длительного эволюционного развития. Для большинства он ассоциировался, прежде всего, с великолепным дворцом или старинной уникальной церковью, а чаще всего с монументом, возведенным в честь какого-либо героя или исторически значимого события.

В Средние века понятие «памятник» еще не сформировалось, и главным нравственным импульсом сохранения старины была религия. Несмотря на отсутствие указов об охране памятников, существовало негласное мнение, что разрушать какую-либо древность (икону, храм, надгробие, курган и т.п.) нельзя. Первые указы о памятниках в России относятся к XVIII в. – периоду правления Петра I. Именно с этим именем в дальнейшем будет связана деятельность по организации музейного дела и охраны наследия на государственной основе.

Внимание к памятникам старины продолжается в эпоху правления Анны Иоанновны. В годы ее правления был обнародован ряд указов, имеющих отношение к ценным предметам того времени, например, Сенатский указ «О присылке в Императорскую Палату из присутственных мест примечательных вещей», опубликованный в 1732 г. [16, с. 128].

В ряде указов Екатерины II также прослеживается интерес к памятникам. Так, 9 апреля 1771 г. вышел Указ «О снятии уездных планов с надлежащей верностью и о включении в экономические журналы замечаний о древних курганах, развалинах, пещерах, опустевших разных заводов, или плотинах, о зачатых и неоконченных, а иногда и совсем оставленных признаков, заслуживающих примечание, равно о больших и малых островах и о мелях в реках, с изъяснением притом о всех строениях, когда они начаты, и сколь давно в обветшание пришли и от чего» [Там же, с. 131].

В 1869 г. в России был опубликован «Проект положения об охране памятников». Это первый проект закона об охране памятников был подготовлен Московским археологическим обществом. В документе определялись два направления охраны наследия: «приведение в известность всех доселе существующих еще памятников» и «самый способ сохранения и ограждения от всякого повреждения» [14, с. 31-32]. В нем памятники делились на следующие группы: памятники архитектуры (здания, насыпи, валы, курганы); памятники письменные (рукописи, старопечатные книги); памятники живописи (иконы, стенопись); памятники ваения, резьбы, изделий из золота, серебра, меди и железа.

В 1877 г. понятие «памятник» было закреплено документом, получившим название «Проект правил о сохранении исторических памятников». Окончательно оно вошло в употребление после Октябрьской революции 1917 г., что подтверждается рядом декретов [10; 11].

Многочисленные утраты уникальных архитектурных объектов, в связи с начавшейся Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.), привели к созданию постановления Совета министров РСФСР от 22 мая 1947 г. «Об охране памятников архитектуры». В 1957 г. вышло другое постановление Совета министров «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР» [14, с. 84-89]. В 1978 г. был принят Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», согласно которому «памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [12]. С этого момента все памятники истории и культуры, находящиеся на территории РСФСР, охранялись государством [16].

Понятие «памятник» разрабатывалось не только в рамках нормативной базы, но и привлекало внимание видных философов. Например, в работах П. А. Флоренского и Д. С. Лихачева [9; 17] данное понятие, прежде всего, ориентируется на сохранение памяти или воспоминаний, памятник выключен из активной хозяйственной деятельности.

культурную доминанту времени, должна не только способствовать выбору тех вариантов образовательных систем, программ, методов, которые наиболее полно отвечали бы прогрессивным тенденциям общественного развития, потребностям личности в самореализации, но и выполнять прогностическую и аксиологическую функции, формируя перспективу мировоззренческого генезиса личности, обеспечивая теоретико-методологическое основание инновационных процессов в образовании.

Список литературы

1. **Базалук О. А.** Философия образования в свете новой космологической концепции: учебник. Киев: Кондор, 2010. 458 с.
2. **Бирич И. А., Панченко О. Г.** В поисках новой философской парадигмы образования в России (обзор дискуссий) // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / под ред. О. А. Базалука. Киев: Кондор, 2011. Т. 1.
3. **Брандт Г. А.** Природа женщины как проблема (концепции феминизма) // Женщина в обществе: мифы и реалии: сб. статей / ред.-сост. Л. С. Круминг. М.: Информация - XXI век, 2001.
4. **Ильин Е. П.** Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
5. **Коняев А.** Гипотеза симуляции: о сущности ложек [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/10/12/system/> (дата обращения: 25.01.2013).
6. **Пищулин Н. П., Огородникова Ю. А.** Философия образования. М.: Центр инноваций в педагогике; Москомобразования; МГПУ, 1999. 234 с.
7. **Хоружий С. С.** Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10-31.
8. **Bostrom N.** Are You Living in a Computer Simulation? // *Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. № 211. P. 243-255.
9. **Future of Humanity Institute** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fhi.ox.ac.uk/> (дата обращения: 25.01.2013).
10. **Goldstein E. R.** The Strange Neuroscience of Immortality [Электронный ресурс]. URL: <http://chronicle.com/article/The-Strange-Neuroscience-of/132819/> (дата обращения: 20.01.2013).
11. **Humanity+. Philosophy** [Электронный ресурс]. URL: <http://humanityplus.org/philosophy/philosophy-2/> (дата обращения: 23.01.2013).
12. **Kurzweil R.** The Singularity Is Near — Selected Chapters [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurzweilai.net/ebooks/the-singularity-is-near> (дата обращения: 26.01.2013).

FUTURE MAN'S IMAGE: MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Matusevich Tat'yana Vladimirovna
Kiev University of Tourism, Economics and Law, Ukraine
sokmatus@gmail.com

The author analyzes the modern directions of the futuristic understanding of human transformational changes essence (transhumanism, the theory of androgyny), represents the leading role of the philosophy of education in forming the image of the future man, and undertakes an attempt to determine the basic characteristics of the image of the future man – the planetary-cosmic type of personality, the system of his personal, local and global interactions.

Key words and phrases: the post-human; transhumanism; androgyny; philosophy of education; future man's image.

УДК 719

Исторические науки и археология

Статья раскрывает содержание концепта «исторический город», которое получает все более широкое распространение в контексте гуманитарного знания. Основное внимание автор акцентирует на анализе понятий «памятник», «памятник архитектуры», «архитектурный ансамбль», «город», «культурно-исторический ландшафт». Для рассмотрения этимологии данных понятий выделяются различные подходы в работах известных философов, историков, социологов, архитекторов, культурологов и музееведов.

Ключевые слова и фразы: исторический город; памятник; памятник архитектуры; архитектурный ансамбль; культурно-исторический ландшафт; город.

Михалева Ксения Александровна

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств
ksenia.mihaleva@yandex.ru

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД» В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ[©]

Рассмотрение понятия «исторический город» важно при исследовании вопросов выявления, сохранения и репрезентации культурного и природного наследия. К понятию обращались и продолжают обращаться в

типа, - это знание своего прошлого, причем не только исторического, связанного с развитием общества, но и космического, связанного с этапами формирования и развития структуры Вселенной; масштаб мышления; последовательность деятельности; целенаправленность деятельности. Основные характеристики планетарно-космического типа личности, по О. Базалуку, - когнитивные (познавательные), креативные (творческие), организационные (методологические), коммуникативные, мировоззренческие [1]. Такая позиция автора вполне соответствует прогрессивным мировым тенденциям, но для Украины является новаторской, обеспечивая такой необходимый консервативной системе украинского образования инновационный прорыв.

Современные мировые тенденции, развитие концепции «экологического императива» требуют включения в образ человека будущего ряда характеристик экологического направления. Это эколого-предикторные (биоэтические) характеристики: умение предвидеть влияние своей деятельности на окружающую среду, постоянное соотнесение последствий своих действий с потребностями экологической системы, осознание своего места и роли в едином бытии Вселенной, формирование биоэтического сознания, личной экологической ответственности, согласование собственных интересов, потребностей с законами природы и др. Необходимость включения в образ человека будущего эколого-предикторных (биоэтических) характеристик вызвана следующими основными факторами: во-первых – это колоссальное влияние, которое оказывают природные условия на развитие человеческого общества, цивилизации в целом; во-вторых – интенсификация антропогенной нагрузки на биосферу, современное состояние экологии; в-третьих – необходимость постоянного этического контроля взаимодействий в системе «человек-природа» в связи со стремительным развитием техники, появлением новейших технологий. Схема системы взаимодействий планетарно-космического типа личности представлена на Рисунке 1.

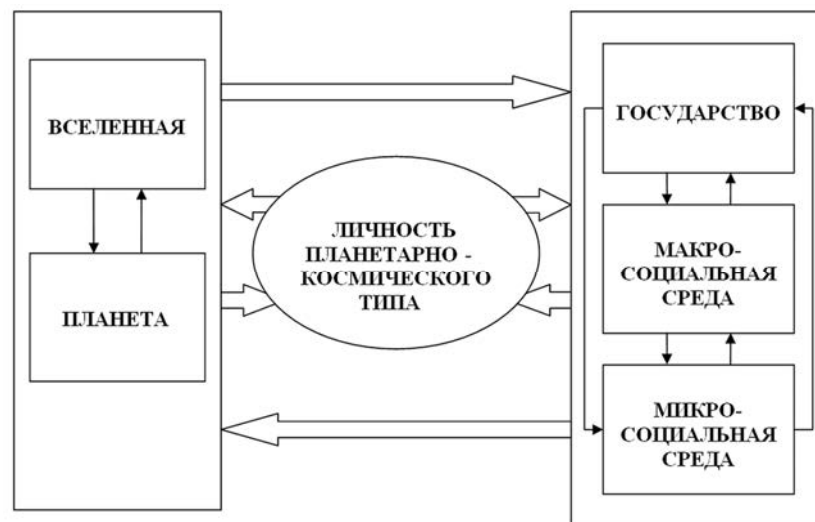

Рис. 1. Схема системы взаимодействий планетарно-космического типа личности

Важной составляющей интеллектуального образа человека будущего является simultанность мышления, то есть умение одновременно формировать представление, анализировать явление, предмет, проблему с многих сторон, выстраивать параллельные логические цепочки, мыслительные процессы, сопоставлять разрозненную на первый взгляд информацию. Развитие данной личностной характеристики позволит индивиду увидеть «более широкую картину мира», избежать зашоренности, узости суждений, представлений, поможет предотвратить манипулирование формирующимся сознанием.

Также при рассмотрении образа человека будущего необходимо обратить внимание на гендерные характеристики личности, формировать в подрастающих поколениях наравне с расовой, межнациональной, религиозной, политической и др. гендерную толерантность, которая обеспечивает мирное сосуществование и равное сотрудничество индивидуумов, признание, понимание и уважение к инаковости, свободу личности, многомерность среды, вариативность взглядов, исключает доминирование, давление, априорное приписывание гендерных стереотипов. Ведь гендерное равенство во всех сферах общественной жизни является одним из важнейших атрибутов справедливого гражданского общества, общества равных прав и возможностей, исключающего всякую принудительную сегрегацию и дискриминацию. Актуальность гендерной проблематики определяется необходимостью изучения специфики особенностей личностного развития женщин и мужчин как основы дифференциации и индивидуализации воспитания и обучения с целью формирования нового гендерного сознания и создания общества, обеспечивающего условия самореализации каждой индивидуальности и исключающего любые формы насилия и давления на личность.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что формирование идеального образа человека будущего - интеллектуально развитой, гармоничной, толерантной, simultанно мыслящей личности, императивно согласовывающей собственный онтогенез с перспективами и ограничениями на всех уровнях системы взаимодействий, - главная цель философии образования. Философия образования как интегративное антропологическое знание, учитывая общесцивилизационные процессы, прогнозы развития человечества,

созданный на основе человеческого мозга [10]. Другой знаменитый американский исследователь-футуролог Р. Курцвейл [12] уверен, что к 2020-му году персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности человеческого мозга. В 2020-х годах в медицинских целях начнут использовать наномашин. Они также проведут детальное сканирование мозга человека, и до 2029-го года будет возможна его компьютерная симуляция. В 2040-е годы человеческое тело сможет принимать любую форму, образуемую большим количеством нанороботов. Внутренние органы будут заменены кибернетическими устройствами. Р. Курцвейл предсказывает наступление технологической сингулярности в 2045 году. В это время вся Земля начнет превращаться в один гигантский компьютер, и постепенно этот процесс может распространиться на всю Вселенную. Некоторые футурологи, такие как К. Венгер, Р. Фрейтас, убеждены, что генная инженерия станет основной движущей силой на пути к постчеловеку. Наступление космической эры ускорит исследования в области генной инженерии с целью приспособления организма человека к длительному пребыванию в космическом пространстве.

Другим влиятельным направлением футуристического осмысления развития человечества является теория андрогинности, которая сейчас в несколько примитивном виде активно используется в массовой культуре. Эта теория также имеет древние корни. Обоеполые или бесполые существа встречаются в мифологическом творчестве почти всех культур. Платон в диалоге «Пир» рассказывает миф об андрогинах, предках людей, которые соединили в себе признаки мужского и женского пола. Они были сильны и имели замыслы посягнуть даже на власть богов. И тогда Зевс разделил их на две половины – мужскую и женскую. Впоследствии эта теория была осмыслена в мистической антропологии Я. Беме, трудах русских философов Н. Бердяева, В. Соловьева, убежденных в том, что духовное совершенство требует андрогинии, которую воспринимали как ментальное возвращение к исходному единству человека. Знаменитый психолог и философ К. Юнг видел в идее единства двух противоположностей – мужского и женского – образ архетипический. Воплощение женского начала в мужском бессознательном (анима) и мужского в женском (анимус), то есть психологическую бисексуальность, он рассматривал как значимые архетипы, как регуляторы поведения, проявляющие себя наиболее типично в некоторых снах и фантазиях или в иррациональности мужского чувства и женского рассуждения. Как анимус, так и анима находятся, по К. Юнгу, между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным. Осознание же мужчиной своей внутренней женственности, а женщиной – мужества приводит к открытию и интеграции истинной сути, является показателем личностного роста [4]. С. Бем, автор теории психологической андрогинности, считала, что андрогиния обеспечивает большие возможности социальной адаптации. Была обнаружена связь андрогинии с ситуативной гибкостью (*S. Bem*, 1975 г.), высоким самоуважением (*J. Orlofsky*, 1977 г.), мотивацией к достижениям (*J. Spence, R. Helmrich*, 1978 г.), хорошим исполнением родительской роли (*D. Baumrind*, 1982 г.). Отмечены также большая удовлетворенность браком, более значительное ощущение благополучия, способность влиять на других людей [Там же]. Теория андрогинности приобрела популярность и в феминистском дискурсе. Г. Брандт считает, что различие понятий пола и гендера в теории западного феминизма часто связывалось с критикой андроцентризма и поддержкой андрогинного типа общества, идея создания которого стала активно обсуждаться в 70-х годах. Однако представители данного направления (А. Рич, С. Де Бовуар, С. Фарейстон, Дж. Аллен и др.), манифестируя идею абсолютного гендерного равенства, сталкиваются с тем неоспоримым фактом, что представители только одного пола рожают и вскармливают детей, и это биологическое «неравенство» имеет большие социальные и культурные последствия. Но феминистки считают, что при соответствующей социальной организации (замене природного материнства искусственным, воспитание детей родителями на равных условиях или в условиях свободного выбора, кому этим заниматься) данный факт не будет иметь принципиального значения, и поэтому будущее – за андрогинным обществом [3].

Кем будет постчеловек: киборгом, мутантом, андрогином, – неизвестно. Но очевидно, что сейчас, когда человечество стоит на пороге масштабных трансформаций, как никогда актуальными становятся вопросы образования, а именно изменения его философской парадигмы, которая бы позволила не только подготовить следующие поколения к радикальным глобальным трансформационным изменениям, но и стать их непосредственными творцами. Ведь образовательная система, которая отделена от целостного комплекса мировых процессов цивилизационного развития, не способна обеспечить адекватный ответ реальным угрозам преобразования творческого субъекта, индивидуальности в объект манипулирования.

Российские ученые Н. Пищулин и Ю. Огородникова [6] отмечают, что философия образования должна рассматривать развитие человека в русле, потоке всемирного развития, не только земного, но и бытийного, т.е. мира в его трансцендентном осознании. Прогрессивная позиция применения философии космизма, ноосферной стратегии опережающего образования в современных образовательных концепциях обоснована в трудах многих авторов (В. Бессонов, Н. Маслова, А. Субетто, Н. Пищулин, Ю. Огородникова, И. Бирич, О. Панченко), которые считают, что космо-антропологические идеи позволят видоизмениться и современной педагогической антропологии, будут способствовать становлению философии образования как онтологического знания, приведут к восстановлению естественной связи человека с природой, космосом, Вселенной [2].

В Украине фундаментальные исследования в области философии образования, формирования образа человека будущего – планетарно-космического типа личности – проводит профессор О. Базалук. Он отмечает, что некорректно рассматривать этапы формирования и развития личности, не учитывая закономерный характер появления человека в структуре Вселенной. «Философия образования» – это предмет, который на основе научно-философского знания формирует образ человека будущего, направляет подрастающие поколения к достижению этого образа, обеспечивает целостность эволюционирующей цивилизации. Философ выделил ряд характеристик, которые отличают современного человека от личности планетарно-космического

норм, жизненных целей и стратегий. Актуализация перманентных трансформационных преобразований привела к необходимости постижения сложных онтологических проблем новой реальности для выработки комплексной стратегии адекватного противостояния вызовам, стоящим перед человечеством. В этом круге вопросов особое место занимает осмысление роли образования в становлении и развитии человека будущего.

Осмысление будущего человечества всегда занимало особое место в философском дискурсе. Сейчас, в бурный период перемен и трансформаций, к образу человека будущего приковано особое внимание. В основе этого внимания лежит не простое любопытство, а объективные жизненные потребности, надежды, возлагаемые на будущее, а также опасения людей относительно ожидаемых изменений. Человеку свойственна целесообразная деятельность и постоянное согласование ее направления с непосредственными результатами и отдаленными последствиями своих действий. Современные процессы и тенденции будут развиваться в течение многих десятилетий и существенно повлияют на жизнь не только нашего, но и будущих поколений. И поэтому возникает необходимость культивирования в социуме ответственности особого рода – ответственности перед грядущими поколениями, которая должна стать ядром каждого решения личности, общества, государства, гарантируя его взвешенность.

Футурологов, ученых, философов интересуют не только будущие трансформационные изменения в мире, а и то, как эти изменения повлияют на человека, каким будет человек будущего. Известный российский философ, основатель и директор Института синергийной антропологии С. Хоружий отмечает, что сразу несколько линий в основных сферах антропологических изменений уже с уверенностью определились, к какому пункту они направляются. Расходясь в конкретных представлениях о финале антропологического развития, они, тем не менее, дают ему одно и то же имя: Постчеловек [7]. Существует огромное количество прогнозов развития человечества и человека будущего. Рассмотрим наиболее распространенные и дискурсивные.

В последние десятилетия популярными в мире являются философские идеи трансгуманизма. Трансгуманизм – это рациональное философское движение, основанное на осмыслении перспектив и достижений науки, признающее желательность и возможность фундаментальных изменений в социальном положении человека с помощью различных передовых технологий, которые должны ликвидировать старение, страдания и даже смерть человека, усилить его умственные, физические и психологические возможности. Идея всестороннего развития, духовной и телесной трансформации человека существовала еще задолго до появления термина «трансгуманизм». Антропологическая трансформация своими корнями восходит к архаическим культовым, впоследствии духовным, религиозным практикам. О возможности усиления физических и умственных способностей человека с помощью специальных устройств и разработки научных методов писал еще русский изобретатель С. Корсаков. В конце XIX века такую эволюцию человечества осмысливали философы Ф. Ницше, М. Федоров, Ф. Виллард. Трансгуманисты придерживаются междисциплинарного подхода, анализируя динамическое взаимодействие человечества и растущих технологий. Внимание ученых приковано к уже существующим биотехнологиям и информационным технологиям и развивающимся молекулярным нанотехнологиям и искусственному интеллекту. Трансгуманизм стремится к этическому использованию технологий для расширения человеческих возможностей [11]. Одним из самых влиятельных в мире центров развития идей трансгуманизма является Институт будущего человечества при Оксфордском университете. Задачей института является (используя математические инструменты, научные теории и данные, методы аналитической философии) исследование рисков и возможностей, которые будут связаны с будущими технологическими изменениями, изучение актуальных этических дилемм и оценка глобальных приоритетов с целью выбора пути развития, определяющего долгосрочное будущее человечества [9]. В 2005 году Институт будущего человечества возглавил Н. Бостром, соучредитель Всемирной ассоциации трансгуманистов (сейчас Хьюманити+), автор знаменитой гипотезы симуляции [8], вызвавшей оживленные дискуссии в академических кругах по всему миру. Н. Бостром уверен, что люди будущего во всем будут превосходить современного человека: обладать умственными способностями, превосходящими любые способности нынешних гениев, совершенной памятью, искусственным телом, которое не поддается болезням и старению. Обосновывая гипотезу симуляции, Н. Бостром утверждает, что, по крайней мере, одно из трех следующих утверждений верно (так называемая трилемма Бострома):

- 1) человечество вымрет, так и не став постцивилизацией;
- 2) человечество разовьется в постцивилизацию, которая по каким-то причинам не будет заинтересована в моделировании прошлого;
- 3) почти наверняка мы живем в компьютерной симуляции.

В своей работе Н. Бостром придерживается концепции независимости от носителя, согласно которой сознание не зависит от носителя, т.е. биологической ткани – человеческого мозга. Это означает, что сознание может быть реализовано и в виде набора электрических импульсов в некоторой вычислительной машине. Учитывая, что речь в работе идет о симуляции, созданной постлюдьми, смоделированные внутри симуляции люди обладают сознанием. Для них модель будет представляться реальностью. Н. Бостром рассуждает, если симуляции будут проводиться, то их будет много. Логично предположить, что при этом количество смоделированных людей будет на много порядков превышать количество предков базовой цивилизации. Следовательно, вероятность того, что какой-нибудь случайным образом избранный человек является объектом эксперимента, составляет почти единицу [5; 8]. Гипотеза симуляции Бострома была подвергнута активной критике со стороны ученых по всему миру, но функцию «иног видения» выполнила сполна.

Многие футурологи разделяют идею «загрузки сознания». Эта гипотеза предполагает, что сознание можно будет считывать и переводить в электронный формат. Американский ученый К. Хейворс уже десятилетия проводит исследования в этой области. Он уверен, что наша цивилизация движется по пути к телепортации разума. Ученые попытаются сохранить мозг, а затем использовать его в теле роботов. Это будет идеальный компьютер,

10. **Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП.** Ежегодный годовой отчет за 2009 г. Т. 1.
11. **Баркер А.** Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1997.
12. **Бахмутов С. Б.** Республика Мордовия. Взаимодействие Православной Церкви и власти // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе: бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН. 2003. № 58. С. 9–11.
13. **Грачев С. В., Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Православное христианство и ислам в Мордовии: проблемы межкультурного диалога. М.: ИЭА РАН, 2005.
14. **История создания Саранской и Мордовской Епархии** [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/9382.html> (дата обращения: 26.02.2013).
15. **Об Общественном Совете по развитию православной культуры при Главе Республики Мордовия:** Указ Главы Республики Мордовия от 9 января 2007 г. № 1-УГ // Известия Мордовии. 2007. 11 января.
16. **Об отношениях Саранской и Мордовской Епархии с исправительными учреждениями в Республике Мордовия** // Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2000 г. С. 73-75.
17. **Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию от 25 ноября 2008 г.** // Известия Мордовии. 2008. 28 ноября.
18. **Религиозные организации и межконфессиональные отношения в Республике Мордовия:** аналитическая записка // Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга. 2004. № 12 (33).
19. **Шилов Н. В.** Этнополитические и этноконфессиональные процессы // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе: бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН. 2000. № 3.

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, SOCIETY AND AUTHORITY IN MORDOVIA IN THE 1990S – THE BEGINNING OF THE 2010S

Malankin Aleksandr Valer'evich

*Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
malankin@inbox.ru*

The author considers the questions of the creation and institutionalization of Saransk and Mordvinian Russian Orthodox Church Eparchy in the context of Orthodox revival processes, reveals positive changes in the relations between the Church and the authority of Moravia during the period from the 1990s till the beginning of the 2010s, pays special attention to the facts of the productive cooperation of the eparchy and the republican authority; and basing on the analysis of the diverse activity of the Russian Orthodox Church of Moravia, and also the support of public administration and law machinery representatives determines the positive role of the Russian Orthodox Church in the processes of social relations harmonization and political stability consolidation in the republic, the growth of social, ethnic and religious tolerance.

Key words and phrases: social partnership of Russian Orthodox Church and republican authority; Orthodox revival; positive changes; political stability consolidation; educational mission; growth of social, ethnic and religious tolerance.

УДК 101.1:316

Философские науки

В данной статье проанализированы современные направления футуристического осмысления сущности трансформационных изменений человека (трансгуманизм, теория андрогинности), представлена ведущая роль философии образования в формировании образа человека будущего. Предпринята попытка определить основные характеристики образа человека будущего – личности планетарно-космического типа, систему его персональных, локальных и глобальных взаимодействий.

Ключевые слова и фразы: постчеловек; трансгуманизм; андрогин; философия образования; образ человека будущего.

Матусевич Татьяна Владимировна

*Киевский университет туризма, экономики и права, Украина
sokmatus@gmail.com*

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО: СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС[©]

Начало XXI века – новый качественный рубеж в истории развития человечества. Формирование и становление таких общественных явлений, тенденций, как информационная революция, гуманизация, демократизация общества, интенсификация кросс-культурных коммуникаций, глобализация, оказали колоссальное влияние на основы социальной системы, вызвали глубинные изменения сущности социальных институтов и практик, повседневной жизни людей, их представлений, ценностей, межличностных коммуникаций, моральных

на постсоветское пространство, представляя собой реальную угрозу православной традиции России. Разрушительный характер подобных сект во много крат усиливается их прозелитической активностью, обусловленной их организационно-психологическими особенностями. Английская исследовательница Айлин Баркер в работе «Новые религиозные движения» дает характеристику своеобразному психологическому климату, царящему практически во всех сектантских общинах: «Чем моложе организация, – пишет она, – тем больше в ней новообращенных, то есть тем меньше людей, воспитанных в данной вере» [11, с. 5]. Признавая справедливость этого тезиса в принципе, добавим, что, конечно, весь «энтузиазм» новоявленных сект сводится прежде всего к подрыву традиционных устоев и духовных основ любого общества. Реальным противовесом такому «духовному терроризму» может быть именно традиционное (в нашем обществе – православное) миссионерство.

В рамках данной миссии предполагается и определенное социальное партнерство, в частности, проведение разъяснительной работы среди представителей государственно-административных и правоохранительных органов с целью их ознакомления с основами православной традиции и с деятельностью различных деструктивных сект.

Во-вторых, это воспитательная, внутренняя миссия, которая включает в себя работу как с готовящимися к святому крещению, так и с теми, кто, будучи крещен, нуждается в соответствующем научении в вопросах православной веры.

В-третьих, это миссия, которую можно обозначить термином «внешняя». Главной задачей данного направления является свидетельство истины православия среди народов, не имеющих христианских основ национальной культуры, но проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви.

Таким образом, несмотря на то, что православное миссионерство в Мордовии переживает стадию своего возрождения и, по сути, начального формирования, оно стало приносить свои первые и, несомненно, позитивные плоды уже в первое десятилетие XXI века.

Кроме того, миссионерский отдел и отдел по взаимодействию с военными ведомствами и правоохранительными учреждениями Саранской епархии Русской Православной Церкви осуществляют сотрудничество на постоянной основе с силовыми структурами Республики Мордовия. Так, в апреле 2002 г. Министерство внутренних дел республики приняло решение о строительстве часовни в память о погибших сотрудниках.

В последние годы православные священнослужители Мордовии неизменно напутствуют личный состав отрядов МВД республики накануне их отбытия для выполнения боевых задач на Северном Кавказе. Духовенством Саранской и Мордовской епархии проводятся обряды освящения проводов юношей на военную службу, осуществляется духовное попечение над военнослужащими частей, базирующихся на территории Мордовии.

Многие годы Мордовия была известна в стране в значительной степени тем, что в данной республике расположено учреждение ЖХ-385, более известное в публицистической литературе как Дубравлаг. Здесь отбывают наказание осужденные не только со всех республик бывшего Советского Союза, но и из дальнего зарубежья. Следовательно, весьма насыщенной является здесь и этническая, и конфессиональная жизнь.

Развитие систематической духовной попечительской работы с осужденными является важнейшим направлением социальной политики Саранской и Мордовской епархии Русской Православной Церкви. Ежемесячно свыше двадцати священнослужителей миссионерского отдела Саранской епархии, возглавляемого отцом Виктором Хохловым, осуществляют «духовное окормление» лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы на территории Республики Мордовия, где находится 15 колоний, относящихся к так называемым «учреждениям ЖХ-385» [2, с. 80-82; 3, с. 75-76; 4, с. 78-79; 5, с. 33-34; 6, с. 36-37; 7, с. 60-61; 8, с. 60-61; 9, с. 54-56; 10, с. 107-110; 16].

В начале 2000-х гг. РПЦ в Мордовии стала активно включаться в реализацию различных социальных проектов. Это, безусловно, позитивный факт, поскольку решение проблем культурного состояния общества во многом зависит от воспитания у нового поколения россиян патриотизма, приобщения к традиционным национальным, христианским и общечеловеческим духовно-нравственным ценностям, вовлечения в формирование гражданского общества. Активная деятельность молодежного движения РПЦ способствует преодолению идеологического и духовного вакуума, возникшего после прекращения существования пионерской и комсомольской организаций.

Все вышесказанное позволяет констатировать многообразие и эффективность социально значимой деятельности Русской Православной Церкви в Мордовии. Данная деятельность свидетельствует не только о возрождении собственно традиций православной духовности, но и о положительной роли РПЦ в гармонизации социальных отношений и усилении политической стабильности в республике, повышении социальной, этнической и конфессиональной толерантности.

Список литературы

1. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 1999 г.
2. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2001 г.
3. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2002 г.
4. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2003 г.
5. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2004 г.
6. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2005 г.
7. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2006 г.
8. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2007 г.
9. Архив Саранского Епархиального управления РПЦ МП. Ежегодный годовой отчет за 2008 г.

для нашего народа XX век, в котором совершались войны и революции, в котором мы потеряли миллионы людей, – сказал Патриарх в одной из своих проповедей. – В XX в. Мордовии было суждено стать тем местом, где находились в заключении тысячи незаслуженно наказанных, репрессированных советских людей. Хотелось бы верить и надеяться, что новый век станет веком созидания и благополучия» [13, с. 18].

Визит Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в Мордовию стал очень мощным стимулом к дальнейшему развитию православия в данном регионе – стимулом, значение которого трудно переоценить.

Другим, пожалуй, не менее важным и знаковым событием общероссийского значения, имевшим место на территории Мордовии, стали мероприятия по канонизации выдающегося флотоводца XVIII столетия, знаменитого «боярина русского флота», адмирала Федора Федоровича Ушакова, состоявшиеся 4–5 августа 2001 г. на территории Темниковского района Республики Мордовия, в стенах Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря. В торжествах приняли участие свыше 8 тысяч паломников со всей России, а также Украины и Казахстана.

В 2002 г. впервые в практике общественно-политической жизни Мордовии группа священнослужителей (архиепископ Варсонофий, архимандрит Варнава, игумен Илларион и игуменья Серафима) были удостоены правительственной награды – ордена Дружбы. Около 15 клириков Мордовии, особо отличившихся в восстановлении храмов и монастырей, были удостоены республиканских наград.

Другим важным показателем интеграции Русской Православной Церкви в политико-экономическую сферу Республики Мордовия стал рост количества мирян, награжденных церковными орденами. Как правило, это были люди, оказавшие материальную помощь епархии в строительстве и реставрации храмов, в издательской и просветительской деятельности. С 1995 г. по 2003 г. орденом кн. Владимира II степени награжден Глава РМ Н. И. Меркушкин, орденом свят. кн. Владимира III степени – 9 человек, орденом преподобного Сергия Радонежского III степени – 5 человек, орденом св. Даниила Московского – 20 человек, медалью св. кн. Даниила Московского – 23 человека [12, с. 11].

Стали интенсивно развиваться и международные связи рассматриваемой епархии. Так, многие представители клира Саранской и Мордовской епархии совершили паломничества на Афон (Греция) и по святым местам Палестины (Израиль). Ряд православных священнослужителей Мордовии, деятельность которых связана с Саранским духовным училищем (о нем – ниже), поддерживают тесные отношения с православными приходами Италии, Швейцарии, Финляндии и Республики Китай (Тайвань), совершая регулярные поездки в эти государства.

В начале 2000-х гг. активно продолжалось восстановление старых и возведение новых православных храмов на территории РМ. Например, в 2005 г. были восстановлены храм Михаила Архангела села Куликовка Рузаевского района, построенный в 1851 году, и церковь села Мальцево Торбеевского района, ведущая свою историю от 1796 года. В настоящее время эти памятники православной архитектуры XVIII–XIX вв. не только находятся в ведении Саранской епархии, но и охраняются государством.

В начале 2000-х гг. по сравнению с другими конфессиями, Саранская и Мордовская епархия РПЦ МП находилась в наиболее привилегированных отношениях с властью. В бюджет РМ вошли статьи, предусматривавшие помощь приходам и монастырям в восстановлении разрушенных строений. Открытие в Саранске кафедрального собора святого и праведного Феодора Ушакова стало возможным при прямом финансовом участии высших органов государственной власти в РМ [1, с. 9–12; 18, с. 10].

В своем Послании Государственному Собранию 25 ноября 2008 г. Глава РМ Н. И. Меркушкин, в связи с предстоящим празднованием тысячелетия вхождения мордовского народа в состав Российского государства, обещал содействие в строительстве новых православных храмов и нового здания епархиального управления [17].

Таким образом, конец 1990-х – начало 2000-х гг. характеризуется возрождением и быстрым развитием (организационно-хозяйственным и культурным) православия в Республике Мордовия.

Важнейшим направлением работы Русской Православной Церкви в Мордовии является ее социально ориентированная деятельность. Она реализуется в основном под эгидой двух структурных подразделений Саранской и Мордовской епархии РПЦ – отдела религиозного образования и миссионерского отдела.

Так, в начале 2000-х гг. представители отдела религиозного образования под руководством священника отца Александра Адышкина вели духовно-профилактическую работу с трудными подростками в Центре временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей города Саранска. Священнослужителями отдела оказывается моральная и духовная поддержка инвалидам и тяжело больным. Посильную материальную помощь (одеждой, продуктами питания) Саранская и Мордовская епархия Русской Православной Церкви оказывает детским интернатам и приютам, домам престарелых.

Неотъемлемой частью социально ориентированной деятельности Русской Православной Церкви в Мордовии стало возрождение духовного и социального института православного миссионерства.

В феврале – начале марта 2004 г. под эгидой Миссионерского отдела Саранской епархии впервые в истории Русской Православной Церкви на территории Мордовии были проведены Миссионерские курсы по подготовке епархиальных миссионеров.

Организационные формы новой Православной миссии основаны на «Концепции возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви», утвержденной на заседании Священного Синода 6 октября 1995 г. (Постановление № 4043). В соответствии с данным концептуально-программным документом, в деятельности Миссионерских курсов при Саранской епархии можно выделить ряд основных (базовых) направлений.

Во-первых, это апологетическая миссия, которая заключается в свидетельстве истины православия, в том числе через призму сравнения с еретическими и сектантскими течениями, которые широким потоком хлынули

Примечательно, что это важное для духовной жизни региона событие произошло при непосредственном участии тогдашнего мордовского политического руководства, хотя активность властей на этом этапе ограничилась соответствующими инициативными предложениями, направленными в Синод. На первых порах молодая епархия не имела даже здания управления. В мае 1991 г. верующим были возвращены пустующие здания Макаровского погоста и Санаксарский монастырь, в котором немедленно возникла монашеская община.

12 июля 1991 г. Саранская и Мордовская епархия РПЦ МП была зарегистрирована в Министерстве юстиции Мордовской АССР [1, с. 79]. В органы управления епархией вошли епархиальное собрание, епархиальный совет, епархиальные управления, благочиния.

Позднее, в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в РМ был принят ряд законодательных актов, непосредственно связанных с развитием православия в республике: Постановление Правительства Республики Мордовия от 7 июня 1999 г. № 309 «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства»; Постановление Правительства Республики Мордовия от 29 ноября 2002 г. № 564 «О проведении Съезда молодежи Приволжского федерального округа “Молодежь Поволжья – за духовное возрождение России”»; Указ Главы Республики Мордовия от 9 января 2007 г. № 1-УГ «Об Общественном Совете по развитию православной культуры при Главе Республики Мордовия».

Основными задачами Совета по развитию православной культуры являются следующие: выработка предложений для Главы Республики Мордовия по стратегии возрождения системы православных нравственных ценностей в российском обществе; разработка предложений по концепции совершенствования православной школы в Республике Мордовия; участие в создании системы республиканских городских библиотек для православных читателей; организация ежегодных православных образовательных чтений иных православных конференций, семинаров и «круглых столов»; организация православной издательской деятельности; выступление в средствах массовой информации по вопросам деятельности Совета; участие в организации паломнических поездок к православным святыням [15].

Исследователь церковной истории на территории Мордовии С. Б. Бахмутов выделяет три этапа в эволюции взаимоотношений РПЦ и республиканских властей конца 1980-х – начала 2000-х гг. [12, с. 9-10].

С 1985 г. по 1995 г. полноценного сотрудничества клира и государственных органов не наблюдалось, поскольку местный бюрократический аппарат придавал гораздо большее значение происходившей в тот период перегруппировке во властных эшелонах, связанной с политической трансформацией сначала советского общества, затем – постсоветского.

Определенные позитивные сдвиги стали происходить после прихода к власти в Мордовии Н. И. Меркушкина. С 1995 г. в условиях политической стабилизации в Республике Мордовия местная власть стала рассматривать Русскую Православную Церковь как важного социального партнера, прежде всего, в области формирования здорового нравственно-культурного пространства, призванного оказывать позитивное влияние на решение ряда острых проблем, стоящих перед республикой.

Своеобразным «индикатором» складывающегося партнерства республиканских властей и епархии стало создание в 1998 г. при Главе Республики Мордовия Н. И. Меркушкине Совета по развитию православной культуры во главе с епископом Варсонофием. В Совет вошли представители всех ветвей власти, православные священнослужители, ученые-эксперты, специалисты по различным областям гуманитарного знания.

Затем, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. последовал целый ряд соглашений епархии с различными государственными ведомствами республики – с министерствами внутренних дел, народного образования, здравоохранения, по чрезвычайным ситуациям, с ФСБ по РМ. Начался процесс возвращения верующим недвижимого имущества, в основном культовых зданий, конфискованных советской властью.

С 1998 г. в бюджет Республики Мордовия вводятся статьи, предусматривающие материально-финансовую помощь приходам и монастырям в восстановлении разрушенных строений; оказывается поддержка епархии в постоянно расширяющейся издательской деятельности [Там же].

Наконец, с 2000 г. начался третий этап, характеризующийся тесным и плодотворным взаимодействием учреждений власти РМ и структурных подразделений Саранской и Мордовской епархии.

С конца 1980-х гг. российское общество переживает своеобразный «религиозный ренессанс», вызванный процессами политической и культурной либерализации, отходом от идеологического диктата со стороны государства, поисками этнокультурной самоидентификации народов посткоммунистической России. Эти процессы в полной мере охватили и Среднее Поволжье, где в 1990-е – начале 2000-х гг. произошел бурный всплеск религиозной активности, выразившийся, как и в целом в России, в восстановлении позиций православия. Если до так называемого «перестроечного» периода в Мордовии действовали 19 православных храмов, то в 2000 г. на территории республики уже 281 православная религиозная организация, в том числе 13 монастырей, 9 монастырских подворий [19, с. 6].

В период «религиозного ренессанса» в России второй половины 1980-х – начала 2000-х гг. Саранская и Мордовская епархия Русской Православной Церкви, возглавляемая архиепископом Саранским и Мордовским Варсонофием, заявила о себе как весьма влиятельная общественная сила, которая обладала не только высоким духовным авторитетом, но и значительным потенциалом (культурным, организационно-материальным, миссионерско-образовательным) для дальнейшего развития.

Важным, «знаковым» событием в возрождении религиозной жизни Мордовии стал визит Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексея II, который состоялся в августе 2000 г. при стечении множества паломников не только из районов Мордовии, но и из соседних регионов. «Мы провожаем трагический

INVESTIGATOR AS EXECUTOR OF INVESTIGATION AGENCY HEAD'S WILL

Magomedov Anvar Shamil'evich
Dagestan State Institute of National Economy
Anvargisik@mail.ru

The author analyzes the recent amendments in the criminal procedure legislation of the Russian Federation in relation to the implementation of departmental procedural supervision over preliminary investigation, reveals the content of the investigator's procedural independence, pays special attention to the correlation of the procedural powers of the investigation agency head and the investigator in the course of preliminary investigation and supervision over investigation, and suggests appropriate amendments to the existing criminal procedure legislation.

Key words and phrases: investigation agency head; investigator; departmental procedural supervision; procedural independence; right to appeal; dependence.

УДК 94(470.345):322

Исторические науки и археология

Статья посвящена вопросам создания и организационного оформления Саранской и Мордовской епархии РПЦ в контексте процессов православного возрождения. Автор раскрывает позитивные изменения в отношениях между Церковью и властью Мордовии в период с 1990-х до начала 2010-х гг. Особое внимание уделяется фактам плодотворного сотрудничества епархии и республиканской власти. На основе анализа многообразной деятельности Русской Православной Церкви Мордовии, а также поддержки представителей государственно-административных и правоохранительных органов определяется позитивная роль РПЦ в процессах гармонизации общественных отношений и укрепления политической стабильности в республике, повышения социальной, этнической и конфессиональной толерантности.

Ключевые слова и фразы: социальное партнёрство РПЦ и республиканской власти; православное возрождение; позитивные изменения; укрепление политической стабильности; воспитательная миссия; повышение социальной, этнической и конфессиональной толерантности.

Маланкин Александр Валерьевич

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
malankin@inbox.ru

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ
В МОРДОВИИ В 1990-Е – НАЧАЛЕ 2010-Х ГГ. ©**

Вопрос о взаимоотношениях Русской Православной Церкви и власти - это один из актуальных вопросов современного общества. Именно взаимоотношения РПЦ, общества и власти в Мордовии в 1990–2010-х гг. стали предметом данного исследования.

Цель и задачи исследования заключаются в теоретическом изучении стратегии возрождения системы православных нравственных ценностей в условиях радикальных перемен в народном сознании, отмеченных качественными преобразованиями в государственной и общественной сферах жизнедеятельности нашей страны.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: показать роль согласованных действий правительства республики и Общественного Совета по развитию православной культуры для формирования здорового нравственно-культурного пространства, призванного оказывать позитивное влияние на решение ряда острых проблем, стоящих перед республикой; показать положительные результаты взаимодействия Саранской епархии РПЦ с военными ведомствами и правоохранительными учреждениями; подчеркнуть необходимость развития духовной попечительской и миссионерской работы Церкви.

В ходе исследования, основанного на методах анализа, сравнения, конкретизации и обобщения, были использованы ежегодные годовые отчёты Архива Саранского Епархиального управления РПЦ МП (Московского Патриархата) с 1990 года, материалы официальных сайтов Саранской и Мордовской Епархии и СМИ, работы С. Б. Бахмутова, Н. В. Шилова, С. В. Грачёва, А. Баркера, имеющие теоретическую и практическую значимость.

Позитивные изменения в отношениях между Церковью и властью в Мордовии, как и в целом в России, начались в период «перестройки». Как отдельная структурная единица, Саранская и Мордовская епархия была учреждена решением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви 29 января 1991 г. Новый церковный округ был выделен из состава Пензенской епархии в границах, совпадающих с административной территорией МАССР. Управляющим Саранской и Мордовской епархии стал архиепископ Варсонофий (Судаков) [14].

Как мы отмечали выше, одной из основных составляющих процессуальной самостоятельности следователя является его право не соглашаться с решениями руководителя следственного органа и прокурора.

Так, п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ устанавливает, что следователь самостоятельно принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением тех случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. С одной стороны, законодатель устанавливает процессуальную самостоятельность следователя, с другой стороны, в порядке исключения, законодатель ограничивает такую самостоятельность следователя судебным решением и согласием руководителя следственного органа [7]. Однако из норм уголовно-процессуального законодательства следует, что это исключение действует практически как правило.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления следователя. Однако законодатель, установив право руководителя следственного органа на отмену незаконных или необоснованных постановлений следователя, не предусмотрел права следователя на их обжалование [Там же]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит ни одной нормы, из содержания которой можно было бы сделать вывод о том, что следователь вправе не согласиться с решением руководителя следственного органа. Из этого следует, что любое решение руководителя следственного органа об отмене постановления следователя для последнего носит обязательный характер, так как уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрен порядок обжалования решений руководителя следственного органа.

Ограничивают процессуальную самостоятельность следователя при производстве предварительного следствия по уголовному делу и те положения уголовно-процессуального законодательства, которые устанавливают право следователя на обжалование решений прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования и постановления об отмене постановления следователя о возбуждении уголовного дела с согласия руководителя следственного органа. Так, согласно ч. 4 ст. 221 УПК РФ, постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано им в течение 72 часов с момента поступления к нему уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) [Там же].

Из анализа данных уголовно-процессуальных норм можно сделать вывод, что следователь практически никакой процессуальной самостоятельностью не обладает. На практике складывается такая ситуация, когда любое решение следователя, которое не устраивает руководителя следственного органа, может быть им отменено. А следователь при этом вынужден согласиться с решением руководителя следственного органа, которое для него является обязательным, потому что законодательством не предусмотрено правового механизма отстаивания следователем своего мнения.

Справедливо отмечает А. А. Зименков, что при таком положении дел следователю не остается ничего другого, как только остаться при своем мнении, даже в том случае, если его позиция обоснована и достаточно аргументирована [4, с. 7].

В уголовно-процессуальное законодательство, на наш взгляд, должны быть внесены соответствующие изменения, предусматривающие право следователя обжаловать решения руководителя следственного органа вышестоящему руководителю, а при несогласии с его решением – Председателю Следственного комитета РФ. Следователь должен обладать процессуальной самостоятельностью при производстве по уголовному делу в той степени, которая обеспечила бы законность и беспристрастность расследования. При этом на должном уровне должен быть организован прокурорский надзор, чтоб исключить любые злоупотребления следователем своей самостоятельностью.

В противном случае следователь останется зависимым от руководителя следственного органа относительно направления и расследования уголовного дела – беспрекословным исполнителем воли руководителя следственного органа.

Список литературы

1. **Аничин А. В.** Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия в Российской Федерации (к 150-летию образования в России следственного аппарата) // Российский следователь. 2010. № 15. С. 3-5.
2. **Гуляев А. П.** Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. 192 с.
3. **Дармаева В. Д.** Следователь в уголовном судопроизводстве. М.: МПСИ, 2007. 128 с.
4. **Зименков А. А.** Возвращение прокурором уголовного дела следователю: старый институт с новыми проблемами // Российский следователь. 2012. № 4. С. 5-8.
5. **О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»** [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. **Попова Т. Ю.** От начальника следственного отдела до руководителя следственного органа // Закон и право. 2010. № 1. С. 90-93.
7. **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. **Шадрин В. С.** Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4. С. 96-104.

УДК 343.13

Юридические науки

В статье анализируются последние изменения, произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве РФ в отношении осуществления ведомственного процессуального контроля за предварительным следствием, раскрывается содержание процессуальной самостоятельности следователя. Основное внимание в статье уделяется соотношению процессуальных полномочий руководителя следственного органа и следователя при производстве предварительного следствия и осуществлении контроля за следствием. Предлагается внесение соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова и фразы: руководитель следственного органа; следователь; процессуальный ведомственный контроль; процессуальная самостоятельность; право на обжалование; зависимость.

Магомедов Анвар Шамильевич*Дагестанский государственный институт народного хозяйства**Anvargisik@mail.ru***СЛЕДОВАТЕЛЬ – ИСПОЛНИТЕЛЬ ВОЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА[®]**

Не умаляя значимости всех остальных стадий уголовного судопроизводства, следует отметить тот факт, что досудебные стадии имеют очень важное значение в достижении задач уголовного судопроизводства. Одним из основных участников данных стадий является следователь, который в соответствии с ч. 1 ст. 38 УПК РФ является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу [7].

Следователь как должностное лицо, уполномоченное правом на возбуждение уголовного дела и на производство предварительного следствия по уголовному делу, наделяется в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом соответствующими полномочиями и процессуальной самостоятельностью, необходимой для качественного, законного и обоснованного производства по уголовному делу.

Процессуальная самостоятельность следователя на стадиях досудебного производства является одним из основных факторов, обеспечивающих эффективность осуществления предварительного следствия. Справедливо, на наш взгляд, отмечают авторы, что следователь должен быть самостоятельным в своих решениях и действиях, а также отвечать за их результаты [3, с. 95], что недостаточная процессуальная самостоятельность следователя является причиной незаконного и необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности, а обеспечение такой самостоятельности – условием надлежащего обеспечения прав и законных интересов личности при производстве расследования [8, с. 100].

Мы согласны с мнением А. П. Гуляева о том, что процессуальная самостоятельность следователя складывается не только из самостоятельности принятия решений и производства действий, но и из права следователя не соглашаться с решениями руководителя следственного органа и прокурора [2, с. 98].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство также наделяет следователя процессуальной самостоятельностью. Кроме того, в последние годы в этом законодательстве произошли существенные изменения, основной целью которых являлось обеспечение следователя процессуальной самостоятельностью и его освобождение от «двойного контроля».

Принятие Федерального закона № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон “О прокуратуре РФ”» [5] повлекло за собой перераспределение компетенции между руководителем следственного органа и прокурором, по сути, создав нового участника уголовного судопроизводства – руководителя следственного органа. Изменилась функциональная направленность полномочий руководителя следственного органа: в настоящее время этот участник уголовного процесса по-прежнему осуществляет процессуальное руководство, одним из элементов которого остается контроль за деятельностью следователей. При этом его контрольные полномочия расширились, в частности, за счет передачи ему отдельных полномочий прокурора [6, с. 93].

А. В. Аничин, положительно оценивая произошедшие преобразования, также считает, что законодательные изменения повысили статус руководителя следственного органа. Одновременно это явилось важным шагом на пути предоставления следователю реальной самостоятельности, существенно снизив давление на него со стороны надзорного органа [1].

Бесспорным, на наш взгляд, является утверждение А. В. Аничина о том, что процессуальный статус руководителя следственного органа повысился. Сравнительно-правовой анализ норм УПК РФ показывает, что полномочия руководителя следственного органа как лица, уполномоченного осуществлять ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователя, существенно расширены по сравнению с полномочиями начальника следственного отдела по УПК прежней редакции. Однако относительно получения следователем реальной процессуальной самостоятельности мы позволим не согласиться с автором. По нашему мнению, произошедшие изменения в организации предварительного следствия не то что не предоставили следователю реальной самостоятельности, а напротив, он стал более зависим от руководителя следственного органа.

законодатель оставил и прокурорам рычаги, позволяющие эффективно влиять на ход расследования [5, с. 56]. Если раньше прокурор имел реальную возможность влиять на ход расследования по уголовному делу, то теперь такую возможность помимо прокурора имеет и руководитель следственного органа.

Основная трудность в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в сфере организации предварительного следствия в России, на наш взгляд, видится, в первую очередь, в отсутствии четкой, научно-обоснованной концепции организации предварительного следствия и прокурорского надзора за ним.

При дальнейших преобразованиях (а они необходимы) законодателю следует разработать концепцию таких преобразований, представив конкретную конечную цель. Преобразования должны происходить в направлении повышения процессуальной самостоятельности следователя, при сохранении хорошо организованного прокурорского надзора. Также должны быть отменены все возможные показатели в работе следователя вроде состояния преступности, отчетности ведомства, за которые должны нести ответственность соответствующие ведомства, но не следователь. Следователь должен отвечать за своевременность, законность и качество предварительного следствия.

Ну а пока сложившаяся ситуация после годичной работы Следственного комитета РФ в качестве самостоятельного органа показывает, что есть и положительные, и негативные тенденции в организации предварительного следствия. О положительной стороне можно судить по тому, что за 2011 год в общем по России сократилось на 33% количество уголовных дел, возвращенных судом в порядке ст. 237 УПК РФ, снизилось число оправданных судами на 22,5%, снизилось количество отмененных постановлений о возбуждении уголовного дела на 2,9% и т.д. Вместе с тем наряду с общими позитивными тенденциями в организации предварительного следствия и процессуального контроля как в целом по Следственному комитету, так и в отдельных его следственных органах имеются и определенные недостатки. В частности, количество отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела увеличилось на 21,3%, число отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составляет более 50%, количество окончанных уголовных дел сократилось на 3,2% [8, с. 18-19]. Пока преобразования в уголовно-процессуальном законодательстве выглядят как очередной эксперимент.

Список литературы

1. **Александров А. И.** Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // *Российский следователь*. 2011. № 1. С. 33-40.
2. **Александров А. С.** Каким не быть предварительному следствию // *Государство и право*. 2001. № 9. С. 54-62.
3. **Васильев О. Л.** Становление и развитие отечественной концепции предварительного следствия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 26 с.
4. **Верещагина А. В.** Следователь, его процессуальное положение и организационная принадлежность // *Проблемы укрепления государственности и обеспечения верховенства закона*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003. С. 377-382.
5. **Григорьев В. Н., Победкин А. В., Калинин В. Н.** Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // *Государство и право*. 2008. № 6. С. 48-58.
6. **О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия** [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 404-ФЗ от 28 декабря 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. **О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 226-ФЗ от 2 декабря 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. **Решение расширенного заседания коллегии Следственного комитета Российской Федерации об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2011 год и задачах на 2012 год** // *Вестник Следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области*. 2012. № 1. С. 17-26.
9. **Токарева М. Е.** Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дисс. ... д.ю.н. М., 2000. 83 с.
10. **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. **Чайка Ю. Я.** Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/management/appearances/document-71822/> (дата обращения: 29.06.2011).

LEGISLATOR'S ERRORS WHILE REFORMING PRELIMINARY INVESTIGATION

Magomedov Anvar Shamil'evich
Dagestan State Institute of National Economy
Anvargisik@mail.ru

The author reveals the order and main directions of reforming preliminary investigation in the Russian criminal proceedings, gives the critical analysis of the occurred transformations from the perspective of meeting the objectives of the reform, its positive and negative aspects, and also the quality improvement of preliminary investigation organization, pays special attention to the unsystematic character, randomness and rashness of the legislative transformations, and suggests new ideas on the improvement of preliminary investigation.

Key words and phrases: preliminary investigation; criminal procedure legislation; reformation; investigator; procedural independence; regulating and supervising powers.

бессмысленно, а единственным решением этой проблемы является его уничтожение [2, с. 54]. Большое количество сторонников идеи превращения следствия в судебную деятельность считало, что такое разрешение проблемы способствовало бы объективному производству предварительного следствия [3]. Существовали и менее радикальные варианты таких преобразований. Эти варианты были связаны с изменением выполняемых следователем функций, решаемых им задач и объема полномочий, а за деятельностью следователя при этом должен существовать внутренний контроль – прокурорский надзор и внешний контроль, осуществляемый судом [9, с. 49]. Именно эти законодательные инициативы с некоторыми изменениями легли в основу нового УПК РФ.

Принятый в 2001 году новый УПК РФ установил форму организации предварительного расследования, согласно которой предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия и дознания, осуществляемого по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия обязательно. А полномочия по надзору и процессуальному руководству предварительным следствием принадлежали надзирающему прокурору.

Но, не просуществовав и шести лет, и такая форма организации предварительного следствия в уголовно-процессуальном законодательстве вновь претерпела очередные преобразования. Очередные изменения в организации предварительного следствия были направлены на отделение следствия от прокуратуры и предоставление следователю процессуальной самостоятельности путем освобождения его от процессуального руководства со стороны надзирающего прокурора.

Всерьез к идее масштабной реформы следственных аппаратов и организации предварительного следствия российская власть вернулась в 2007 г. Первым шагом стало реформирование следственных органов в системе прокуратуры: учреждение Следственного комитета при прокуратуре РФ и дальнейшее его отделение от прокуратуры, логическим завершением которого стало создание самостоятельного и независимого от прокуратуры Следственного комитета РФ.

Произошедшие преобразования вызвали острую дискуссию среди российских ученых, правоприменителей, которые по-разному оценили уже произошедшие изменения. Так, А. В. Верещагина еще до создания Следственного комитета РФ в своих трудах говорила о невозможности обеспечения процессуальной самостоятельности следователя путем создания единого следственного аппарата: «В рамках такой структуры невозможно укрепить самостоятельность следователя, напротив, усилится его зависимое положение от руководителя следственного подразделения» [4, с. 377].

Подтверждением слов А. В. Верещагиной является и выступление Генерального прокурора РФ, в котором Ю. Я. Чайка отметил, что вслед за преобразованиями в досудебных стадиях уголовного судопроизводства не последовало изменения качества предварительного расследования и что по-прежнему допускаются нарушения законодательства при производстве предварительного следствия [11].

На наш взгляд, преобразования в организации предварительного следствия, произошедшие в последние годы, носят незаконченный, половинчатый характер, не достигнуты все цели законодателя. Цели, которые преследовали происходящие изменения, достигнуты только в части разграничения полномочий по надзору за следствием и полномочий по руководству и контролю за предварительным следствием. Заострив внимание на одной цели, законодатель полностью забыл про другую, немаловажную цель – процессуальную самостоятельность следователя. В результате таких преобразований следователь оказался в более зависимом положении от руководителя следственного органа, притом, что и прокурор сохранил рычаги влияния на результат предварительного следствия.

Нельзя также говорить, что изменения вносились системно, целенаправленно, обоснованно. Произошло механическое лишение прокурора полномочий по процессуальному руководству и контролю за следствием и наделение ими руководителя следственного органа. При этом прокурор вместе с остальными полномочиями потерял и основные надзорные полномочия (отмена незаконных постановлений следователя).

О хаотичности и бессистемности реформы предварительного следствия свидетельствует и тот факт, что следом за преобразованиями в организации предварительного следствия пошли новые федеральные законы, вносящие очередные изменения и, в частности, в процессуальный статус прокурора (ФЗ от 2 декабря 2008 года № 226-ФЗ; ФЗ от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ, которые внесли очередные изменения в организацию предварительного следствия, существенно отличающиеся от ранее внесенных изменений) [6; 7]. Этот факт означает не что иное, как признание законодателем своей ошибки и стремление исправить эту ошибку. Но законодатель не полностью, на наш взгляд, исправил ситуацию. Одним из примеров можно привести дублирование полномочий руководителя следственного органа и прокурора (ч. 6 ст. 148 УПК РФ) [10].

Такая частота законодательных изменений в порядок производства по уголовному делу не дает субъектам предварительного следствия привыкнуть к одним изменениям, к одному порядку производства по уголовному делу, как законодатель вносит очередные изменения. Правильно отмечает А. И. Александров, что бесконечные «тасования» полномочий должностных лиц органов предварительного следствия и прокуратуры, провозглашаемые, но постоянно откладываемые организационные преобразования вносят деструктивные компоненты в деятельность правоохранительных органов, снижают эффективность их работы, ощутимо влияют на качество расследования уголовных дел [1, с. 33].

Одной из основных целей проводимых реформ предварительного расследования в последние годы является обеспечение следователя реальным механизмом процессуальной самостоятельности. Законодатель при этом говорил о необходимости освобождения следователя от двойного контроля со стороны надзирающего прокурора и начальника следственного отдела. Но, как говорится, хотели лучше, но получилось как всегда. На законодательном уровне закрепилась тройная проверка деятельности следователя. Таким образом, резко усилив процессуальные полномочия административного начальника – руководителя следственного органа,

Список литературы

1. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Калинин В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 48-58.
2. Кальницкий В., Курекова Т. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебном производстве // Уголовное право. 2009. № 4. С. 96-100.
3. Кругликов А. П. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования руководителем следственного органа или прокурором // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 59-61.
4. Никифоров С. Отмена постановления о возбуждении уголовного дела // Законность. 2011. № 1. С. 40-42.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 404-ФЗ от 28 декабря 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 226-ФЗ от 2 декабря 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**PROCEDURAL POWERS REDISTRIBUTION OF INVESTIGATION AGENCY HEAD AND PROSECUTOR:
THEIR CORRELATION WITH INVESTIGATOR'S PROCEDURAL INDEPENDENCE**

Magomedov Anvar Shamil'evich
Dagestan State Institute of National Economy
Anvargisik@mail.ru

The author reveals the problems of ensuring the investigator's procedural independence during the supervision and control over the legality of the investigator's decisions after the reformation of the preliminary investigation, tells that having distributed supervising powers between the prosecutor and the investigation agency head, the legislature thus places the investigator in a more dependent position from the head of investigation agency, and pays special attention to the analysis of the criminal procedural legislation norms limiting the investigator's independence in criminal investigation procedure.

Key words and phrases: prosecutor; investigation agency head; investigator; procedural independence; procedural control; prosecutor's supervision.

УДК 343.13

Юридические науки

В статье раскрываются последовательность и основные направления реформирования предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве. Дается критический анализ произошедших преобразований с точки зрения достижения целей реформы, ее позитивных и негативных сторон, а также повышения качества организации предварительного следствия. Основное внимание уделяется бессистемности, хаотичности и поспешности законодательных преобразований, предлагаются новые идеи улучшения предварительного следствия.

Ключевые слова и фразы: предварительное расследование; уголовно-процессуальное законодательство; реформирование; следователь; процессуальная самостоятельность; надзорные и контрольные полномочия.

Магомедов Анвар Шамильевич

Дагестанский государственный институт народного хозяйства
Anvargisik@mail.ru

**ПРОСЧЕТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ПРИ РЕФОРМИРОВАНИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ[©]**

Проблемы организации и производства предварительного расследования (в частности, такая его форма, как предварительное следствие), в силу их практической значимости всегда находились в центре внимания российских процессуалистов.

К моменту принятия нового Уголовно-процессуального кодекса в теории уголовного процесса были предложены самые различные варианты организации предварительного следствия вплоть до его полной ликвидации и создания на его основе полицейского дознания. Сторонники такой идеи считали, что предварительное следствие показало свою несостоятельность за годы своего существования и дальнейшее реформирование его

Пункт 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ содержит норму следующего содержания: «Руководитель следственного органа уполномочен возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования». Часть 6 ст. 220 УПК РФ содержит норму, которая гласит, что после подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело с согласия руководителя следственного органа немедленно направляется прокурору [Там же]. Анализ этих норм уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что по законченному уголовному делу с составлением обвинительного заключения руководитель следственного органа принимает одно из следующих решений:

- 1) об утверждении обвинительного заключения (дача согласия следователю на направление обвинительного заключения прокурору);
- 2) о возвращении уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве предварительного следствия.

Из этого следует, что законодатель наделяет аналогичными полномочиями и прокурора, и руководителя следственного органа. Мы считаем, что полномочия по утверждению обвинительного заключения и возвращению уголовного дела на дополнительное следствие являются исключительно надзорными полномочиями и должны принадлежать только прокурору. Время, необходимое руководителю следственного органа для ознакомления с уголовным делом для последующего принятия решения, входит в срок предварительного следствия, что, на наш взгляд, недопустимо и ограничивает процессуальную самостоятельность следователя. Таким образом, мы считаем, что наделение руководителя следственного органа подобными полномочиями является необоснованным.

Кроме того, законодатель правом на возвращение уголовного дела на дополнительное следствие, помимо прокурора и руководителя следственного органа, наделил и суд. Порядок возвращения уголовного дела судом на дополнительное следствие регламентируется статьей 237 УПК РФ. Эта же статья содержит и поводы такого возвращения уголовного дела [Там же].

При этом ст. 237 УПК РФ более не содержит запрета на производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий по возвращенному уголовному делу.

Такая трактовка статьи 237 УПК РФ свидетельствует о том, что уголовное дело возвращается судом практически на дополнительное следствие.

Справедливо отмечают В. Кальницкий и Т. Курекова, что легализован распространенный (сложившийся вопреки предписаниям закона) порядок, когда прокурор, получив из суда дело, направлял его органам расследования, руководствуясь нормами ст. 22 УПК РФ, а срок устанавливался руководителем следственного органа в порядке ст. 162 УПК РФ [2, с. 97].

Из всего этого следует, что законодательно закреплена тройная проверка законности действий следователя по окончанию уголовного дела. Данный факт подтверждают и многие ученые-процессуалисты. Так, В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Калинин пишут, что по действующему УПК РФ следователь поставлен под тройной процессуальный контроль и надзор: руководителя следственного органа (ведомственный процессуальный контроль), прокурора (процессуальный надзор) и суда (судебный контроль) [1, с. 53]. Аналогичного же мнения придерживается и А. П. Кругликов [3, с. 59].

Ограничение процессуальной самостоятельности следователя прослеживается и при отмене незаконного или необоснованного постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и отмене постановления о возбуждении уголовного дела. Из содержания ч. 6 ст. 148 УПК РФ видно, что полномочиями по отмене постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, помимо надзирающего прокурора, наделен еще и руководитель следственного органа.

Чуть по-другому обстоит дело при отмене постановления следователя о возбуждении уголовного дела. Статья 146 УПК РФ не предусматривает полномочий руководителя следственного органа на отмену подобного постановления следователя. Но мы согласны с точкой зрения С. Никифорова, который считает, что руководитель следственного органа в соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК РФ уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления следователя и нижестоящего руководителя следственного органа. Представляется, что это требование закона в полной мере распространяется и на возможность отмены незаконного или необоснованного постановления о возбуждении уголовного дела [4, с. 40]. Но при этом руководитель следственного органа, в отличие от прокурора, не ограничен временными рамками, в течение которых он должен принять решение.

Из анализа ч. 1 ст. 214 УПК РФ видно, что правом на отмену постановления следователя о прекращении уголовного дела также наделены прокурор и руководитель следственного органа. Данная норма также не ставит руководителя следственного органа в определенные временные рамки, в течение которых он должен принять свое решение.

Наделение руководителя следственного органа, который сам является поднадзорным органом, подобными полномочиями приведет к тому, что эти полномочия будут использованы для достижения определенных ведомственных интересов, не связанных с законностью и качеством предварительного следствия.

Таким образом, в российском уголовном судопроизводстве законодательно закреплена двойная, а в определенных случаях и тройная контроль за законностью действий и решений следователя, что, на наш взгляд, существенно ограничивает процессуальную самостоятельность следователя, что в конечном итоге, в первую очередь, влияет на законность, качество и сроки расследования. Полномочия по отмене вышеуказанных постановлений следователя должен осуществлять прокурор как надзорный орган, но никак не руководитель следственного органа, который осуществляет руководство за предварительным следствием и контрольные полномочия. Для этого законодательно необходимо внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

RUSSIAN GOLD MINING POLICY IN RESEARCHERS' WORKS

Kochegarova Elena Danilovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Moscow Academy of Entrepreneurship under the Government of Moscow (Branch) in Blagoveshchensk
l_kochegarova@mail.ru

The author discusses an actual problem of the native gold mining industry history - the analysis of scientific, popular and journalistic literature that reflects various aspects of the national gold mining policy; determining the degree of this subject knowledge base, considers the researches that allow revealing the main directions of the state-legal regulation of one of the leading sectors of economy, and tells that the estimation of the scientific level of the state policy problem development in the gold mining industry in terms of the basic regulations argumentation, the setting and solution of debatable issues provides an opportunity to determine the problems that require a further study.

Key words and phrases: state policy; Russian gold mining industry; scientific research; history of gold mining; regional gold mining industry policy.

УДК 343.13

Юридические науки

Статья раскрывает проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя при осуществлении надзора и контроля за законностью решений следователя после реформирования предварительного следствия. Распределив надзорные полномочия между прокурором и руководителем следственного органа, законодатель тем самым поставил следователя в еще более зависимое положение от руководителя следственного органа. Основной акцент делается на анализ норм уголовно-процессуального законодательства, ограничивающих самостоятельность следователя при производстве им расследования по уголовному делу.

Ключевые слова и фразы: прокурор; руководитель следственного органа; следователь; процессуальная самостоятельность; процессуальный контроль; прокурорский надзор.

Магомедов Анвар Шамильевич

Дагестанский государственный институт народного хозяйства
Anvargisik@mail.ru

**ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ПРОКУРОРА:
ИХ СООТНОШЕНИЕ С ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ[©]**

Федеральным законом от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и в ФЗ “О прокуратуре РФ”» внесены существенные изменения в стадии досудебного производства по уголовному делу [7]. Данным законом полномочия, которыми ранее обладал только прокурор, были распределены между прокурором и руководителем следственного органа. Тем самым законодатель преследовал цель разграничения функций прокурорского надзора и руководства предварительным следствием и обеспечения следователя процессуальной самостоятельностью.

Предоставление следователю процессуальной самостоятельности, укрепление правовых гарантий его деятельности являются одним из необходимых условий эффективности его работы. В то же время предоставление следователю процессуальной самостоятельности способствует повышению его ответственности за расследуемое дело.

Однако реформа предварительного следствия не обеспечила следователя процессуальной самостоятельностью. При этом правильно отмечают В. Н. Григорьев, А. В. Победкин и В. Н. Калинин, что следователь в отечественном уголовном судопроизводстве традиционно рассматривается как лицо процессуально самостоятельное, но вместе с тем такое определение статуса следователя в последние годы использовалось большей частью как привычный штамп [1, с. 49].

В последующем законодатель восстановил прокурора в некоторых его полномочиях, при этом сохранив те же полномочия и за руководителем следственного органа (ФЗ от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ; ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ), тем самым ограничивая процессуальную самостоятельность следователя [5; 6].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, на наш взгляд, содержит нормы, существенно ограничивающие процессуальную самостоятельность следователя.

Одним из таких положений являются полномочия по утверждению обвинительного заключения. Так, согласно п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен утверждать обвинительное заключение или обвинительный акт по уголовному делу. По поступившему с обвинительным заключением уголовному делу прокурор принимает одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221 УПК РФ, в том числе об утверждении обвинительного заключения или направлении уголовного дела на дополнительное следствие [8].

4. **Борисов С. М.** Золото в экономике современного капитализма. М.: Финансы и статистика, 1984. 479 с.
5. **Ванеев Н. И.** Золото. М.: Гос. науч.-тех. изд-во лит. по черной и цветной металлургии, 1941. 155 с.
6. **Вишев И. И.** Южноуральское золото: XIX век. Челябинск: Тип. «Фото-Художник», 2004. 148 с.
7. **Гутак О. Я.** Золотопромышленность юга Западной Сибири в 1917-1950 гг.: дисс. ... к.и.н. Томск, 2005. 218 с.
8. **Данилевский В. В.** Русское золото: история открытия и добыча до середины XIX в. М.: Металлургиздат, 1959. 380 с.
9. **Димова Н. П.** Золотодобывающая промышленность Забайкалья в восстановительный период и годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1922-1937 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск, 1984. 24 с.
10. **Зеляк В. Г.** Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30-50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
11. **Золото России** / гл. ред. В. В. Рудаков. М.: АО «Экос», 2002. 722 с.
12. **Игибаев С. К.** Частная золотопромышленность дореволюционного Казахстана (1833-1917 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Усть-Каменогорск, 1974. 24 с.
13. **Ламин В. А.** Золотой след Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 144 с.
14. **Лежнин П. Д.** Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922. 354 с.
15. **Лерман Л. Б.** Капиталистическое предпринимательство в золотопромышленности Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 1972. 25 с.
16. **Лешков В. Г., Бельченко Е. Л., Гузман Б. В.** Золото российских недр. М.: АО «Экос», 2000. 628 с.
17. **Локерман А. А.** Загадка русского золота. М.: Наука, 1978. 144 с.
18. **Макарова В. Н.** Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX – 30-е гг. XX в.). Уфа: XXI век, 2006. 320 с.
19. **Максимов М. М.** Очерк о золоте. М.: Недра, 1977. 111 с.
20. **Маркова Н. А.** Дальневосточная золотодобывающая промышленность и ее влияние на освоение региона (вт. пол. XIX – 1917). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2009. 172 с.
21. **Марфунин А. С.** История золота. М.: Наука, 1987. 244 с.
22. **Мезенцева И. В.** Развитие золотодобывающей промышленности Забайкалья (1941-1945 гг.): дисс. ... к.и.н. Иркутск, 2005. 259 с.
23. **Митин А. И.** Кабинетная золотопромышленность Алтайского (горного) округа (1830-1917): автореф. дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2003. 24 с.
24. **Михалевский Ф. И.** Золото в период мировых войн. М.: Госполитиздат, 1945. 235 с.
25. **Нагаев А. С.** Золотопромышленность Восточной Сибири в 30-50 гг. XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1958. 24 с.
26. **Овсянникова Н. Д.** Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма: 1861-1914 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск, 1964. 25 с.
27. **О-Ун-Дар К. У.** Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 гг. Красноярск: СИБУП, 2008. 222 с.
28. **Патронова А. Г.** История развития золотодобывающей промышленности Забайкалья (1832-1916 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Чита, 1971. 24 с.
29. **Потемкин С. В.** Благородный 79-й. М.: Недра, 1978. 135 с.
30. **Рабинович Г. Х.** Золотопромышленность Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Томск, 1964. 24 с.
31. **Русское золото: в 3-х т.** М.: Товарищество «Московский писатель», 1993. Т. 1. 576 с.
32. **Рукосуев Е. Ю.** Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX – начале XX в. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 196 с.
33. **Сапоговская Л. В.** Национальная золотопромышленная политика XIX-XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.
34. **Сапоговская Л. В.** Частная золотопромышленность России на рубеже XIX-XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 314 с.
35. **Серебровский А. П.** Золотая промышленность: в 2-х т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 1. 337 с.
36. **Соболевский В. И.** Благородные металлы. М.: Знание, 1970. 48 с.
37. **Солдатов Л. К.** Золотопромышленность в системе народного и мирового хозяйства. М.: Союззолото, 1929. 110 с.
38. **Ступников В. М.** Горнодобывающая промышленность Приамурья (1868-1914 гг.). Благовещенск, 1975. 108 с.
39. **Фосс Г. В.** Золото: типы месторождений, история добычи, сырьевые базы. М.: Госгеолтехиздат, 1963. 174 с.
40. **Хатылаев М. М.** Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири: 1917-1925 гг. Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1983. 92 с.
41. **Хатылаев М. М.** Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири: 1921-1937 гг. Новосибирск: Наука, 1986. 175 с.
42. **Хроленок С. Ф.** Золотопромышленность Сибири (1832-1917): историко-экономический очерк. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 307 с.
43. **Хроленок С. Ф.** Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1832-1917): автореф. дисс. ... д.и.н. Иркутск, 1973. 46 с.
44. **Целищев М. И.** Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток: Кн. дело, 1925. 132 с.
45. **Целищева В. Н.** Частное предпринимательство в золотодобывающей промышленности Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск, 2002. 25 с.
46. **Шилов А. В.** Золотопромышленность частных горных округов Урала в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Пермь, 1973. 24 с.
47. **Широков А. И.** Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920-1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 460 с.
48. **Широков А. И.** Социально-экономическое развитие Северо-Востока России в 1930-1950-х гг.: формы, методы, результаты: автореф. дисс. ... д.и.н. Томск, 2009. 32 с.

проблему. На основе значительного фактического материала, вводимого в большей части впервые в научный оборот, автор определил главные тенденции внутренних процессов в развитии золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. Им же впервые было проведено комплексное исследование одного из крупнейших отрядов рабочего класса Восточносибирского региона в годы первых пятилеток [41].

В диссертации Н. П. Димовой [9] была предпринята попытка проследить различные факторы становления и развития золотодобывающей промышленности Забайкалья в восстановительный период и годы социалистической реконструкции народного хозяйства, определив ее региональные особенности. Особое внимание в работе уделено изучению, анализу и обобщению опыта партийных и советских государственных органов по реконструкции отрасли.

В 1990-е гг. качественных изменений в изучении истории советской золотопромышленности не произошло. Большинство публикаций по этой проблеме, несмотря на введение в научный оборот новых материалов, ограничивались либо экскурсами в историю, либо имели прикладное геологическое значение. Появление сборников документов и материалов «Российское золото» [31], к сожалению, не стало этапом подведения итогов и постановки важнейших задач дальнейшего изучения проблем отечественной золотопромышленности из-за преобладания частных тем.

На этом фоне рельефно выделилось научно-популярное исследование В. А. Ламина [13], в котором обозначены особенности сибирской золотопромышленности в контексте развития мировой золотодобычи и формирования российского промышленного и финансового капитала. Несомненный интерес представляет полемика с устоявшимися в литературе концепциями истории отечественной золотодобычи.

В начале нового тысячелетия появились обобщающие труды по истории отечественной золотопромышленности, охватившие широкий круг проблем: коллективная монография В. Г. Лешкова, Е. Л. Бельченко, Б. В. Гузмана «Золото российских недр» [16], историко-публицистическое издание «Золото России» [11], научный труд Б. И. Беневольского «Золото России: проблемы использования и воспроизводства минерально-сырьевой базы» [3]. Несмотря на преобладающую технико-экономическую направленность, эти работы содержат ценные материалы по развитию золотодобычи в исторической ретроспективе.

Среди региональных работ можно выделить исследование О. Я. Гутак [7] по истории золотодобывающей промышленности юга Западной Сибири с 1917 по 1950 гг. и диссертацию И. В. Мезенцевой [22] по истории золотопромышленности Забайкалья с 1941 по 1955 гг., в которых предприняты попытки определить содержание государственной политики в сфере золотопромышленности и показать ее влияние на состояние золотодобычи в регионе.

В исследовании А. И. Широкова [48] были рассмотрены государственная политика на Северо-Востоке СССР и Дальстрой как ее основной проводник. Анализ особенностей государственной политики позволил автору выйти на уровень оценки ее эффективности и влияния на дальнейшее социально-экономическое развитие региона. Рассматривая «вторую волну» колонизации российского Севера, исследователь подчеркнул, что «специфика государственной политики, институциональной формой оформления которой стал Дальстрой, превратила регион во внутреннюю колонию, сырьевой придаток промышленно развитого центра» [47, с. 450].

Отдельного внимания заслуживает работа В. Г. Зеляка [10], в которой рассмотрены основные этапы геологического изучения Северо-Востока, организационная структура управления горнодобывающей промышленностью, динамика добычи металлов, характеристика трудовых ресурсов, специфика формирования социальной сферы. Несомненным достоинством исследования являются тщательность проработки фактического материала, постановка проблемы роли и места горнодобывающей промышленности в индустриальном развитии региона и страны в целом, соотнесение истории золотодобычи Дальстроя с развитием общесоюзной золотодобывающей промышленности.

Особое место среди работ по истории советской золотопромышленности занимает последняя монография Л. В. Сапоговской [33], в которой поставлена проблема влияния собственной золотодобычи на специфику национальных моделей социально-экономического развития. Последовательно рассматривая различные источники формирования и пополнения национальных финансовых резервов, автор определяет основные направления использования каждого источника, тем самым реконструируя в исторической ретроспективе применение собственной золотодобычи как средство решения экономических и политических проблем.

Стоит отметить, что и общероссийские, и региональные научные работы к настоящему времени не охватывают всего комплекса вопросов, связанных с развитием советской золотодобычи, а проблема изучения истории советской золотопромышленности не вышла из стадии накопления фактического материала. Что касается собственно государственной политики, проводимой в отрасли, большинство авторов ограничиваются упоминанием основных нормативно-правовых актов, изложение содержания которых носит по преимуществу описательный характер. Развитие сибирской и дальневосточной золотодобычи сквозь призму государственной политики фактически до настоящего времени не рассматривалось, что делает необходимым постановку и дальнейшую разработку проблемы.

Список литературы

1. **Анерт Э. Э.** Богатства недр Дальнего Востока. Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928. 928 с.
2. **Аникин А. В.** Золото: международный экономический аспект. М.: Международные отношения, 1984. 319 с.
3. **Беневольский Б. И.** Золото России: проблемы использования и воспроизводства минерально-сырьевой базы. М.: ЗАО «Геоинформмарк», 2002. 464 с.

их замкнутость в узких территориальных рамках и чрезмерное увлечение местными материалами не способствовали достаточному уровню обобщений. Поэтому практически во всех крупнейших обобщающих исследованиях отечественных специалистов по ключевым вопросам экономического развития России XIX – начала XX в. золотопромышленность фактически исключена из сферы анализа [Там же, с. 13].

В последнее десятилетие исследование досоветской золотопромышленности отдельных регионов получило развитие в работах И. И. Вишева [6], Е. Ю. Рукосуева [32], К. У. О-Ун-Дара [27], В. Н. Целищевой [45], Н. А. Марковой [20], А. И. Митина [23], в рамках которых рассматриваются основные направления золотопромышленной политики, проводится анализ российского горного законодательства, определяются методы государственного регулирования. Представляется необходимым особо выделить монографию В. Н. Макаровой [18], предпринявшей попытку изучения модернизационных процессов в функционировании южноуральских золотопромышленных предприятий в периоды дореволюционной и советской индустриализации.

История золотодобычи в советский период до настоящего времени не получила адекватного историографического отражения. Во многом это обусловлено режимом секретности материалов и периодическими проводимыми кампаниями по переоценке степени доступности архивных фондов, что лишало исследователей возможности объективного освещения золотопромышленной проблематики. По мнению Л. В. Сапоговской, разработка этой темы «дозировалась» и если не официально, то негласно была «закрытой» [34, с. 8].

Начало изучения истории золотодобывающей промышленности этого периода положили опубликованные в 1920-е гг. работы геологов-поисковиков, представлявшие геологические исследования отдельных местностей с характеристикой месторождений золота и общих условий работ. В это же время выходят исследования П. Д. Лежнина [14], Э. Э. Анерта [1], М. И. Целищева [44], в которых приводится подробная характеристика отдельных золотоносных районов, устанавливается связь между содержанием золота в россыпи и геологией местностей, опубликован значительный фактический материал, характеризующий динамику добычи золота. Дальнейшее развитие отрасли исследователи определяли в направлении открытия новых золотоносных районов, интенсификации разработки россыпей старых районов и развития добычи рудного золота. Несмотря на преобладавшую геологическую направленность, эти работы содержали определенную степень обобщений соотносительно с особенностями развития отечественной золотодобывающей промышленности.

В 1929 г. был опубликован научный труд Л. К. Солдатов [37], в котором автор основное внимание уделил историческому и экономическому развитию отечественной и мировой золотодобычи, наметив дальнейшие перспективы отрасли. Кроме того, впервые была поставлена проблема экономического значения золотопромышленности в системе народного хозяйства дореволюционной России и СССР.

Стоит отметить, что содержание исследований по истории золотодобычи 1920-х – начала 1930-х гг. было связано с компаративным анализом истории отечественной промышленности, отдельных ее отраслей и регионов в до- и советское время. К концу же 1930-х – началу 1940-х гг. значительное внимание стало уделяться техническим аспектам, прежде всего постановке геолого-поисковых работ, механизации процессов добычи, истории развития техники, что диктовалось потребностями времени. Типичны в этом смысле, например, работы А. П. Серебровского [35] и Н. И. Ванеева [5].

В период 1920-1930-х гг. сформировался значительный пласт литературы по наиболее злободневным вопросам развития золотодобывающей промышленности. В нем доминировали работы производственно-технического и экономического профиля, авторами которых были преимущественно специалисты горного дела и работники хозяйственных органов. В дальнейшем издание работ по интересующей нас проблеме заметно сократилось. Лишь в 1945 г. вышла работа Ф. И. Михалевского «Золото в период мировых войн» [24], которая давала возможность сравнить пути развития золотодобычи в СССР с мировыми тенденциями в производстве золота.

Длительный перерыв в изучении истории советской золотопромышленности, фактическая закрытость этой темы в отечественной индустриальной историографии связаны с сохранявшимся режимом секретности архивных фондов, неполнотой и противоречивостью доступных статистических данных, идеологизированной подачей информации в опубликованных источниках, тенденциозностью в освещении тех или иных событий. Исследователи были лишены возможности тщательного сопоставления и проверки фактов и статистических данных путем комплексного использования различных по своему содержанию и назначению материалов.

В 1970-е гг. вышла серия научно-популярных исследований, посвященных проблемам геологии, химии, техники и в этой связи – истории золотодобычи. Это монографии В. И. Соболевского [36], С. В. Потемкина [29], М. М. Максимова [19], Г. В. Фосса [39]. Среди работ этой серии своей исторической направленностью выделяется монография А. А. Локермана «Загадка русского золота» [17], где значительное место отведено сюжетам поиска золота на территории Российского государства, первым опытам золотодобычи.

В 1980-е гг. активизируется разработка международного и политико-экономического аспектов истории золота. В монографиях А. В. Аникина [2], С. М. Борисова [4], А. С. Марфунина [21] отражены вопросы истории открытия, добычи и использования золота; составлено описание геологического положения главнейших золотоносных провинций и месторождений; определена роль золота в экономике, культуре и его функционирование в качестве мировых денег, а также пути движения золота в капиталистическом мире. Значение этих исследований связано с рассмотрением истории отечественной золотодобычи в контексте важнейших тенденций развития мировой экономики.

Среди работ золотопромышленной тематики стоит выделить исследования М. М. Хатылаева [40], которым впервые история советской золотодобывающей промышленности выделена в самостоятельную научную

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена актуальной проблеме истории отечественной золотодобывающей промышленности – анализу научной, научно-популярной и публицистической литературы, в которой отражены различные аспекты национальной золотопромышленной политики. Определяя степень изученности данной темы, автор рассматривает исследования, позволяющие выявить основные направления государственно-правового регулирования одной из ведущих отраслей экономики. Оценка научного уровня разработки проблемы государственной политики в золотодобывающей промышленности с точки зрения аргументированности основных положений, постановки и разрешения дискуссионных вопросов дает возможность выделить проблемы, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова и фразы: государственная политика; российская золотодобывающая промышленность; научные исследования; история золотодобычи; региональная золотопромышленная политика.

Кочегарова Елена Даниловна, к.и.н., доцент

*Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы (филиал) в г. Благовещенске
l_kochegarova@mail.ru*

**РОССИЙСКАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ®**

Государственная политика в отечественной золотодобывающей промышленности рассматривалась исследователями, как правило, в рамках научных работ, посвященных проблемам становления и развития отрасли. К настоящему времени проблемы золотопромышленности отражены в трудах историков, экономистов, геологов, юристов, что подчеркивает значение золота как особой экономической ценности. Стоит отметить, что абсолютное большинство обобщающих работ рассматривают золотопромышленность досоветского периода. На наш взгляд, они сформировали прочную основу дальнейших исследований.

Одной из первых попыток комплексного изучения золотого промысла стала опубликованная в 1959 г. монография В. В. Данилевского [8], в которой был дан анализ правительственной политики в сфере золота, рассмотрено развитие казенного и частного промысла, выявлены типологические свойства и национально-историческая специфика отрасли.

В этот же период выходят исследования А. С. Нагаева по истории золотопромышленности Восточной Сибири в 30-50-е гг. XIX в. [25], Г. Х. Рабиновича – по истории золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. [30], Н. Д. Овсянниковой – по истории золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма [26]. Основное внимание авторов было направлено на анализ и оценку роли золотопромышленности в социально-экономическом становлении и развитии конкретных регионов в XIX – начале XX в.

В 1970-е гг. это направление исследований получило дальнейшее развитие в серии диссертаций, посвященных крупнейшим золотодобывающим районам: А. Г. Патроновой [28] – Забайкалью, Л. Б. Лермана [15] – Западной Сибири, А. В. Шилова [46] – Уралу, С. Ф. Хроленка [43] – Восточной Сибири и Дальнему Востоку, С. К. Игибаева [12] – Казахстану, В. М. Ступникова [38] – Приамурью. Особенностью этих работ были, во-первых, рассмотрение региональной специфики в развитии золотопромышленности, во-вторых, исследование процесса формирования рабочего класса и его социально-экономического положения и, в-третьих, различные оценки в определении периода промышленного переворота в отрасли и перехода от мануфактурной к фабричной стадии развития.

Исследования, подготовленные в эти годы, ввели в научный оборот значительные массивы фактического материала, систематизированного, как правило, хронологически. Однако именно они подготовили появление с конца 1980-х и в 1990-е гг. обобщающих работ по истории золотопромышленности досоветского периода. В 1990 г. была опубликована монография С. Ф. Хроленка [42], узловую проблему которой представлял генезис капитализма в золотодобывающей промышленности Сибири. Автором были рассмотрены вопросы зарождения и развития отрасли; динамика и общий уровень процессов модернизации отечественной золотодобычи; налоговая, финансово-кредитная и таможенная политика государства; формирование и классовая борьба приискового пролетариата. Исследование отличают выход за узкие территориальные рамки, систематизация новых и уже вошедших в научный оборот данных и известный уровень приближения к оценке исторического пути российской золотопромышленности.

В монографии Л. В. Сапоговской [34] были определены основные этапы правительственной политики дореволюционной России в сфере золотопромышленности и общая тенденция ее эволюции на протяжении XVIII – начала XX в. Важнейшая проблема особенностей развития российской золотопромышленности была рассмотрена в русле формирования концептуальных представлений об особенностях модернизации экономики России. Отметим справедливость замечания автора, что преобладание региональных исследований,

сделали возможным не только какое-то число аналогий, но и некоторое число различий. «Они открыли пространство для чего-то отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали» [Там же, с. 32]. Речь, вероятно, идет об основополагающем ядре субъективности, о совокупности сказанного, определяющей такую область знания, которая может быть удостоена имени автора [2, с. 15].

Фуко считает, что субъект всегда находится в зависимости от дискурса, но именно субъект продуцирует разрыв – открывает пространство для переосмысления имеющихся текстов. Трансдискурсивная ситуация характеризуется институционализацией забвения и проистекающим из него «возвращением к истоку» – пробелу или пустоте, которые должны быть заполнены дискурсивной практикой, учитывающей многообразие субъективных позиций. Согласно Фуко, «основатели дискурсивности являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов... Они установили некую бесконечную возможность дискурсов» [4, с. 31]. «Иначе говоря, в отличие от основания науки установление дискурсивности не составляет части последующих трансформаций, но остается по необходимости в стороне и над ними... Говоря очень схематично: не произведения этих учредителей располагаются по отношению к науке и в пространстве, которое она очерчивает, но как раз наоборот: наука и дискурсивность располагаются по отношению к их работам как к неким первичным координатам» [Там же, с. 34, 35].

Согласно Фуко, в текстах таких авторов, как Гомер, Платон, Аристотель, Отцы Церкви, Маркс, Фрейд, содержится небольшое число высказываний, за которыми можно признать ценность основоположения. При этом любой субъект обладает возможностью выбора тех высказываний, которые будут иметь для него основополагающую ценность, и может рассматривать другие положения в качестве несущественных, «никогда не оценивая их при этом как ложные» [Там же, с. 34].

Завершая обзор представленного М. Фуко анализа функции-автора, необходимо отметить несколько ключевых моментов, на основании которых субъективность может быть рассмотрена как определенное олицетворение культуры. Прежде всего, попытка Фуко элиминировать субъекта из поля дискурсивности привела его к констатации функции-автора, которая выступает своеобразной спецификацией субъекта. По мнению Фуко, абсолютного субъекта не существует, но всегда следует уточнять, о каком субъекте идет речь – экономическом, политическом, социальном, субъекте дискурса, желания и т.п. Отличительным признаком субъекта дискурса выступает функция-автор, которая задается особой дискурсивной практикой и характеризуется историческими особенностями типа дискурса.

Второй момент связан с типологией дискурсов, которую Фуко считает производной от первичных и фундаментальных отношений между автором и его произведением. Функция-автор проявляется в том, что в непрерывном социокультурном поле дискурсов устанавливается разрыв, посредством которого открывается особое пространство смыслов – некое концептуальное поле, в пределах которого имплицитное содержание текста подвергается дальнейшим интерпретациям.

Третий момент касается опосредованных отношений между автором и его произведением, которые, согласно Фуко, имеют институционализированный характер и определяются, с одной стороны, местом автора в структуре социальных отношений, с другой стороны, местом произведения в действующих дискурсивных практиках. Наконец, в трансдискурсивной ситуации функция-автор экстраполируется не только на пространственно-временные параметры историчности конкретной культуры, но и предполагает также исторический анализ личности Автора, под влиянием которого оказалась не одна, а несколько культурных эпох.

Список литературы

1. **Артамонова Ю. Д.** Основные версии происхождения историзма // Эпистемология & Философия науки. 2010. № 3. С. 169-185.
2. **Колесников А. С.** Проблема субъективности в археологии знания М. Фуко // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 2. С. 7-17.
3. **Кротков Е. А.** Дискурсивная модель научной рациональности. Белгород, 2009. 164 с.
4. **Фуко М.** Что такое автор // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
5. **Barthes R.** La mort de L'auteur // Barthes R. Le Bruissement de la langue: Essais critiques IV. Paris: Éditions du Seuil, 1984. 412 p.

AUTHOR'S NAME, HISTORICITY AND DISCURSIVE PRACTICES IN M. FOUCAULT'S ARCHAEOLOGY OF KNOWLEDGE

Kostina Irina Borisovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
kib999@inbox.ru

Kostin Aleksandr Borisovich, Ph. D. in Philosophy
Military Scientific-Educational Centre of Air Force Academy named after Professor N. I. Zhukovskii and Yu. A. Gagarin
kostin@comch.ru

The authors present the analysis of author-function introduced by M. Foucault in relation to discursive practices, and historicity phenomenon, consider author-function as a kind of the subject's specification, associated with the possibility of risk and the institutionalization of oblivion, and tell that this function has a historical determination and provides the method of the interaction between discourses in a particular culture.

Key words and phrases: historicity; discourse; discursive practice; author-function; "gap"; space of knowledge; oblivion.

освященная таким образом и прославленная смертью, перешла в бессмертие; сказание было выкупом за эту принятую смерть». В современной культуре авторское отношение к смерти, составляющее сакральный смысл произведения, маскируется принципом безразличия к автору и выражается в его забвении. «Творение, задачей которого было приносить бессмертие, получило право убивать, быть убийцей своего автора» [Там же].

Фуко полагает, что тема забвения автора является неотъемлемой характеристикой дискурса, его институциональным свойством. «Акт установления, действительно, по самой своей сущности таков, что он не может не быть забытым. То, что его обнаруживает, то, что из него проистекает, – это одновременно и то, что устанавливает разрыв, и то, что его маскирует и скрывает» [Там же, с. 36]. Забвение автора, с точки зрения Фуко, связано с постоянным возвращением читателей к сакральному смыслу произведения, тщательно завуалированному социальным контекстом властных и собственнических отношений. Но прежде чем стать «продуктом, вещью, имуществом... дискурс размещался в биполярном поле священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного,... дискурс был жестом, сопряженным с риском» [Там же, с. 23]. И эта возможность риска, «преступления границ» является существенной характеристикой дискурса, проявляющейся в функции-автора.

Размышляя о том, что такое имя автора и как оно функционирует, Фуко выделяет два ключевых момента. Во-первых, имя автора, будучи именем собственным, связано с пишущим индивидом и его эпохой. Во-вторых, имя автора относится к произведениям, написанным данным индивидом, обеспечивает функцию классификации авторских текстов и в этом качестве является определенным элементом дискурса. Любой дискурс получает в культуре некоторый статус и соответствующий данному статусу способ функционирования. Имя автора позволяет группировать ряд текстов, приводить их в некоторое отношение между собой, в котором один текст является продолжением и разъяснением другого, хотя вместе они образуют некоторое концептуальное поле, в котором имени автора также отведено определенное место. Фуко отмечает, что «имя автора размещается не в плане гражданского состояния людей, равно, как и не в плане вымысла произведения, – оно размещается в разрыве, устанавливающем определенную группу дискурсов и ее особый способ бытия» [Там же, с. 22].

Участвуя во взаимодействии дискурсов, имя автора обретает функциональные признаки и становится функцией-автора. Эта функция, с одной стороны, характеризуется практикуемым автором способом обработки текстов, в котором черты общности и преемственности указывают на единство авторского стиля, определенную линию изложения материала, устойчивые обороты речи и т.п. С другой стороны, функция-автор продуцирует разрыв в социокультурной ткани сопряженных между собой дискурсов; она как бы «вырезает» некоторое число дискурсов, проблематизирует их, сталкивает между собой и создает, тем самым, событие культуры. Функция-автор открывает особое пространство смыслов, попадая в которое любой другой индивид имеет возможность поставить себя на место автора и увидеть мир с авторской точки зрения. Более того, сама функция-автор, по мнению Фуко, является многоместной, т.е. в ходе изложения материала автор может высказывать свои соображения с различных позиций.

Примером тому является авторское имя «Николя Бурбаки», относящееся к группе выдающихся французских математиков середины XX века, каждый из которых известен и под своим именем. В 1940-х годах под именем «Н. Бурбаки» начинает издаваться основной труд этого авторского коллектива «Элементы математики», в 1960-х годах под тем же именем выходит новая серия работ «Элементы истории математики». Как отмечают исследователи, идентичность группы «Н. Бурбаки» задавалась особым способом ее работы. Каждый раздел публикации готовился одним из членов группы, затем подвергался критике со стороны остальных участников. Дискуссии продолжались до тех пор, пока все члены группы не сходились во мнении, какие теоремы и аксиомы, в каком порядке следует включить и почему это является важным. Таким образом, одним из проявлений функции-автора Фуко считает множественность позиций, предполагающих различное место автора в структуре дискурса. Эти позиции не являются случайными, но зависят от типа дискурса и уровня его ценности в рамках конкретной культуры.

Фуко различает несколько типов дискурса и соответствующие им функции-автора: литературный дискурс, научный дискурс и дискурсивность в собственном смысле слова. Каждый тип дискурса имеет определенные особенности и специфичные правила функционирования в культуре. В случае литературных произведений, к которым функция-автор применима в полном объеме, речь идет о некотором постоянном уровне ценности авторских текстов и определенном числе сходств и аналогий, выступающих, если можно так выразиться, схемой-образом некоторой предметной области, выделенной и проработанной автором. В качестве примера Фуко приводит творчество Энн Редклиф, основавшей такой литературный жанр, как роман ужасов.

Отличительную особенность научного дискурса Фуко видит в том, что «акт основания некоторой научности всегда может быть заново введен внутрь той машинерии трансформаций, которые из него проистекают» [Там же, с. 34]. Иными словами, в научном познании схема, впервые разработанная автором (Галилеем или Ньютоном), постоянно трансформируется дальнейшими открытиями, становясь неотъемлемой составной частью данной области научного знания. Детерминируя возможности исследования, начальная схема постоянно соотносится с предметной областью науки и как бы «замыкается на себе» – сначала порождает некоторое концептуальное пространство, а затем становится его частным случаем. Происходит рекурсия, в ходе которой исходная схема не только концептуализирует реальность, но и сама подвергается предметной корректировке, изменяющей начальный статус схемы при каждом последующем вводе ее в модифицируемую научную теорию. Таким образом, в научном дискурсе актуальный статус основополагающей концептуализации определяется, прежде всего, теоретическим состоянием предметной области конкретного научного знания.

Что касается дискурсивности в собственном смысле слова, или, по выражению Фуко, – трансдискурсивной ситуации, к которой он относит наследие таких «учредителей дискурсивности», как Маркс и Фрейд, то они

создаваемую посредством текста картину реальности; большую смысловую структуру, имеющую тематическое ядро; репрезентацию властных отношений и идеологических установок, которые определяют некоторую программу действий; коммуникативно-знаковую систему в единстве ее интенции (программной установки), актуализации (воплощения) и контекста [3, с. 6].

Как отмечает Е. А. Кротков, дискурс – это речемыслительная деятельность, регламентируемая социокультурными кодами (правилами, традициями, ценностями) определенной общественной практики, посредством которой люди производят и транслируют знания и модели социального опыта. Дискурс выступает особым языковым феноменом, как бы «сотканным» из языка, но если использование языка регламентируется преимущественно грамматическими правилами, то использование дискурса учитывает особенности социальных статусов и целевых установок участников коммуникации. Благодаря дискурсу в динамике языка высвечиваются трудно опознаваемые отношения между сознанием и поведением, мышлением и материальным миром.

Будучи знаковым образованием, некоторой последовательностью высказываний, дискурс представляет собой текст, созданный автором, но способный вести автономное существование без какой-либо явной связи со своим создателем. С другой стороны, тематическое ядро дискурса, его смысловая структура неизменно стимулируют целевую интенцию дискурса – то внутреннее усилие, идущее от субъекта (автора или читателя), благодаря которому дискурс включается в социальные отношения, становится событием и сопрягается с другими дискурсами. Таким образом, используемое Фуко понятие дискурса, с одной стороны, имеет объективную текстовую форму, существующую автономно по отношению к любым субъектам (в том числе и автору текста), но с другой стороны, обладает собственной смысловой структурой, созданной автором и определяющей характер связи элементов дискурса.

В работе «Что такое автор» (1969 г.) Фуко анализирует отношения между текстом и автором, рассматривая понятие автора в качестве особой функции, которая, с одной стороны, является спецификацией категории субъекта, а с другой стороны, находится в зависимости от условий функционирования дискурса в пространственно-временных рамках историчности конкретной культуры. Фуко отмечает, что «понятие автора конституирует важный момент индивидуализации в истории идей» [4, с. 12], и показывает далее, что единство автора и произведения представляет собой первичную фундаментальную форму знания, по сравнению с которой различные типы дискурсов являются вторичными, более слабыми расчленениями.

В попытке разобраться в условиях «функционирования специфических дискурсивных практик» Фуко стремится определить способ, согласно которому имя автора участвует во взаимодействии дискурсов. Первой особенностью, на которую обращает внимание французский мыслитель, выступает принцип безразличия к автору, определяемый формулой: «какая разница, кто говорит». По мнению Фуко, принцип безразличия является фундаментальным этическим принципом современного письма, который «господствует над ним как практикой» [Там же, с. 13]. Полемизируя с Р. Бартом, Фуко подчеркивает, что «современное письмо есть игра знаков, упорядоченная не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означающего» [Там же].

В процессе написания текста внутренние правила языка коррелируют некоторым образом с правилами существования социального мира, и эта корреляция определяется типом дискурса и характером связи его элементов. В тексте разворачивается картина некоторого фрагмента реальности, схваченная или созданная автором, который формирует тематическое ядро и смысловую направленность текста. В особенностях авторского стиля выражается статус пишущего субъекта, уровень владения языком, причастность автора конкретной культуре и его отношение к социальным тенденциям. Фуко подчеркивает, что «речь идет не о припиливании некоего субъекта в языке, – вопрос стоит об открытии некоторого пространства, в котором пишущий субъект не перестает исчезать» [Там же, с. 13-14]. Автор как бы растворяется в тексте, приносит себя в жертву своему произведению. Сознательно и целенаправленно он стирает все следы и знаки своей индивидуальности, передавая–воплощая в произведении авторский взгляд на мир. Таким образом, понятие «означающего», с точки зрения Фуко, существует в тех отношениях между автором и его произведением, которые устанавливаются не только самим автором, но и местом автора в структуре социальных отношений, и местом произведения в действующих дискурсивных практиках.

Безусловно, произведение получает свое существование от автора, но теории произведения не существует. Есть только некоторые регулярности в отношениях между автором и текстом, которые Фуко и пытается выявить. Полемизируя со знаменитой статьей Р. Барта «Смерть автора» (1968 г.), Фуко предлагает собственное видение причин, по которым автор не может исчезнуть окончательно. Как известно, Барт на место фигуры Автора помещает фигуру Письма и задается вопросом, кому принадлежит фраза, которой Бальзак в рассказе «Сарразин» описывает кастрата, переодетого в женщину, – индивиду Бальзаку, автору Бальзаку, универсальной мудрости или психологии романтизма? И сам же отвечает на этот вопрос: «Никогда не будет возможности узнать это по той простой причине, что письмо есть деструкция всякого голоса, всякого происхождения. Письмо – это то нейтральное, то разнородное и уклончивое, куда убегает наш субъект, то бесцветное, где теряется всякая идентичность» [5, р. 61].

Фуко соглашается с Бартом в том, что в письме исчезают все индивидуальные характеристики пишущего субъекта, однако остается нечто такое, что позволяет автору всегда занимать привилегированное положение по отношению к своему произведению. Этим нечто является «сродство письма и смерти». Фуко приводит в пример арабские рассказы из «Тысячи и одной ночи», в которых основным мотивом повествования служило желание рассказчика «отодвинуть смерть, ... оттолкнуть этот срок платежа... Рассказ Шехерезады – это отчаянная изнанка убийства, это усилие всех этих ночей удержать смерть вне круга существования» [4, с. 14]. Идея внутренней связи произведения и смерти имеет, согласно Фуко, различные интерпретации в разных культурах. Так, в греческих преданиях «герой соглашался умереть молодым для того, чтобы его жизнь,

UNSCRUPULOUS DEBTOR'S LIABILITY DURING LEGAL ENTITY ALTERNATIVE LIQUIDATION

Kondratkova Nadezhda Viktorovna, Ph. D. in Economics
Novosibirsk State University of Economics and Management
Kondratkova_N@mail.ru

The author considers the methods of the alternative liquidation of the legal entity and the risks associated with it: bringing the unscrupulous debtor to civil-legal, administrative or criminal liability; gives the estimation of the mechanisms effectiveness of protecting creditors' rights during the alternative liquidation, provided by the current legislation; and suggests some recommendations for their improvement.

Key words and phrases: alternative liquidation of legal entity; violation of creditors' rights; civil-legal, administrative and criminal liability.

УДК 130.2

Философские науки

В статье представлен анализ введенной М. Фуко функции-автора по отношению к дискурсивным практикам и феномену историчности. Функция-автор рассматривается как своеобразная спецификация субъекта, сопряженная с возможностью риска и институционализацией забвения. Эта функция имеет историческую детерминацию и обеспечивает способ взаимодействия дискурсов в конкретной культуре.

Ключевые слова и фразы: историчность; дискурс; дискурсивная практика; функция-автор; «разрыв»; пространство знания; забвение.

Костина Ирина Борисовна, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
kib999@inbox.ru

Костин Александр Борисович, к. филос. н.
Военный учебно-научный центр ВВС ВВА им. профессора Н. И. Жуковского и Ю. А. Гагарина
kostin@comch.ru

**ИМЯ АВТОРА, ИСТОРИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ М. ФУКО[©]**

Оригинальную концепцию европейской культуры и истории выдвинул М. Фуко, положивший в основу своего исследования идею археологии знания. По его мнению, классическая философия субъекта не способна отвечать на вызовы современности [2, с. 7], поскольку онтология субъекта всецело детерминирована онтологией языка. Вслед за Хайдеггером Фуко выступил с критикой идущего от Августина принципа историзма. В работе «Слова и вещи» (1966 г.) он радикальным образом изменил акценты исторического исследования, пытаясь выявить не цели человеческого существования, а особенности некоторого фундаментального, архаического слоя знания, определяющего стиль мышления и конкретные формы науки в ту или иную эпоху. Этот глубинный уровень, согласно Фуко, содержит «фундаментальные коды культуры», называемые эпистемами, которые, существуя в неявной форме, детерминируют познавательный процесс и нуждаются в рационализации.

Эпистема, по мнению Фуко, коррелирует с понятиями «историческое априори», «пространство знания», «порядок», «эпистемологическая диспозиция» и др. и является важнейшей характеристикой историчности конкретной эпохи. Так, в эпоху Возрождения преобладала эпистема сходства и подобия, благодаря которой язык науки был ориентирован на описание природных вещей. В эпоху классицизма возникает эпистема представленности, под влиянием которой язык становится «великой автономной системой знаков» и практически совпадает с существующим знанием и формами мышления. В неклассический период, согласно Фуко, язык становится строгой формальной системой, вмещающей в себя наряду с грамматическими правилами и оборотами речи традиции, обычаи, привычки, склад мышления и т.п. факторы, которые ранее были определены Гегелем как «дух народа». Данные особенности конкретизируют феномен историчности, который характеризует каждую культурную эпоху посредством используемых в течение ее времени языковых практик. Язык как бы замыкается на самом себе и обретает собственную историю, в ходе которой неконцептуализированное содержание языка принимает формы, соответствующие условиям его применения. По мнению Ю. Д. Артамоновой, «эпоха истории... приходит на место классической эпохи – эпохи “всеобщей представленности”» [1, с. 175].

Фуко рассматривает историчность в качестве особого «пространства знания», уникального и неповторимого для каждой культурной эпохи, отличительными особенностями которой выступают доминирующие дискурсивные практики. В работах позднего Фуко понятие дискурса занимает центральное место, вытесняя эпистему своим более весомым смысловым содержанием. Под дискурсом обычно имеют в виду:

ликвидации в Интернете привлечь к уголовной ответственности нельзя. Именно этого не учли законодатели: предприниматели, которые хотят нарушить закон, не будут самостоятельно регистрировать фирмы, а привлекут для этого номинальных учредителей, которые не могут знать, для каких целей создается компания. Получается, что будет привлечен к ответственности человек, который не планировал преступления» [6, с. 27].

Что касается ст. 159 УК РФ, то результатом неоднократных обращений ООО «СК «Север»» в Отдел полиции № 7 УВД по г. Нижнему Новгороду с заявлением о мошеннических действиях, стали потеря времени, измеряемого годами, и отказ в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Вопрос о привлечении к административной ответственности по ст. 15.11 КоАП РФ также является открытым. Так, Е. А. Хомутов отмечает, что «диспозиция ст. 15.11 КоАП РФ не совсем удачно соотносится с основными положениями части первой НК РФ. А именно, с учетом специфики правонарушения, предусмотренного данной статьей, и характера совершаемого деяния; основным способом его обнаружения является выездная налоговая проверка, которой, в соответствии со ст. 87 НК РФ, может быть охвачено три календарных года, предшествующих году ее проведения. Следовательно, действующее законодательство закладывает потенциальную возможность выявления налогового правонарушения, административное наказание за которое не может быть применено в связи с истечением давностного срока привлечения к ответственности» [7, с. 11].

Еще одним важным вопросом, по мнению Е. А. Хомутова, требующим учета в правоприменительной практике, является вина привлекаемого к ответственности должностного лица как необходимого элемента состава административного правонарушения. А именно факт правонарушения может существовать, а к административной ответственности никого привлечь нельзя, если на основании договора ведение бухгалтерского учета было передано аудиторской фирме. В этом случае руководитель не может быть привлечен к ответственности, поскольку его вина в ненадлежащем исполнении фирмой обязанностей, предусмотренных договором, отсутствует.

Не касаясь вопросов привлечения недобросовестных руководителей к административной и уголовной ответственности, представляется целесообразным принятие комплекса мер, направленных на создание реальных механизмов защиты прав кредиторов при альтернативной ликвидации общества в гражданско-правовом порядке:

Во-первых, внести изменения в ч. 1 ст. 170 ГК РФ.

1. Включить условие о том, что требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить любое заинтересованное лицо, независимо от факта его участия в сделке.

2. Основанием для отказа в признании сделки недействительной не могут служить формальные признаки: договор купли-продажи, акт приема-передачи, свидетельство о регистрации перехода права собственности и т.д.

3. Признаками мнимости могут являться:

- занижение рыночной стоимости отчуждаемого имущества;
- наличие у продавца задолженности перед кредиторами;
- возбужденное в отношении продавца исполнительное производство до заключения оспариваемого договора;
- регистрация смены адреса местонахождения на другой регион;
- отсутствие доказательств осуществления производственной и иной хозяйственной деятельности по новому месту регистрации;
- фактическое нахождение имущества у продавца после формального заключения сделки купли-продажи;
- непредставление доказательств произведенного сторонами сделки расчета и т.д.

Во-вторых, требуется ужесточить процедуру отчуждения доли в уставном капитале общества, при этом возложив особую ответственность на регистрирующий орган.

В-третьих, необходимо разработать и закрепить в ГК РФ механизмы защиты прав кредиторов отчуждаемого общества, аналогично механизмам, содержащимся в ст. 60 и ст. 64.1 указанного кодекса.

Список литературы

1. **Дело по иску собственника о признании частично недействительным договора купли-продажи, по условиям которого было продано в числе прочего имущество истца, направлено на новое рассмотрение в связи с неполным исследованием судом обстоятельств дела:** Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.05.1997 года № 2237/96 // Вестник ВАС РФ. 1997. № 9.
2. **Крошкин Л.** Избавление от проблемной компании. В чем риски «альтернативной ликвидации» // Юрист компании. 2012. № 11. С. 78-80.
3. **О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации:** Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 года // Специальное приложение к Вестнику ВАС РФ. 2005. № 12.
4. **Об обществах с ограниченной ответственностью:** Федеральный закон от 08.02.1998 года № 14-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 1998. № 7. Ст. 785.
5. **Поваров Ю. С.** Защита прав кредиторов при совершении сделок с предприятиями // Гражданин и право. 2001. № 3. С. 30-35.
6. **Пронин С.** Эффективная борьба? // Расчет. 2012. № 2. С. 26-27.
7. **Хомутов Е. А.** Налоговые деликты и ответственность должностных лиц организаций: административно-правовые аспекты // Налоги. 2011. № 44. С. 10-12.

Ссылка суда на указанное Постановление является непонятной, поскольку в последнем: «в удовлетворении исковых требований отказано ввиду того, что требование о применении последствий недействительности сделки истцом не заявлялось, не было указано, каким образом признание недействительным договора приведет к восстановлению его прав и какие права нарушены оспариваемой сделкой». Напротив, при подаче искового заявления ООО «СК «Север» просило признать недействительной ничтожную сделку купли-продажи доли в уставном капитале ООО «КатерПласт» и применить последствия недействительности сделки, поскольку ее заключение нарушило право истца как кредитора. А именно, директор ООО «КатерПласт» П. В. Плева, для того чтобы завладеть денежными средствами истца, совершил сделку по отчуждению 100% доли в уставном капитале, продав ее в г. Самара, а активы предварительно переведя на другую организацию. Таким образом, ООО «СК «Север»», будучи взыскателем по исполнительному производству, являлось заинтересованным лицом в оспаривании сделки, признание мнимости которой и применение последствий недействительности позволило бы вернуть денежные средства, незаконно присвоенные ООО «КатерПласт».

При подаче апелляционной жалобы ООО «СК «Север» указало на то, что решение первой инстанции противоречит сложившейся судебной практике, согласно которой доказательством мнимости могут служить следующие обстоятельства:

1. имущество, которое было предметом договора купли-продажи, продолжает находиться у продавца, фактически не передавалось;
2. до заключения оспариваемого договора в отношении ответчика было возбуждено исполнительное производство, вынесено постановление об обращении взыскания на денежные средства;
3. ответчики не представили доказательств произведенного между ними расчета на условиях заключенного договора купли-продажи (Определение Московского областного суда от 12.04.2011 года № 33-8220, Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11.04.2011 года № А10-1187/2010).

Кроме того, в апелляционной жалобе говорилось о недостоверности утверждения суда первой инстанции о том, что «после изменения состава участников общество продолжало отвечать перед его кредиторами, в т.ч. и перед истцом всем принадлежащим ему имуществом». Так, из материалов дела № А55-22742/2011 следует, что:

1. ответчики не представили копию затребованного судом договора купли-продажи доли в уставном капитале, а также доказательства ее оплаты;
2. в судебные заседания ответчики не явились;
3. общество не представило по требованию суда копию бухгалтерского баланса, сданного по итогам 2011 года;
4. по новому месту регистрации организация не значится;
5. факт передачи и оплаты имущества общества в результате заключения сделки купли-продажи доли не подтвердился, и место его нахождения суду не известно и т.д.

Суд апелляционной инстанции в удовлетворении жалобы отказал.

Обзор судебной практики показал, что суды при рассмотрении аналогичных дел, как правило, отказывают в удовлетворении исковых требований о признании сделки недействительной, мотивируя отказ одной из следующих причин.

1. Документально подтвержденные притязания на право собственности объекта недвижимости не доказывают заинтересованности в признании сделки купли-продажи указанной недвижимости недействительной (Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 15.04.2008 года № Ф04-1845/2008, от 06.05.2011 года по делу № А45-14432/2010).
2. Наличие формальных признаков исполнения договора купли-продажи дорогостоящих транспортных средств (акты сдачи-приемки, документы, подтверждающие оплату путем зачета взаимных требований) при их оценке в 1800 руб. опровергает доводы о мнимости сделки и причинении обществу убытков (Постановление ФАС Уральского округа от 28.12.2011 года № Ф09-8823/11).
3. Купля-продажа спорного здания не может быть признана мнимой сделкой ввиду наличия договора купли-продажи и регистрационных свидетельств (Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.12.2011 года по делу № А43-4332/2011).
4. Сделка не является мнимой, если на момент ее заключения отсутствовали третьи лица, для которых необходимо было создавать ложное представление о намерениях участников сделки (Определение Свердловского областного суда от 08.11.2011 года по делу № 33-15921/2011 года).

Таким образом, защита прав кредиторов в гражданско-правовом порядке осложняется, прежде всего, по причине несовершенства ее механизмов, закрепленных в действующем законодательстве. Так, например, несмотря на продолжающийся по сей день процесс внесения изменений в корпоративное законодательство, в том числе в Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», законодатель не подверг изменению нормы, направленные на защиту прав кредиторов ни при уменьшении размера уставного капитала, ни при отчуждении доли. Хоть в гражданском законодательстве и наметились некоторые сдвиги (введена ст. 64.1 «Защита прав кредиторов ликвидируемого юридического лица», ст. 60 «Гарантии прав кредиторов реорганизуемого юридического лица» проекта Федерального закона № 47538-6), они не коснулись защиты кредиторов при отчуждении доли в уставном капитале.

Что касается, указания Л. Крошкина на возможность привлечения недобросовестного должника к уголовной ответственности, то это тоже спорный вопрос. Сложности с применением ст. 173.1 УК РФ начинаются «с прочтения части первой указанной статьи, где под “подставными лицами” понимаются учредители новой фирмы, которых ввели в заблуждение для создания организации. Очевидно, что “массовый” учредитель будет отрицать факт подачи документов на регистрацию и их подписание, а по объявлениям об альтернативной

Таблица 2

Организация	ООО «КатерПласт» (г. Нижний Новгород)	ООО «КатерПласт» (г. Самара)	ООО «Аэроджет» (г. Нижний Новгород)
Директор	П. В. Плева	А. В. Евсеев	П. В. Плева
Внесение записи в ЕГРЮЛ	23.01.2008 года	23.01.2008 года	03.11.2010 года
Дата постановки на учет в налоговом органе	23.01.2008 года (ИФНС по Советскому району г. Нижнего Новгорода)	06.10.2010 года (ИФНС по Железнодорожному району г. Самары)	03.11.2010 года (ИФНС по Советскому району г. Нижнего Новгорода)
Дата снятия с учета в налоговом органе	06.10.2010 года (регистрационное дело передано в ИФНС по Железнодорожному району г. Самары)	_____	_____
Юридический адрес	ул. Юбилейная, д. 36, кв. 58, г. Нижний Новгород, 603146	ул. Партизанская, д. 86, офис 517, г. Самара, 443070	ул. Торфяная, д. 40, г. Нижний Новгород, 603037
Фактический адрес	ул. Торфяная, д. 40, г. Нижний Новгород, 603037	_____	ул. Торфяная, д. 40, г. Нижний Новгород, 603037
Основные виды деятельности	- производство прочих пластмассовых изделий; - строительство спортивных и туристских (прогулочных) судов; - производство прочих транспортных средств и оборудования; - розничная торговля автотранспортными средствами; - прочая оптовая торговля.	- производство прочих пластмассовых изделий; - строительство спортивных и туристских (прогулочных) судов; - производство прочих транспортных средств и оборудования; - розничная торговля автотранспортными средствами; - прочая оптовая торговля.	- производство прочих пластмассовых изделий; - прочая оптовая торговля.

Согласно ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4], переход доли в уставном капитале общества к одному или нескольким участникам данного общества либо к третьим лицам осуществляется на основании сделки. В соответствии с ч. 12 указанной статьи, к приобретателю доли переходят все права и обязанности участника общества, возникшие до совершения сделки, направленной на отчуждение указанной доли или части доли в уставном капитале общества. Сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия, признается мнимой в силу ч. 1 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

О том, что сделка по отчуждению доли в уставном капитале ООО «КатерПласт» имеет признаки мнимой, свидетельствовало то, что после продажи доли в уставном капитале регистрационное дело было передано из ИФНС по Советскому району г. Нижнего Новгорода в ИФНС по Железнодорожному району г. Самары. Однако, как отмечалось, принадлежащее компании имущество и работающие в ней сотрудники остались в г. Нижний Новгород по адресу, где в настоящее время используются ООО «Аэроджет», основной целью деятельности которого также является производство и продажа катеров на воздушной подушке. В то же время по новому месту регистрации в г. Самара ООО «КатерПласт» отсутствует. Таким образом, сделка по продаже доли в уставном капитале ООО «КатерПласт» была совершена лишь с целью формирования у ООО «СК «Север»» и иных третьих лиц ложного представления о намерениях участников сделки изменить свое правовое положение. Такая сделка характеризуется несоответствием волеизъявления подлинной воле сторон, так как в момент ее совершения воля обеих сторон не была направлена на достижение правовых последствий в виде возникновения, изменения, прекращения соответствующих гражданских прав и обязанностей.

В пользу мнимости сделки говорит и то, что стороны заключили договор купли-продажи доли, не намереваясь его исполнять, а с целью избежать материальной ответственности перед кредиторами. Так, директор (учредитель) ООО «КатерПласт», заключая оспариваемую сделку, знал о том, что является должником по исполнительному производству, следовательно, сделка купли-продажи доли в уставном капитале совершена с целью избегания описи, ареста имущества и денежных средств и дальнейшего обращения взыскания на них. Иными словами, его воля была направлена не на достижение гражданско-правовых отношений между сторонами сделки, а на возникновение правовых последствий для одной из сторон в отношении третьих лиц.

Считая себя заинтересованным лицом в оспаривании сделки купли-продажи доли в уставном капитале, руководствуясь п. 2 ст. 166 ГК РФ, ООО «СК «Север»» обратилось с исковым заявлением в Арбитражный суд Самарской области. Решением суда от 14.03.2012 года в иске было отказано (дело № А55-22742/2011) на том основании, что «под заинтересованным лицом следует понимать лицо, имеющее юридически значимый интерес. Такая юридическая заинтересованность может признаваться за участниками сделки либо за лицами, чьи права прямо нарушены оспариваемой сделкой. Отсутствие юридически значимого интереса в деле позволяет сделать вывод об отсутствии у истца права на иск в материальном смысле. Такой вывод сделан в Постановлении Президиума ВАС РФ № 3668/05 от 23.08.2005».

прав кредиторов, не имеют практической реализации, что способствует формированию убеждения в безнаказанности, невозможности привлечения к гражданской ответственности, применения установленных законом принудительных мер: имущественных лишений и компенсации потерь лица, чьи права были нарушены. Риски привлечения к административной или уголовной ответственности при альтернативной ликвидации также малы.

Таблица 1.

Риски применения способов альтернативной ликвидации

Способ альтернативной ликвидации	Риск	Описание риска
Продажа компании	Дисквалификация руководителя	После подачи документов о внесении изменений в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в связи со сменой адреса компании налоговая инспекция вправе провести проверку на предмет реальности ее нового местонахождения. По результатам указанной проверки может быть возбуждено административное дело по ст. 14.25 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) - дисквалификации руководителя за представление документов, содержащих заведомо ложные сведения. Поскольку в некоторых регионах налоговые органы до сих пор принимают заявления, подписанные действующим, а не вновь назначенным директором, не исключена дисквалификация прежнего директора по названному основанию (Постановление Верховного суда Республики Мордовия от 09.08.12 года №-а-125).
Реорганизация путем слияния с фирмой-однодневкой	Уголовная ответственность за продажу или реорганизацию компании через подставных лиц	За образование компании через подставных лиц ст. 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность: штраф от 100 до 300 тыс. руб., либо принудительные работы (или лишение свободы) на срок до трех лет. Также возможно привлечение к уголовной ответственности за мошенничество (ст. 159 УК РФ).
Реорганизация в форме присоединения к фирме-однодневке	Административная и уголовная ответственность за ранее совершенные налоговые нарушения	При проведении налоговой проверки после реорганизации или продажи компании могут обнаружиться налоговые задолженности в сумме, достаточной для возбуждения уголовных дел в отношении руководства компании. При этом ответственность за нарушения, допущенные руководством, будут нести директор и главный бухгалтер, которые исполняли свои должностные обязанности именно в проверяемый период (ст. 199, 199.1, 199.2 УК РФ, ст. 15.11 КоАП РФ).

Показательным является опыт Общества с ограниченной ответственностью «СК «Север»» (далее – ООО «СК «Север»»), купившей в 2009 году у Общества с ограниченной ответственностью «КатерПласт» (далее – ООО «КатерПласт») суда на воздушной подушке для замены вахт на буровых в зимний период. При пробном запуске указанных судов было выявлено их несоответствие заявленным техническим требованиям, наличие существенных недостатков качества, не позволяющих использовать суда по назначению. Директор ООО «КатерПласт» признал наличие у судов указанных недостатков, но в возврате стоимости некачественного товара отказал. В связи с чем, ООО «СК «Север»» обратилось в Арбитражный суд Нижегородской области с иском о взыскании с ООО «КатерПласт» денежной суммы, составляющей стоимость некачественного товара. Исковые требования удовлетворены в полном объеме, 05.04.2011 года выдан исполнительный лист.

Однако в июне 2011 года стало известно, что, несмотря на вступившее в законную силу решение суда, ООО «КатерПласт» сменило директора и место регистрации на город Самара, в связи с чем Специализированным отделом по особым исполнительным производствам Управления Федеральной службы судебных приставов по Нижегородской области было вынесено постановление об окончании исполнительного производства. Направление исполнительного листа в Управление Федеральной службы судебных приставов по Самарской области также не дало результатов, поскольку исполнительный документ якобы был предъявлен не по месту совершения исполнительных действий.

Таким образом, директор (он же учредитель) ООО «КатерПласт» на вполне законных основаниях избежал ответственности, еще до окончания судебного процесса совершив сделку по отчуждению доли в уставном капитале компании гражданину, проживающему в городе Самара. Вместе с тем активы ООО «КатерПласт» предположительно были переведены на вновь созданную компанию - ООО «Аэроджет», о чем, кроме всего прочего, свидетельствует сформированная на основании Выписок из ЕГРЮЛ Таблица 2.

УДК 34

Юридические науки

В статье рассматриваются способы альтернативной ликвидации юридического лица и связанные с ней риски: привлечение недобросовестного должника к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Дается оценка эффективности предусмотренных действующим законодательством механизмов защиты прав кредиторов при альтернативной ликвидации, приводятся некоторые рекомендации, направленные на их совершенствование.

Ключевые слова и фразы: альтернативная ликвидация юридического лица; нарушение прав кредиторов; гражданско-правовая; административная и уголовная ответственность.

Кондраткова Надежда Викторовна, к.э.н.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
Kondratkova_N@mail.ru*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ДОЛЖНИКА ПРИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА[©]

На фоне политической и экономической нестабильности российского общества, усугубленной стихийным характером развития рынка и устойчивыми кризисными явлениями, особую актуальность приобрела проблема нарушения прав кредиторов. Кроме несовершенства рыночной системы, в России неисполнению обязательств перед кредиторами способствует упрощенная процедура регистрации обществ с ограниченной ответственностью с минимальным риском потерь и незначительной стоимостью уставного капитала, а также отсутствие реальных механизмов привлечения к ответственности недобросовестных должников.

На сегодняшний день среди юридических лиц, не желающих отвечать по своим обязательствам, широкое распространение получила альтернативная ликвидация, целью которой является «избавление от компании в обход длительной и опасной по рискам предъявления требований кредиторов официальной ликвидации» [2, с. 78].

Реклама услуг по альтернативной ликвидации юридических лиц часто встречается в сети Интернет, где неплатежеспособным организациям предлагается множество схем, позволяющих уйти от ответственности, основными из которых являются:

1. смена руководителя, собственника организации, суть которой сводится к регистрации смены директора. Новым руководителем и участником становится лицо, которое, как правило, мало осознает юридическую значимость своих действий;
2. наряду со сменой руководителя и собственника организации, также может производиться регистрация смены адреса местонахождения на другой регион, в результате чего меняется принадлежность фирмы по территориальной юрисдикции налоговой инспекции;
3. смена руководителя и собственника осуществляется на управляющую компанию, которую впоследствии ликвидируют в добровольном порядке, либо так же по альтернативной схеме;
4. реорганизация общества с ограниченной ответственностью, результатом которой является получение свидетельства о прекращении деятельности организации в связи с реорганизацией в форме слияния или присоединения. Все права и обязанности организации передаются правопреемнику, к которому бывший директор юридического отношения не имеет.

Преимуществом первых трех способов, согласно многочисленной рекламе, является короткий срок осуществления (от 3 недель) и невысокая стоимость. Четвёртый способ при более продолжительных сроках (от 3 до 6 месяцев) позволяет практически без риска снять организацию с учета, произвести удаленную «ликвидацию», не допустить производство выездной налоговой проверки и т.п.

В качестве недостатков указанных схем в сети Интернет приводятся лишь возможность отмены решения о регистрации изменений в случае отказа нового собственника или руководителя от участия в фирме, неподтверждение достоверности нового адреса места нахождения и прочее. Также упоминается риск «подвиснуть» в процедуре реорганизации из-за недобросовестности исполнителя, «закрытия» из-за массовости реорганизаций региона, адреса, руководителя или участника и т.п.

Опровергая представление о безопасности альтернативной ликвидации, Л. Крошкин [Там же, с. 79] указывает на возможность привлечения виновных лиц к административной и уголовной ответственности (Таблица 1).

Ю. С. Поваров [5] считает, что, исходя из содержания п. 32 постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 [3], постановления Президиума ВАС РФ от 27.05.1997 г. № 2237/96 [1], при продаже предприятия законодательством предусмотрены дополнительные гарантии удовлетворения требований кредиторов путем предъявления искового заявления о признании договора купли-продажи предприятия недействительным.

Как показывает правоприменительная практика, при использовании недобросовестными контрагентами схем альтернативной ликвидации юридических лиц, предусмотренные гражданским законодательством гарантии

Подводя детей к пониманию значения термина *правосознание*, учитель проводит предварительную работу с группой однокоренных слов: *право, правопорядок, правонарушение, правоохранительный* и др. Все термины соотносятся по значению со словами *правильный, правило, правый*. Конкретизации значения изучаемых абстрактных понятий способствует активизация слов близких тематических групп: *проступок, преступление, наказание, защита прав ребенка* и др.

«Благодатный» текстовый материал для иллюстрации значений правовых и нравственно-этических терминов имеется в учебных книгах по литературному чтению. Это рассказы и стихи известных детских писателей и поэтов: А. Барто, Я. Акима, В. Драгунского, Ю. Ковалю, Н. Носова, В. Осеевой, Н. Сладкова, Г. Цыферова и др. Система вопросов и заданий по тексту изучаемого произведения призвана способствовать самопознанию ребенка, становлению его «Я-концепции», решает задачи социально-нравственного развития и воспитания школьников, в рамках которого и осуществляется воспитание их правовой культуры. В младшем школьном возрасте велика роль эмоциональных переживаний, которые ребенок получает в результате *проживания нравственной ситуации, совершения нравственного выбора* при чтении художественного произведения, анализа поступков литературных героев, прежде всего, своих сверстников.

Через систему определенных вопросов к прочитанному тексту школьники подходят к осознанию своих прав и обязанностей. (А как бы ты поступил на месте литературного героя? Приходилось ли тебе наблюдать случаи недоброго отношения к животным? Что значит быть честным и справедливым? Как надо относиться к старшим людям? А к младшим? и др.).

Чтобы процесс осмысления правовых и смежных нравственно-этических и общественно-политических понятий и терминов был успешным, учитель должен исходить из перспективности тематического планирования в отборе лексики для активного общественно-политического словаря учащихся. Определение минимума общеупотребительных слов каждой смысловой группы предполагает выделить стержневые слова данной общественной тематики, синонимические ряды терминов: *страна, государство, союз; Родина, Отчизна, Отечество; республика, нация, народ, национальность; Конституция, право, обязанность* и др., а также сопутствующие им слова или устойчивые сочетания слов: *государственный, многонациональный; международный, дружественный, равноправный; иметь право, совершить проступок, трудиться на благо Родины* и др.

Лучший способ разъяснения незнакомых слов - употребление слова и выражения в понятном детям контексте через содержание прочитанного рассказа, повести, стихотворения. Учитывая абстрактный характер семантики правовых терминов, педагог может отдать предпочтение таким способам толкования лексических значений, как семантическое определение, синонимизация, выяснение словообразовательных связей слов, обращение к этимологии слова, его интернациональному значению и др.

Системность в работе по формированию гражданского правосознания школьников предполагает определить, при изучении какой темы и на каком уроке будут использованы материалы Конституции РФ, сопутствующих документов, обосновать целесообразность, объем изучения этого материала и его место в структуре урока, продумать формы контроля знаний и рефлексивно-оценочных умений школьников.

Предварительная разработка этого вопроса, обращение к словарным, справочным и учебно-методическим материалам помогут избежать ненужной импровизации на уроке, стилистической неточности или ошибочности в толковании изучаемых терминов, будут способствовать активизации учебно-познавательной активности младших школьников в процессе формирования их гражданского правосознания.

Список литературы

1. Гревцева Г. Я. Воспитание основ гражданственности у младших школьников // Начальная школа. 2005. № 9. С. 14-19.
2. Данилов Д. Д., Тырин С. В., Иванова Н. В. Концепция и программа пропедевтического историко-обществоведческого курса для начальной школы // «Школа 2100». Образовательная программа и пути ее реализации / под науч. ред. А. А. Леонтьева. М.: Баласс; Изд. дом РАО, 2004. С. 132-139.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2004.
4. **Растим юного гражданина:** программа становления основ гражданско-правовой культуры детей дошкольного и младшего школьного возраста / сост. И. И. Гончарова, А. В. Крайсветная, О. Н. Шадрина. Абакан, 2011. 24 с.

WORK WITH SOCIAL-POLITICAL TERMS IN ELEMENTARY COMPREHENSIVE SCHOOL AS BASIS OF PUPILS' CIVIL LEGAL CONSCIOUSNESS FORMATION

Kozlova Valeriya Nikolaevna
Kozlova Marina Mikhailovna
Yudina Natal'ya Anatol'evna
Khakass State University named after N. F. Katanov
kozlovavn@mail.ru; natadimalove@mail.ru

The authors reveal the main directions of lexical work with social-political terms in elementary school in the process of pupils' civil legal consciousness formation, pay special attention to the necessity of pupils' acquaintance with the basic constitutional-legal propositions by means of literary and journalistic texts studied at the lessons of The Russian Language, Literary Reading and The World Around, and mention that the recognition of jurisprudential notions by elementary school pupils is possible in the unity of cognitive, emotional-sensory, and behavioural spheres of pupil's activity.

Key words and phrases: elementary school pupil; civil legal consciousness; constitutional-legal propositions; social-political vocabulary; legal culture.

5. Рефлексивная (линия развития) - предполагает развитие рефлексивно-оценочных умений учащихся в процессе осмысления правовых представлений в работе со словами общественно-политического содержания.

Таким образом, суть основных направлений *лексической работы* с общественно-политическими терминами заключается в следующем: тематическая направленность способствует постепенному и последовательному формированию у детей базовых, ключевых общественно-политических понятий, которые изучаются в их взаимосвязи на основе моделирования основных составляющих признаков, рассматриваются в контексте и вводятся в активный словарь школьников. Понятия в свою очередь обеспечивают усвоение детьми первоначальных знаний о социально-политической жизни страны («мое общество», «моя страна - Россия», «Россия - отчий дом многих народов», «символы России (нашей республики, нашего города)», «государственные праздники современной России» и др.) и ее Конституции («Конституция - Основной Закон государства», «правительство и Государственная Дума», «что такое демократия?», «права и обязанности граждан», «мои права и обязанности» и др.).

Работа по осознанному формированию социально-политических понятий у школьников - процесс длительный, предусматривающий межпредметные и внутрипредметные связи. Сложность этого процесса объясняется еще и тем, что значение слов с абстрактной семантикой учащиеся начальных классов осознают не сразу, а постепенно. Большую роль в этом играют различные семантические и ассоциативные связи между явлениями, составляющими суть понятия в целом.

Так, раскрывая лексическое значение слова *патриотизм*, на основе анализа произведений разной тематики учитель приводит весь понятийно-семантический комплекс термина. Абстрактное понятие в сознании детей наполняется конкретным смыслом.

Патриотизм - это привязанность к месту, где ты родился и живёшь, любовь к родному языку и бережное отношение к природе, интерес к прошлому и настоящему родного края, его людям. От конкретного представления о *малой родине* (городе, селе, области, крае, республике) постепенно переходят к большому, широкому пониманию *Родины* как *Российского государства, Отчизны, Отечества*, единого для всех россиян - русских людей и людей других национальностей, проживающих на территории России. Параллельно вводятся понятия: *столица (главный город) нашей общей Родины - Москва, гражданин России* и др.

Анализируя на уроке *Гимн* России, тексты об истории создания, назначении и содержании государственных эмблем России - *Герба и Флага*, выдержки из конституционных статей, учитель подводит детей к обобщённому пониманию государственной *символики* России.

Формирование у младших школьников представления о звании *гражданин Российской Федерации* предполагает осмысление детьми понятий, отражающих социальную и национальную принадлежность россиян, их нравственно-этические идеалы, социально-правовые гарантии, представленные основным государственным законом каждому человеку. Здесь уместен не только анализ учебных текстов, но и обращение к личному социальному опыту школьников, что способствует смысловому раскрытию сопутствующих терминов: *нация, национальность; право, обязанность; мир, труд, свобода; равенство, равноправие; ответственность* и др.

Ознакомление учащихся с терминологическим значением многозначного слова *право* предполагает анализ употребления этого термина в различных контекстах: 1) конституционное, гражданское, избирательное право; 2) права человека, право на труд, право на отдых, право голоса; 3) иметь право на что-л.; 4) он имеет полное право так поступать, он не имеет права говорить таким тоном и т.п. Учащиеся под руководством учителя выясняют, что *право* - это: 1. устанавливаемые и охраняемые государством нормы и правила поведения людей в обществе; 2. узаконенная возможность что-н. делать, осуществлять; 3. возможность поступать каким-н. образом и др. [3, с. 576-577]; учатся употреблять это слово в собственной речи.

Организуя лексическую работу в рамках темы «Наши права», учитель может ориентироваться на содержание одного из модулей названной выше программы «Растим юного гражданина» - «Права и свободы человека как общечеловеческая ценность»: «У каждого человека есть право быть гражданином своей страны. Каждый человек, который родился в России, является гражданином нашей страны. Граждане страны самостоятельно выбирают место своего проживания.

Каждый гражданин знает, что в стране существуют правила и законы. По этим правилам и законам живет страна, они обязательны для выполнения каждым гражданином. Правовые нормы (право на свободу, равенство, имущество, образование и др.), существующие в обществе, - это величайшая человеческая ценность. У каждого человека одинаковые права. Мы должны уважать права и свободы друг друга.

Основной закон нашей страны - *Конституция*. В Конституции записаны основные права и обязанности гражданина нашей страны. Каждый человек обязан соблюдать Конституцию. Гражданин государства - человек, имеющий не только права, но и обязанности по отношению к стране, в которой живёт. Уважение прав окружающих, соблюдение Конституции и законов - важнейшая обязанность каждого гражданина» [4, с. 15].

Очень важно подчеркнуть, что право и обязанность каждого *гражданина своего отечества* обязательно взаимосвязаны: «Каждый человек - член семьи, имеет право на любовь близких, заботу о себе, но каждый член семьи должен проявлять любовь и заботу о близких»; «Каждый ребенок имеет право учиться в школе. Он обязан ответственно относиться к своему основному труду - учебе»; «У каждого гражданина есть право иметь собственное мнение и высказывать его окружающим людям. Важно уметь делать правильный выбор и нести ответственность за принятые решения» [Там же, с. 16].

Младшие школьники должны также знать, что «дети пользуются особыми правами на защиту от унижений и насилия, это право гарантирует государство. Права ребенка закреплены в Конвенции о правах ребенка, принятой ООН» [Там же, с. 17].

Для юного гражданина важно осознавать, что класс, в котором он обучается, - это тоже общество, «маленькая страна, в которой дети тоже должны следовать правилам поведения, они могут участвовать в изменении и создании новых правил в группе» [Там же, с. 15].

Ознакомление школьников с Конституцией государства, основными правовыми положениями на уроке (литературного чтения, окружающего мира, истории и обществознания) должно быть доступным, целенаправленным и последовательным, способствующим развитию когнитивной («знаниевый» компонент), эмоциональной («чувственный» компонент) и поведенческой (умения) сфер деятельности ребенка. Поэтому для успешного решения поставленной задачи учителю начальных классов следует исходить из понимания того, что простое знание норм права может быть нейтральным, если изучение правовых фактов и явлений не направлено на формирование личности. Правовое воспитание не сводится только к правовой осведомленности и формированию правового сознания человека. Оно, по определению Г. Я. Гревцевой, «проявляется одним из главных факторов, влияющих на выбор способа поведения, на его готовность к правомерному действию в той или иной жизненной ситуации» [1, с. 15].

Основные задачи по ознакомлению младших школьников с *конституционно-правовыми положениями*, содержание которых иллюстрируется текстами учебных книг для чтения в начальных классах, могут быть сформулированы следующим образом:

- подвести детей к пониманию России (Российской Федерации) как Родины всего русского народа и каждого человека в отдельности, гражданина своего Отечества;
- разъяснить социально-политическое устройство нашего государства - федерации, образованного союзом территорий; его миролюбивую внешнюю политику;
- раскрыть сущность России как единого многонационального государства, союза равноправных народов; необходимость уважительного отношения к языкам и обычаям народов России;
- рассказать об основных государственных эмблемах России - Гербе и Флаге, их символическом значении; познакомить с историей создания Государственного Гимна РФ;
- познакомить учащихся с названиями нашей Родины и ее столицей - Москвой;
- рассказать о правах и обязанностях российских граждан, предоставленных им Конституцией РФ;
- познакомить школьников с документами, защищающими права детей: Конвенцией о правах ребенка и др.;
- раскрыть сущность понятий «закон» и «беззаконие», ответственность за свои поступки и правонарушения.

Русский язык (как школьный предмет) также располагает определенными возможностями для развития нравственно-правовых представлений учащихся.

Как известно, воспитание учащихся на уроках осуществляется через содержание предмета, их собственную деятельность, а также через личность учителя и методы, используемые им. В силу специфики предмета многие специальные формы, методы и приемы воспитания неприемлемы на уроках русского языка (лекция на правовую тему, диспут, встреча с работниками правовых органов и др.). Вместе с тем предмет обладает элементами содержания, приемами и средствами обучения, которые можно и необходимо использовать для целей формирования правосознания младших школьников.

В содержательном плане это прежде всего сведения о русском языке, сообщаемые на уроках учащимся, а также дидактический материал, используемый для целей обучения: тексты упражнений учебника, диктантов и изложений, темы сочинений и темы для составления предложений, а также задания к ним, которые призваны увлечь учащихся научно-познавательной информацией.

Литературно-художественные и публицистические тексты – основное средство в ознакомлении школьников с основными понятиями и категориями, в том числе правового содержания. Поскольку (как уже было отмечено выше) в учебниках русского языка нет специальных разделов, направленных на формирование патриотических, нравственно-правовых, этических, эстетических и других представлений у младших школьников, текстовый дидактический материал должен быть рассредоточен таким образом, чтобы эти представления формировались системно, во взаимосвязи друг с другом, с постепенным усложнением изучаемого материала. Главное, что любая работа воспитательного характера на уровне языка должна подчиняться основным задачам предмета в начальной школе: формировать функционально грамотную личность, обладающую знанием основ грамматики, орфографии и стилистики родного языка и умеющую применять эти знания в практической (речевой) деятельности.

Изучение опыта педагогической практики учителей начальных классов средних общеобразовательных школ г. Абакана Республики Хакасия, работающих по региональной программе становления гражданско-правовой культуры детей дошкольного и младшего школьного возраста «Растим юного гражданина» [4], результаты экспериментальных исследований в рамках изучаемой методической проблемы подводят к определенным выводам.

Содержательно-целевые (содержательно-методические) линии формирования основ правосознания младших школьников могут быть определены следующим образом.

1. Образовательная (линия развития) – предусматривает ознакомление учащихся с основными культурными, историческими, географическими, общественно-экологическими особенностями развития родного края, родного государства.

2. Ценностная (линия развития) – предполагает организацию работы с общественно-политическими терминами с ориентацией на формирование социокультурной компетенции учащихся, составной частью которой является их правовая компетенция.

3. Деятельностная (линия развития) - способствует становлению культуросообразного поведения с учетом особенностей места проживания, традиций родного края, школы в единстве разнообразных видов деятельности учащихся.

4. Творческая (линия развития) - предусматривает развитие индивидуальных способностей учащихся, их исследовательских умений, самообразования средствами правового воспитания.

УДК 340.114.5+[37.3:37.017.4]

Педагогические науки

Статья раскрывает основные направления лексической работы с общественно-политическими терминами в начальных классах в процессе формирования гражданского правосознания младших школьников. Основное внимание авторы акцентируют на необходимости ознакомления учащихся с основными конституционно-правовыми положениями через литературно-художественные и публицистические тексты, изучаемые на уроках русского языка, литературного чтения и окружающего мира. В статье отмечается, что осознание правоведческих понятий учащимися начальных классов возможно в единстве когнитивной, эмоционально-чувственной и поведенческой сфер деятельности школьника.

Ключевые слова и фразы: младший школьник; гражданское правосознание; конституционно-правовые положения; общественно-политическая лексика; правовая культура.

Козлова Валерия Николаевна

Козлова Марина Михайловна

Юдина Наталья Анатольевна

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

kozlovavn@mail.ru; natadimalove@mail.ru

РАБОТА С ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТЕРМИНАМИ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ[©]

В основе модернизации российского образования лежат идеи гуманистического воспитания, направленные на развитие целостной личности, овладевшей основами социальной культуры. Одной из составляющих социальной культуры в широком смысле (наряду с культурой учения, мышления, общения, а также деловой, политической и нравственно-эстетической культурой) является *правовая культура*.

В младших классах общеобразовательной школы воспитание правовой культуры и шире - правовое воспитание, в основе которого лежит формирование *правового сознания и поведения юного гражданина*, тесно связано с патриотическим и духовно-нравственным воспитанием. Взаимодействие права и ребенка осуществляется главным образом через родителей и педагогов. В условиях семьи и в школьном обучении дети усваивают привычки правопослушного поведения, основные знания о нравственных и правовых нормах, учатся оценивать свои и чужие поступки с позиции активного гражданина.

В дополнение к традиционным дисциплинам школьной программы - «Литературное чтение» и «Окружающий мир», в рамках которых осуществляется приобщение младших школьников к общественно-правовым и нравственным нормам, в настоящее время приняты концепции и программы пропедевтических историко-обществоведческих курсов для начальной образовательной школы (например, «Мое Отечество» Д. Д. Данилова, С. В. Тырина, Н. В. Ивановой в образовательной системе «Школа 2100»). В определении базовых целей они ориентированы на ценностные установки, провозглашенные в Конституции Российской Федерации и национальной доктрине образования: права и свободы человека, любовь и уважение к Отечеству, равноправие и самостоятельность народов, государственное единство - Россия, культура межличностных и межэтнических отношений, разностороннее развитие детей, самореализация личности [2, с. 133].

В научно- и учебно-методической литературе для учителей начальных классов содержатся рекомендации по использованию материалов Конституции РФ, приводятся разработки отдельных уроков и внеурочных мероприятий, имеющих своей целью изучение основных положений Основного Закона нашего государства, предлагается дидактический материал патриотического содержания к урокам русского языка, литературного чтения, окружающего мира, а также для организации внеурочной деятельности учащихся.

Как известно, основные конституционные идеи, как и другие факты из области социально-исторических, социально-политических и правовых знаний, излагаются с помощью слов *общественно-политической лексики*. В публикациях, посвященных проблемам лексико-семантического описания общественно-политического словаря младших школьников, отмечается определенная специфика и трудность смыслового анализа слов этой категории.

Анализируя тексты учебников для учащихся 1-4 классов, мы убедились в том, что словник общественно-политической лексики в начальной школе весьма обширен и тематически разнообразен. Но лексико-семантическое описание этой группы слов (как и лексики трудовой, морально-этической, спортивной, искусства и др.) в действующих предметных линиях учебников отсутствует. Особенность подачи материала, знакомящего учащихся начальных классов с основными положениями Конституции РФ, заключается в том, что сущность основных конституционных идей в доступной для младших школьников форме раскрывается в содержании текстов всех основных, «стержневых» тем учебников. Это темы: Родины («Наша Родина - Россия» и «Моя малая родина»), труда, охраны родной природы, борьбы за мир, взаимоотношений детей со сверстниками, родителями, учителями, окружающими людьми и др.

средняцким хозяйствам во временное пользование продуктивного и рабочего скота с правом пользования молоком и шерстью и др. Эта помощь, хотя и сохраняла патриархальную оболочку, разумеется, не была безвозмездной. За нее приходилось расплачиваться либо частью урожая, либо продукцией животноводства, либо обработкой в хозяйстве бая [4, с. 30-37].

Несмотря на наличие в ауле и в особенности в деревне мелкотоварных производственных отношений и продолжавшийся процесс дифференциации крестьянских хозяйств, возможности капиталистической эволюции сельского хозяйства в Казахстане не следует преувеличивать. С одной стороны, курс на индустриализацию требовал увеличения товарности единоличного предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, проводившее социально направленную аграрную политику, путем регламентации правил землепользования, аренды, условий найма рабочей силы и других мер значительно ограничивало рост предпринимательских хозяйств. Результаты этой политики сегодня хорошо известны: замедление естественного роста численности хозяйств предпринимательского типа, их искусственное дробление, кризис хлебозаготовки 1927-1928 гг., резкий поворот в аграрной политике Советской власти в конце 1920-х гг.

Список литературы

1. **Абрамович Я. Л.** Арендные отношения в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 4-5. С. 10-15.
2. **Всесоюзная перепись населения 1926 г.** М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1928. Т. VIII. 256 с.
3. **Гуртовой И. Л.** Условия найма рабочей силы в сельском хозяйстве Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 9-10. С. 140-159.
4. **Дахшлейгер Г. Ф.** К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921-1928 гг.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 56 с.
5. **Дахшлейгер Г. Ф.** Социально-экономические преобразования в деревне и ауле Казахстана: 1921-1929 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.
6. **Козлов А. П.** Аграрно-крестьянский вопрос в переломные периоды русской истории [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. № 7 (15). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/7/kozlov.pdf> (дата обращения: 29.01.2013).
7. **Козлов А. П.** Аграрные преобразования в Казахстане в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 116-119.
8. **Обзор народного хозяйства Казахской ССР, 1925 г.** Самара: ЦСУ КазАССР, 1927. 600 с.
9. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 25.
10. **Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР: 1917-1954.** М.: Госюриздат, 1954. 720 с.
11. **VII Всеказахстанский съезд Советов:** стеногр. отчет и постановления. Кзыл-Орда: ЦИК Казахстана, 1929. 255 с.
12. **Систематическое собрание законов Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, действующих на 1 января 1930 г.** (6 октября 1920 г. – 31 декабря 1929 г.). Алма-Ата: Издание Управления делами СНК КАССР, 1930. 224 с.
13. **Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925 гг.):** сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1962. 594 с.
14. **Справочник по статистике промышленности, сельского хозяйства и труда.** Петропавловск: Акмолагубстатотдел, 1927. 85 с.
15. **Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).** Ф. 168. Оп. 1.
16. **ЦГА РК.** Ф. 698. Оп. 2.

SOCIAL RELATIONS EVOLUTION IN KAZAKHSTAN RESETTLEMENT VILLAGE AND AUL DURING NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

Kozlov Aleksandr Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
St. Petersburg State University of Service and Economics
petrovich138@yandex.ru

The author considers social relations evolution in Kazakhstan resettlement village and aul during the New Economic Policy period, and expresses an opinion that the agrarian transformations, undertaken by the soviet power in the Central European part of Russia, practically did not affect Kazakhstan, where the complex processes of the social differentiation of the peasantry, caused by Stolypin agrarian reform, continued. The "American" farming way of bourgeois evolution dominated in the resettlement village. As for the Kazakh aul the formation of the small-scale way of life was constrained by the traditional institutions, which created the most complex range of social relations within aul environment.

Key words and phrases: aul; resettlement village; social structure; social relations; traditional economy.

Так, например, в Кустанайском округе в 1928 г. удельный вес аульных хозяйств, арендующих землю, составлял 1,6%, сдающих землю в аренду – 9,3% [Там же, л. 15]. Причины данной диспропорции объясняются наличием в Казахстане 1920-х гг. такого специфического явления, как «межнациональная аренда». Основным источником «межнациональной аренды» являлась существенная разница в размерах фактического землепользования деревенских и аульных хозяйств. Неравномерность землепользования по национальному признаку использовалась зажиточной верхушкой аула, которая, эксплуатируя родовые отношения, от имени своих соплеменников сдавала землю в аренду сельским обществам.

В Казахстане существовали и специфические, обусловленные этническим своеобразием, формы арендной платы. Так, например, не только сохранилась, но определенную трансформацию в изменившихся социально-экономических условиях приобрела «барымта» (каз. – угон, воровство скота). Пытаясь обезопасить находившийся на выпасе скот, население деревень нередко заключало с аксакалами под видом аренды пастбищ специальные договоры, гарантирующие сохранность скота на арендованных землях. При наличии подобных «гарантий» арендная плата могла увеличиваться в несколько раз. Не случайно, что в 1920-е гг. подобные договоры в неофициальной среде получили меткое название – «ворналог» [9, д. 178, л. 52].

Распространенным явлением в 1920-е гг. (прежде всего, в деревне) являлось использование наемного труда. По данным единовременного учета сельскохозяйственных рабочих, проведенного ЦСУ КазАССР в августе 1927 г., на сто единоличных хозяйств в различных районах Казахстана приходилось от 13 до 16 наемных рабочих [3, с. 141]. Численность только срочных рабочих в деревне Кустанайского округа и Акмолинской губернии составляла 50 400 человек [Там же, с. 142]. В найме рабочей силы принимали участие не менее 10% крестьянских хозяйств. Самыми многочисленными группами наёмных рабочих являлись батраки и пастухи, составлявшие более 80% всех нанимавшихся [2, с. 87-88].

Батрачество по своему социальному составу не было однородным. Условно его можно разделить на годовых, временных и сезонных работников. Годовые и временные работники обслуживали, как правило, зажиточную часть крестьянства. В 1927 г. в хозяйствах с посевной площадью свыше 16,1 дес. земли годовые и временные работники (т.е. со сроком найма менее трёх месяцев) составляли 76,3% наёмных рабочих [16, д. 53, л. 32]. К сезонным работникам принадлежали бедняцкие хозяйства, экономическая мощь которых была также недостаточной для ведения собственного хозяйства и вынуждала их прибегать к отпуску рабочей силы. Большая часть сезонных работников была занята в хозяйствах середняков.

Средняки являлись основными нанимателями рабочей силы. В их хозяйствах в 1927 г. было занято более 71,5% батраков Казахстана [Там же]. Средняцкое хозяйство чаще всего нанимало одного, за редким исключением двух работников. В хозяйстве предпринимательского типа, как правило, использовался труд нескольких наёмных рабочих. Использование наёмного труда не всегда носило капиталистический характер. Капиталистическим можно считать лишь наем рабочей силы, ставившей своей целью производство прибавочной стоимости. В основной своей массе середняки прибегали к найму рабочей силы вследствие нехватки у них рабочих рук и сельскохозяйственных машин. Такой наем, как правило, был направлен на обеспечение собственного потребления и не являлся капиталистическим.

Труд батраков оплачивался как в денежной, так и в натуральной форме. Удельный вес денежной части заработной платы был невелик. В 1926 г. доля денежной части зарплаты составляла в Кустанайском округе 15%, в Акмолинской губернии – 23,9% [3, с. 156]. Оставшаяся часть заработной платы выдавалась батраку в натуральной форме.

Пытаясь регламентировать труд батраков, советское законодательство требовало обязательного заключения между нанимателем и наёмным работником письменного трудового договора, в котором оговаривались условия найма рабочей силы: основное содержание договорных работ и продолжительность рабочего времени, размер и сроки выплаты заработной платы, дни отдыха и проч. [15, д. 123, л. 1-140]. Трудовой договор подлежал регистрации в местном Совете, который должен был следить за его неукоснительным соблюдением. Вместе с тем источники отмечают, что заключение договора нередко носило формальный характер. Зачастую договор не фиксировал продолжительности рабочего времени, не оговаривал порядка выдачи батраку заработной платы [9, д. 178, л. 130-131]. Значительное количество наёмных рабочих вообще не имело трудовых договоров. В 1928 г. в деревне и ауле Кустанайского округа из 10 968 учётных батраков лишь 5 492 имели трудовые договоры [Там же, д. 184, л. 51].

Жизненный уровень батрацких хозяйств постепенно повышался. Наиболее убедительным свидетельством этого являлся рост среднемесячной заработной платы батраков, которая составляла 7-14 рублей в 1925 г., 17-19 рублей в 1926 г., 22-25 рублей в 1927 г. [9, д. 184, л. 51; 13, с. 263]. Для сравнения отметим, что среднемесячная заработная плата высококвалифицированных фабрично-заводских рабочих Казахстана в 1925 г. равнялась 47, а младшего обслуживающего персонала – 25 рублям [8, с. 354-356].

Отношения найма-сдачи орудий труда и средств производства и применения наёмного труда являлись основой сохранения и развития в деревне и ауле Казахстана капиталистических отношений. Конечно, капиталистические отношения в период нэпа не существовали в чистом виде, на их эволюцию значительное влияние оказывала социально-экономическая политика Советской власти. Кроме того, в казахском ауле капиталистические отношения тесно переплетались с докапиталистическими – патриархально-родовыми отношениями. В ауле существовали различные формы скрытой эксплуатации бедняков – «кедеев», связанные с использованием древних институтов родовой помощи (сохранившихся даже в семантике понятий). К ним относились передача зажиточной верхушкой бедняцким и маломощным

земельного фонда в пользу коренного населения республики, которое из-за антисоветских позиций казачества и переселенческого крестьянства, наиболее ярко проявившихся в годы Гражданской войны, стало рассматриваться большевиками в качестве главной социальной опоры своей власти в крае [7, с. 116-118].

Принятый в мае 1922 г. «Основной закон о трудовом землепользовании», по сути, являлся возвращением к столыпинскому аграрному законодательству и неизбежно вел к капиталистической эволюции сельского хозяйства по «американскому», фермерскому пути, а следовательно, к дальнейшему развитию буржуазных отношений и значительной дифференциации в крестьянской среде [6].

Согласно данным выборочных переписей за годы нэпа, в деревне Казахстана произошли существенные социальные сдвиги: увеличение удельного веса середняцких и уменьшение бедняцких хозяйств при значительном росте хозяйств предпринимательского типа – «кулаков». С 1924 по 1928 гг. доля хозяйств с посевом до 4,1 дес. уменьшилась с 52,90 до 32,66%, доля хозяйств с посевом от 4,1 до 16,1 дес. увеличилась с 39,50 до 52,55%, а доля хозяйств с посевом свыше 16,1 дес. возросла почти вдвое – с 7,6 до 14,79% [5, с. 374].

Дифференциация крестьянства, в свою очередь, обусловила очень сложную гамму социальных отношений в деревне и ауле. Широкое распространение получили отношения найма-сдачи в наем рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и машин, аренда земли и применение наемного труда.

Основными нанимателями рабочего скота и инвентаря являлись бедняцкие хозяйства. По данным весенних обследований крестьянских хозяйств, в 1927 г. более 31% хозяйств деревни с посевом до 4,1 дес. земли нанимало рабочий скот и инвентарь. Хозяйства с посевом от 4,1 до 16,1 дес. почти не участвовали в отношениях найма-сдачи средств производства и либо обходились собственными силами, либо прибегали к супруге – объединению нескольких хозяйств [16, д. 42, л. 6, 46]. Супруга являлась преимущественно формой крестьянской взаимопомощи, наряду с середняками её применяли и бедняцкие слои деревни, владевшие скотом и другими средствами производства. Однако супруга нередко выступала замаскированной формой найма рабочей силы, о чем свидетельствует высокий процент зажиточно-кулацких хозяйств, принимавших участие в супруге [14, с. 53].

Довольно распространенной формой производственных отношений в деревне Казахстана 1920-х гг. являлась отработка, которую не следует путать с отработочной системой пореформенной России, когда крестьяне из-за малоземелья вынуждены были арендовать землю у помещика. В советской деревне характер отработки изменился. Суть ее заключалась в том, что более состоятельный арендатор производил определенное количество работ для сдатчика земли, который зачастую вообще не имел собственного рабочего скота и инвентаря и именно поэтому сдавал землю в аренду.

Аренда земли в земледельческих районах Казахстана мало чем отличалась от того, что наблюдалось в европейских районах РСФСР. Основными сдатчиками земли являлись маломощные крестьянские хозяйства. Не случайно существовавшее аграрное законодательство в первую очередь защищало интересы сдатчика [10, с. 159].

Основными арендаторами земли являлись середняки и хозяйства предпринимательского типа. В 1927 г. на их долю в Казахстане приходилось соответственно 57,7% и 27,8% арендованной пашни [16, д. 42, л. 7, 39]. Причины аренды земли этими группами хозяйств были различны: первые арендовали землю вследствие избытка средств производства и рабочих рук, вторые – сочетали аренду земли с систематическим использованием наемной рабочей силы [1, с. 11-12]. Если на одно середняцкое хозяйство (из числа хозяйств, прибегавших к аренде) приходилось в среднем около 2 дес. арендованной пашни, то среди предпринимательских хозяйств среднестатистический размер арендованной земли составлял 11,5 дес. [16, д. 42, л. 7].

Своеобразие аграрной политики Советской власти в Казахстане привело к тому, что значительное число крестьян-переселенцев вообще осталось без земли. Согласно решению V съезда Советов Казахстана о преимущественном наделении землей «коренного» (казахского) населения, отмененному лишь в 1927 г., землеустройству подлежали не все переселенческие хозяйства, а лишь те из них, которые прибыли в автономию до 31 августа 1922 г. [12, с. 45-51]. Не имея собственной земли, эти хозяйства были вынуждены ее арендовать. Не случайно, что по распространенности арендных отношений казахстанская деревня занимала одно из первых мест в Советском Союзе. Если, например, в Сибири удельный вес крестьян, арендующих землю, в исследуемый период составлял 8,6%, на Украине – 9%, на Северном Кавказе – 15%, то в казахстанской деревне к аренде прибегало не менее четверти крестьянских хозяйств [11, с. 165].

Формы платы за аренду земли были различными: денежная, натуральная, сдельная, отработочная, смешанная и др. Наиболее распространенной формой арендной платы была денежная, которой пользовалось более 70% крестьян, арендовавших землю [16, д. 42, л. 39].

Преобладание денежной формы арендной платы свидетельствовало о достаточно широком развитии в земледельческих районах Казахстана товарно-денежных отношений и о товарной направленности крестьянского производства в целом. Натуральная и издольная формы оплаты в чистом виде встречались крайне редко. Преобладали их видоизмененные формы: сдатчик, например, получал часть урожая в необработанном виде на поле, предоставив перед этим арендатору земли для посева свои семена. Нередко арендатор привлекал сдатчика земли к уборке урожая. Таким образом, аренда земли превращалась на деле в использование арендатором труда землевладельца, которому из-за отсутствия собственных средств производства приходилось расплачиваться землей.

В ауле, как и в деревне, основными участниками арендных отношений были малоимущие слои крестьянства, составлявшие около 85% от общего числа хозяйств указанной группы [Там же, д. 53, л. 11]. Отличительной чертой арендных отношений аула являлось решающее преобладание в нем сдатчиков земли.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / примеч. С. С. Аверинцева. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Клеина Е. А., Песков А. Е. Событийность смерти: социальный аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 56-63.
3. Левинас Э. Время и Другой. Значение и смысл. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А. В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
4. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
5. Солженицын А. И. Крохотки // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3. Рассказы. С. 146-157.

ATTITUDE TO DEATH IN SOCIAL-CULTURAL OBJECTIFICATIONS SYSTEM

Klenina Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Volgograd State Technical University
klenina.el@yandex.ru

Peskov Arkadii Evgen'evich, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
peskov.arck@yandex.ru

The authors show that the attitude to death, consolidated in the system of social-cultural objectifications (funeral traditions, ritual, symbol, message), is not only one of the form-generating and typological factors of contemporary cultural identity, but also an indicator of the situation, which is characterized by the tendency of the maximum taboo and displacement of death themes from the inter-life horizon of human existence.

Key words and phrases: attitude to death; social-cultural objectifications; death as social event; funeral traditions and ritual; taboo of death theme; contemporary society and culture.

УДК 94(47)+338

Исторические науки и археология

В статье рассматривается эволюция социальных отношений в переселенческой деревне и ауле Казахстана в годы нэпа. По мнению автора, аграрные преобразования, осуществленные Советской властью в центрально-европейской части России, практически не коснулись Казахстана, где продолжались сложные процессы социальной дифференциации крестьянства, вызванные столыпинской аграрной реформой. В переселенческой деревне преобладал «американский», фермерский путь буржуазной эволюции. В казахском ауле становление мелкотоварного уклада сдерживалось традиционными институтами, которые создавали сложнейшую гамму социальных отношений в аульной среде.

Ключевые слова и фразы: аул; переселенческая деревня; социальная структура; социальные отношения; традиционное хозяйство.

Козлов Александр Петрович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
petrovich138@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ И АУЛЕ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ НЭПА[©]**

Проблемы эволюции социальных отношений советского доколхозного крестьянства всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Вместе с тем отдельные аспекты социальной истории крестьянства в годы нэпа требуют своего дальнейшего исследования. Особенно это касается рассмотрения этих проблем с точки зрения региональных особенностей. К числу таких регионов, несомненно, можно отнести Казахстан, социально-экономическое и этническое положение которого в рассматриваемый период было весьма своеобразным.

Характерной чертой аграрного строя досоветского Казахстана, как известно, было отсутствие здесь помещичьего землевладения. Капитализм в земледельческих районах Степного края, населенных в основном казачеством и крестьянами-переселенцами, развивался быстрее, чем в центре страны. И если в Европейской России «черный передел» 1917-1918 гг. привел к резкому «осередничиванию» крестьянства, то Казахстану удалось избежать серьезных аграрных потрясений. Землеустроительные работы начались здесь только с начала 1920-х гг. и имели совсем иную направленность. Своей основной целью они ставили перераспределение

Несмотря на распространение производства и оказания ритуальных услуг («индустрия смерти»), для нашего времени актуален не только финансовый «дефицит похорон», но в данном случае речь идет и о безальтернативных похоронах (в подавляющем большинстве случаев это ингумация, поскольку сильна христианская идея, рассматривающая человека в единстве души и тела, отсюда – сохранение тела для Воскресения и невозможность кремации), о практическом отсутствии траурных залов, о «тоске по эстетизации» ритуала, которые позволяют человеку еще при жизни надеяться на достойный уход.

Однако еще М. Бахтин замечал, что эстетическое восприятие Другого – это восприятие «под знаком смерти». Эстетический подход к живому человеку как бы упреждает его смерть: «Память законченной жизни другого... владеет золотым ключом эстетического завершения личности» [1, с. 95]. Событие смерти, соответственно, предстает формой эстетического завершения человека. Поэтому многие перед смертью всерьез интересуются местом своего захоронения, способом, атрибутами. Некоторые даже продумывают такие детали, как обивка гроба, грим. Все эти приготовления имеют ритуальный характер и позволяют достойно подготовиться (по возможности) к событию собственной смерти. Поэтому эстетическое оформление похоронного ритуала предполагает, на наш взгляд, его совершенствование в сторону гуманизации.

Современный погребальный ритуал – фактически соединение чужеродных начал. С появлением новых похоронных символов и атрибутов происходит ревитализация старых: осуществляется симбиоз языческой, церковной, коммунистической и отчасти светской обрядности. Распространение такого рода обрядовой эклектики, причем, как правило, при полном непонимании духовной стороны этого процесса, приводит к тому, что ритуал существует как «пустая форма» (термин Г. Зиммеля).

Похоронная эклектика, «неоархаика» представляют собой одну из форм культурной идентичности современного российского общества. И альтернативы этому пока нет, так как отсутствует универсальный «этикет» отношения живых к мертвым, что, в свою очередь, порождает предельно циничное отношение к событию смерти Другого.

В данной связи встает вопрос: существует ли право умершего или он лишь объект манипуляций со стороны общества?

Умерший – такой же полноправный представитель человеческого сообщества, как и пока-живущие. Поэтому в настоящее время актуальны такие проблемы: правовая защита мертвых, кладбищ, памятников; этикетные формы поведения живых по отношению к умершим; эстетическое совершенствование похоронной практики в сторону ее гуманизации и индивидуализации и др. Именно в сохранении традиций, поддержании «связи» между живыми и умершими – смысл исторической памяти и социальности, поскольку каждая человеческая жизнь сопряжена как минимум с двумя основными социальными событиями: рождением (вхождением человека в общество) и смертью (уходом из социума).

И когда мы обращаемся к комплексу представлений, связанных со смертью, то становится очевидным, что нельзя не учитывать такой социокультурный феномен, как погребальный обряд. Человек, по словам М. Мамардашвили, приходит в мир с плачем по умершему, с осознанием своей участи. При этом человек – «существо погребающее» (Н. Федоров). Первые надгробные сооружения – первые знаки культуры, ибо встреча со смертью делает человека человеком культуры.

Выделение смерти как особого коллективно значимого события не было чуждо уже палеолитическим предшественникам человека современного типа. В фокусе погребального обряда само событие смерти свидетельствует, прежде всего, о социальных отношениях, так как «с нами может случиться событие, которое мы уже не берём на себя» [3, с. 74]. Смерть – это событие, со-бытие, совместный ритуал. Это также подтверждается значением самого понятия «ритуал» (от лат. *ritus* – «(при)-соединять», «связывать», «приводить в порядок»; соответствует слав. *obredъ* – «обряд», поэтому термины «ритуал» и «обряд» мы будем употреблять как тождественные и взаимозаменяемые). В соответствии с этим ритуал – «особенный инстинкт, который мы вправе называть социальным» [4, с. 188].

При выяснении социальных функций похоронного ритуала мы подразумеваем ответ на вопрос: какова его роль в системе социальных взаимодействий? Во-первых, посредством похоронного ритуала происходит приобщение индивида к определенным социальным ценностям. Ритуал связывает поколения и является одной из форм, обеспечивающей преемственность в социальном развитии. Тем самым он выступает как элемент культуры, создающий единый ритм, время культуры. Во-вторых, функциональная характеристика похоронного ритуала – интеграция, укрепление социального единства, поскольку человек, как правило, не способен преодолеть разрушительное действие страха смерти в одиночестве.

Главным в ритуале является то, что группа объединена «одной мыслью и единым действием». Именно солидарность и коллективное переживание события смерти смягчают, по крайней мере частично, трагизм личной утраты [2]. Ритуал можно рассматривать как «психический амортизатор», снимающий накал кризисной ситуации и отнимающий у человека и общества страх перед будущим. Поэтому стремление к деритуализации события смерти способствует, на наш взгляд, усилению социальной дезинтеграции и нарастанию страха перед смертью.

Таким образом, scientistic-технистская апологетика демонстрирует такую интенцию в подходе к человеку, где общество и индивидуальный мир человека рассматриваются сквозь призму организации и функциональности, стабильности, прагматичности. Но это, по нашему убеждению, не исключает существования события смерти как элемента этой организации, как «социальной привычки», благодаря которой человек плавно входит в сложившуюся социальную организацию, которая позволяет ориентироваться в предельных ситуациях и не впасть в экзистенциальный вакуум.

УДК 128/129

Философские науки

В статье показано, что отношение к смерти, закрепленное в системе социокультурных объективаций (погребальные традиции, ритуал, символ, сообщение), является не только одним из формообразующих и типологических факторов современной культурной идентичности, но и показателем ситуации, для которой характерна тенденция максимального табуирования и вытеснения темы смерти из внутрижизненного горизонта человеческого существования.

Ключевые слова и фразы: отношение к смерти; социокультурные объективации; смерть как социальное событие; погребальные традиции и ритуал; табуированность темы смерти; современное общество и культура.

Кленина Елена Анатольевна, к. филос. н., доцент
Волгоградский государственный технический университет
klenina.el@yandex.ru

Песков Аркадий Евгеньевич, к. полит. н., доцент
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
peskov.arck@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТИВАЦИЙ®

Стремление «похоронить смерть» наглядно фиксирует танатальные перверсии. Это, с одной стороны, – центрирование и визуализация телесно-идентифицированной смерти (Мавзолей), демонстрация «зрелища смерти» в средствах массовой информации и современном искусстве, с другой стороны, дистанцирование от переживания процесса умирания, события смерти, от лицемерия «обнаженной смерти». Отсюда – фобия мертвого тела, гримировка умерших, стремительные похороны, употребление эвфемизмов и т.д.

Как замечал еще А. Солженицын, «больше всего мы стали бояться мертвых и смерть. Если в какой-то семье смерть, мы стараемся не писать туда, не ходить: что говорить о ней, о смерти, мы не знаем... Даже стыдным считаем называть кладбище как серьезное что-то», ибо слышится: «...не мешайте нам жить! Мы-то ведь никогда не умрем!» [5, с. 155].

Табуирование проблем, связанных с отношением к смерти, эмоциональные барьеры и даже сам характер социальных и медицинских учреждений определяют невозможность для большинства членов социума ценностного отношения к событию смерти. Более того, в атмосфере современной ситуации, суть которой можно определить понятиями «разобщенность», «атомизация», это становится практически невозможным. Современное общество чувствует себя все менее и менее сопричастным к смерти одного из членов, забывая, что отношение «Я – Мы» подчеркивает реальное единство человеческого рода и предполагает, что «я умираю в каждом, и каждый умирает во мне».

Причина такого парадокса заключается в том, что современный человек менее социализирован, в нем мало «человеческого». В силу этого происходит отчуждение человека от события смерти, и это можно рассматривать как общую тенденцию социума к избеганию страдания. Смерть как значимое событие в жизни общества оказывается неуместной, поэтому общество психологически готово к удалению смерти, лишив ее характера публичной церемонии и сделав чисто приватным актом, в котором участвуют лишь самые близкие и ответственные по роду службы.

Разрушение культуры отношения к смерти приводит к тому, что церемонии вокруг умершего становятся спонтанными формами выражения скорби. Похоронный ритуал становится либо сугубо интимным процессом, где оплакивается, в сущности, не кончина как таковая, а сам факт расставания, либо происходит «идеологизация» смерти, превращение в «поведенческий синдром», в котором необходимыми становятся формализм и нередко лицемерие официально выражаемой скорби. Событие смерти в результате банализируется и дегуманизируется, лишается искренности и эмпатии.

В настоящее время, например, прохождение человека по последним инстанциям (больница, морг, кладбище) сопряжено с девальвацией чувства человеческого достоинства. Человек умирает и как-то сразу превращается из субъекта, из личности в объект манипуляций со стороны совершенно чужих людей. Умерший, еще визуально оставаясь человеком (любимым, отцом, матерью, сыном, дочерью), оказывается вычеркнутым из человеческого сообщества. Даже сам акт погребения становится разновидностью массового производства. Траурные ритуалы перестают быть социальными и упрощаются: теперь их задача не в организации совместного переживания утраты, а, скорее, в отделении человека от смерти, в укрытии события смерти за ритуальными манипуляциями (а ведь именно посредством ритуала устраняется разрыв между биологической и социальной кончиной, благодаря ритуалу событие смерти обретает статус социальной трансформации). Современное общество, смещающее мировоззренческий центр тяжести в сторону внутрижизненных, земных ценностей, вытесняет смерть и делает ее присутствие маргинальным событием.

При этом важно подчеркнуть, что идеал власти, выраженный И. Грозным, не нов для XVI в. и уже усвоен к тому времени всем русским народом. Как отмечает М. А. Ющенко, в дальнейшем идея богоизбранности правителя окажется очень популярной и излюбленной темой идеологов власти. Даже в начале XX в. последний русский царь Николай II очень трепетно относился к идее происхождения власти государя от самого Бога. Как пишет С. Ю. Витте, полученное им воспитание и образование привили императору представление о том, что он «самим Богом создан для неограниченного управления русским народом для его блага, что он является, таким образом, орудием Всевышнего, посредством которого Всевышний управляет Российской империей» [10, с. 67].

Подводя итог рассмотрению зарождения консервативной идеи России, можно сказать, что уже на ранних этапах ее развития выкристаллизовывались такие наиболее характерные черты как, во-первых, ориентированность на поддержку государства, представленного персоной самодержавного монарха. Во-вторых, поддержка православия, выступающего в качестве религии-носительницы уникальности отечественного исторического и идейного опыта. Также нельзя не отметить имперской ориентированности отечественных консервативных взглядов, в наиболее яркой форме выразившейся в доктрине «Москва – Третий Рим».

Идея консерватизма формировалась в лоне государственной власти, и без сомнения одним из основоположников консервативной традиции можно назвать царя Ивана Грозного. Оформившаяся в его царствование консервативная традиция впоследствии стала основой для становления и развития отечественного консерватизма с его спецификой, выраженной в государственно-православном мировоззрении.

Список литературы

1. **Васильев А. А., Серегин А. В.** История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М.: Юрлитинформ, 2001. 450 с.
2. **Зуляр Ю. А.** Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Иркутский гос. ун-т, Науч. б-ка. Иркутск: ИГУ, 2006. CD-ROM.
3. **История политических и правовых учений.** М.: НОРМА, 2000. 736 с.
4. **Ляхова Е. А.** Особенности взаимоотношений Православной Церкви и централизованного государства (самодержавия) в XVI в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/103-6188> (дата обращения: 20.12.2012).
5. **Первое послание Ивана Грозного Курбскому** // Древнерусская литература. М.: Слово, 2001. С. 522–567.
6. **Стремоухов Д.** Москва - Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 425–441.
7. **Толчев И. А.** Отражение взглядов Ивана Грозного на власть в социально-политической практике Московского государства 40–80-х гг. XVI в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2010. 30 с.
8. **Усачев А. С.** «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.
9. **Филофей.** Послание о неблагоприятных днях и часах // Древнерусская литература. М.: Слово, 2001. С. 478–483.
10. **Ющенко М. А.** Ментальные истоки формирования представлений о российской власти на примере политических воззрений средневековой России (X – первая половина XVII в.) // Вестник ТГУ. 2008. № 312. С. 66–68.

TRADITIONALISM AS THE RUSSIAN STATEHOOD BASIS (ON NATIVE CONSERVATIVE IDEA FORMATION HISTORY)

Ivakin Grigorii Anatol'evich, Ph. D. in History

*Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President
ivakin@rane.ru*

The author considers the origin and genesis of conservative ideas in Russia from their beginning till the XVIth century, analyzes the ideological doctrine “Moscow is the Third Rome” by Monk Philothea, and the doctrines by Maximus the Greek, Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible and Andrei Kurbskii, formulates the significance of these doctrines for the subsequent development of conservatism in Russia, and comes to the conclusion about the state character of the Russian conservative ideology as its distinguishing feature, the traditionalist nature of the state-religious doctrine of power.

Key words and phrases: conservatism; traditionalism; ideological doctrine “Moscow is the Third Rome”; autocracy; Orthodoxy.

развалинах Золотой Орды, особенно к Казанскому — средоточию враждебных внешних сил, — препятствовавшему хозяйственно-культурному развитию исконных русских земель к востоку от Москвы [2, с. 14].

Иван IV, так же, как его дед и отец, стал адресатом весьма значительного числа поучений. Свои произведения ему адресовали едва ли не все известные писатели эпохи: И. Пересветов («Большая челобитная» и др.), Максим Грек («Главы поучительные начальствующим правоверно» и несколько посланий), митрополит Макарий («Ответ» о церковных имуществях, Поучение в Чине венчания, послания), Сильвестр (послание), Ермолай-Еразм («Благохотящим царем правительница»), А. Курбский (три послания). Судя по всему, написанная в самый канун опричнины Степенная книга также создавалась для русского царя [Там же, с. 73].

Актуальность поучений правителю была обусловлена напряженными эсхатологическими ожиданиями, характерными для России конца XV – XVI в. На их фоне фигура правителя, в 1547 г. принявшего царский титул, ведущего вверенное ему Богом «царство» к Спасению, приобрела для книжников ключевое значение. Именно от соответствия поступков государя определенной модели поведения и зависело Спасение не только его личное, но и всей страны. Этим в значительной степени и обуславливалось то, что свои основные произведения крупнейшие русские писатели этого времени адресовали непосредственно великому князю (позднее – царю), а наставление его на путь, ведущий его и управляемую им страну к Спасению, они рассматривали в качестве своей важнейшей задачи [8, с. 72].

Следует отметить, что в рамках христианской политической доктрины в этот период формируется представление о власти как особом служении религиозного характера. В силу этого власть царя должна быть единой и неограниченной; она не может быть ограничена никем из подвластных. Вместе с тем власть традиционного монарха ограничивается собственным принципом: в своих действиях властитель не должен нарушать нормы и запреты своей религии. В том случае, если царь отступал от веры, выходил в своих действиях за рамки собственной компетенции, подданные становились свободными от подчинения ему [7, с. 20].

Иван Грозный как сын своего времени, безусловно, не мог игнорировать складывающийся идеологический фон, на котором все ярче проступали имперские черты отечественной религиозно-политической доктрины. Стремление к империи – вот главное объяснение причин политики и идейных изысканий Ивана IV.

Грозный поставил точку в полемике между интеллектуалами своего времени (Ф. Карпов, И. Пересветов, А. Курбский). В соответствии с его представлениями власть самодержца должна быть ничем не ограничена и никому не подконтрольна. Реализация этой теории в конкретной культурно-исторической ситуации привела к тому, что она стала основой государственного устройства и правления в России на всем пути существования монархии.

По мнению Грозного, строение земного государства является копией государства небесного, а царь земной – как бы земным заместителем Бога. Он считал, что власть ему дана в высших религиозных и нравственных целях, «для поощрения добрых и кары злых». Таким образом, Иван Грозный утверждает происхождение царской власти от самого Бога и тем самым закрепляет ее в глазах христиан как необходимую и неизменную [10, с. 67].

Для обоснования своих притязаний Иван Грозный по-своему интерпретировал концепцию «Москва – Третий Рим». В своей переписке с Андреем Курбским Иван IV часто упоминает, что власть ему дана Богом, а следовательно, и вся его политика есть воля Божья. При этом, как отмечает Е. А. Ляхова, согласно концепции, разработанной в подражание византийской, власть в той или иной степени принадлежит и «попам», что презирает Иван Грозный. Вся жизнь православного русского общества XVI века была подчинена церковным канонам, а следовательно, правительству приходилось считаться с мнением православных иерархов, но на практике боярские группировки тем или иным образом пытались влиять на митрополитов, склоняя их на ту или иную политическую сторону [4, с. 341].

Обратимся к тексту Первого послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому. Уже с первых строк мы видим идейную преемственность с временами Василия III. Грозный как бы продолжает развитие мысли о самодержавном характере русского государства, базирующегося на незыблемости православной веры: «Бог наш Троица, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются и властители пишут правду; богом нашим Иисусом Христом дана была единокровного слова божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь – крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля провидения и божественные слуги слова божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению от великого царя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого царя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами вплоть до отомстителя за неправды – деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас пребывает, смиренных скипетродержателей Российского царства» [5, с. 522].

Из приведенной цитаты, являющей собой всю концептуальную суть идеологических представлений царя, прекрасно видно, что мысль о связи Московского царства с великими государствами прошлого еще больше укрепилась в сознании политической элиты. Теперь это уже не теоретическое построение, но аксиома, на которой строится русская государственность, цементируется высшая политическая власть, обретающая тотально-сакральный безусловный характер.

Тем не менее, очевидно, что любая идеология имеет свои исторические корни и истоки. В Европе консервативная мысль опиралась на традиционалистские взгляды, включавшие в себя уже сформировавшиеся на тот момент принципы ограниченности власти монарха, особого положения Церкви в обществе, основные экономические и политические права человека. Европейская консервативная идеология явилась результатом социальной борьбы, решающий этап которой, ко времени его формирования, был уже в прошлом. Ценности европейского консерватизма имеют охранительную направленность, но при этом прочно связаны с ускорением либеральных преобразований.

Иной была история зарождения и развития консервативной мысли в России. Традиция в России с момента централизованного государства была прочно связана с идеей самодержавной власти монарха, опирающейся на жестко-структурированное сословное устройство феодального общества и Православную Церковь, оказавшую поддержку не только объединению русских земель вокруг Московского княжества, но и всемерному укреплению власти Московских князей. Консервативная идея в России формировалась не как самостоятельное направление общественной мысли, а в русле официальной государственной идеологии, призванной закрепить незыблемость абсолютной власти монарха. Цель данной статьи - проследить процесс формирования традиционалистской государственной доктрины, ставшей предтечей классического русского консерватизма начала XIX века.

Истоки отечественного консерватизма восходят к периоду формирования централизованного русского государства – Московского царства. В 1523 году старец псковского Елеазарова монастыря Филофей обратился с посланием к великому князю московскому Василию III. В этом послании великий князь был уподоблен римскому императору Константину Великому.

Автор теории, вошедшей в историю политической мысли под названием «Москва – Третий Рим», был иосифлянином по своей идеологической направленности. Его учение развивало и уточняло главные иосифлянские идеи о природе царской власти, ее назначении, взаимоотношения с подданными и церковной организацией. При этом наиболее подробно у Филофея разработан вопрос о значении законной царской власти для всей русской земли. В Послании к великому князю Василию Ивановичу он возводит династическое родословие русских князей к византийским императорам, указывая Василию III, что править ему следует по заповедям, начало которым было положено великими прадедами, в числе которых называются «великий Константин... Блаженный святой Владимир и великий и Богоизбранный Ярослав и прочие... их же корень до тебе» [3, с. 49].

Канонической же стала следующая фраза старца из рассматриваемого послания: «Так знай, боголюбец и христоробец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [9, с. 478].

На каких же основаниях в этот период Москва претендовала на звание «Третьего Рима»? А. А. Васильев и А. В. Серегин предлагают следующее объяснение, которое кажется нам верным: «...освобождение от татарского ига, объединение разрозненных мелких уделов в большое Московское государство; женитьба великого князя Иоанна III на Софии Палеолог, племяннице (и как бы наследнице) последнего византийского императора; успехи на Востоке (завоевание царств Казанского и Астраханского) - все это оправдывало в глазах современников представление о праве Москвы на такую роль» [1, с. 157–158].

Откуда же старец Филофей почерпнул свои идеи? Как замечает Д. Стремоухов, византийская идеология, усвоившая некоторые римские формы, была отмечена известным «мессианизмом», расцвет которого, видимо, пришелся на эпоху Македонской династии, что совпало с началом распространения христианства у славян. Неудивительно поэтому, что мессианская идея вскоре проникает и в славянский мир, тем более что Византия, очевидно, рассматривала эту доктрину как чрезвычайно важную для экспорта. Она получала распространение благодаря учению и каноническим актам греческой Церкви либо посредством усвоения славянами византийских трудов [6, с. 427]. Однако лишь псковский монах Филофей определит Москве роль во всемирной истории и разовьет формулу возвеличивания московских земель. Следствием же идеи «Москва – Третий Рим» стало устойчивое убеждение русских в осознании ими своей судьбы, что Россия призвана быть последним оплотом, цитаделью православия [1, с. 158].

Идейная доктрина «Москва – Третий Рим» стала отправной точкой в интеллектуальном поиске русской элитой концептуальных основ консервативно ориентированной государственнической идеологии. Именно благодаря ей будущий русский консерватизм смог обрести идейную почву, основу для дальнейших философских методологических конструкций, выстраивания стройной традиционалистской концепции и формирования государственно-религиозной доктрины власти, прочно связанной с идеями православия и патриотизма.

Следующей знаменательной вехой в истории традиционалистско-патриархальной мысли России стала эпоха царя Ивана Грозного.

В январе 1547 г. юный Иван IV Васильевич, прозванный позднее Грозным, с благословения митрополита Макария торжественно провозглашается первым русским царем. Официальное признание единодержавия «царя и великого князя Всея Руси» подрывало почву для притязаний удельных князей на соправительство, а отдельных областей государства — на сохранение политической обособленности. Актом венчания на царство московский государь приравнивался к государям «великих держав», тем самым пресекались возможные претензии на установление какой-либо степени зависимости от них Российского государства, и предопределялась активизация его внешней политики, в первую очередь по отношению к ханствам, образовавшимся на

Понимая необходимость решения возникшей проблемы, министерством торговли и промышленности было организовано плавание учащихся группами под наблюдением преподавателей или прикомандированных специально для этого лиц. При такой системе группа учеников, получая морское довольствие за счет специально ассигнуемых для этого сумм, имело возможность пользоваться «столом» в отдельном от матросов помещении, свободное от судовых работ время для своих занятий и удобное для этого помещение. Подчиняясь в распределении дня установленному для них расписанию, ученики в то же время выполняли все судовые работы по приказанию капитана, которое передавалось ученикам через прикомандированного преподавателя [5, д. 588, л. 65]. Такое коллективное плавание учеников, как и на учебных судах, считалось один месяц за полтора [Там же, л. 66].

Таким образом, можно утверждать, что в начале XX века в Российской империи существовала система практического обучения учеников мореходных заведений, которая осуществлялась на учебных судах. Однако, вследствие их недостаточного числа, приходилось отправлять учеников на торговые и военные суда, а также организовывать плавание учащихся группами под наблюдением опытных преподавателей. В ряде случаев учащиеся должны были сами отыскивать места для получения необходимой в морском деле практики.

Список литературы

1. **Всеподданнейший отчет главноуправляющего торговым мореплаванием и портами за 1903 и 1904 гг.** // Организация учебных плаваний и ученичества на учебных судах Главного Управления. СПб., 1904.
2. **Лухманов Д. А.** Жизнь моряка. Л.: Лениздат, 1985. 511 с.
3. **Митрофанов В. П., Митрофанов П. С.** Школы под парусами. Л.: Судостроение, 1989. 232 с.
4. **Наше судоходство** // Русское судоходство: ежемесячный журнал императорского общества судоходства. СПб.: Типография Исихора Гольдберга, 1906. № 10. С. 168–169.
5. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 95. Оп. 18.
6. http://korabley.net/news/russkij_kliper_velikaja_knjazhna_marija_nikolaevna_hesperus/
7. http://www.modernlib.ru/books/skryagin_lev_nikolaevich/iz_istorii_morskogo_flota_podborka_statey_iz_zhurnala_morskoy_flot_za_198788_godi/read_1/

NAVIGATION PRACTICE OF MARITIME ACADEMIES STUDENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Zuev Andrei Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
univerandrey@mail.ru

The author reveals the features of future merchant seamen's practical training in the Russian Empire at the beginning of the XXth century, pays particular attention to the resolution of the question of navigation practice organization on training ships, considers the general regulations of practice program for students in training, and comes to the conclusion about the existence of the practical education system of maritime academies students in pre-revolutionary Russia.

Key words and phrases: navigation practice; maritime academies; merchant fleet; student; training ship; captain.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются зарождение и генезис консервативной идеи в России от истоков до XVI века. Проанализированы идейные доктрины монаха Филофея «Москва – Третий Рим», Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного и Андрея Курбского. Сформулированы выводы о значении этих учений для последующего развития консерватизма в России. Делается вывод о государственном характере русской консервативной идеологии как ее отличительной черте, традиционалистской сущности государственно-религиозной доктрины власти.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; традиционализм; идейная доктрина «Москва – Третий Рим»; самодержавие; православие.

Ивакин Григорий Анатольевич, к.и.н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ivakin@rane.ru

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕИ)[©]

Традиционно возникновение консервативной идеологии связывается с периодом конца XVIII – начала XIX века как реакция европейской интеллектуальной элиты на события Великой Французской революции.

признано «неспособным для плавания в море под парусами ввиду его малой остойчивости». Было принято решение заменить рангоут, но, по странной логике, решили делать это на финской верфи. Только в 1908 г. судно начали буксировать по Волге и Мариинской системе в Гельсингфорс, где предполагалось делать ремонт. В конце концов, исполнителем работ стал завод Крейтона в Або (Турку). В 1910 г. было принято решение передать судно Одесскому училищу торгового мореплавания, но что-то помешало теперь уже ремонтникам вовремя завершить работы. Только в 1914 г. судно получило возможность вернуться к учебным делам. К Черному морю в Мариуполь оно отправилось вокруг Европы. На полпути стало известно о начале Первой мировой войны. Судно было задержано в Греции, в Пирее, и находилось там до 1917 г. [3, с. 112].

Таким образом, в начале XX века в ведении Главного управления торгового мореплавания и портов состояло три учебных судна [5, д. 588, л. 63].

Общими правилами для учеников, плававших на учебных судах, было следующее. Их содержание производилось за счет кредитов, назначаемых по данному судну, частью за счет особых сумм, ассигнуемых как министерством торговли и промышленности, так и попечительными комитетами из специальных средств тех учебных заведений, которые командируют на суда учеников. В содержание входило бесплатное питание, стирка белья и мелкая починка одежды. Лица, принимаемые со стороны для выполнения плавательного ценза, содержались за свой счет, с платой по 18 руб. в месяц.

Для изучения морской службы все ученики мореходных заведений выполняли вахтенные обязанности судовой команды, участвовали вместе с ней во всех авралах и тревогах и исполняли все судовые работы, за исключением тех обязанностей, которые возлагались на прислугу.

Все занятия учеников на учебных судах носили исключительно практический характер в условиях «действительной судовой практики», включавшие в себя изучение морской практики и штурманского дела. Обе эти «отрасли» включали в себя выполнение служебных обязанностей на вахтах, на авралах и судовых работах. Кроме того, для той же цели их изучения назначались «специально-практические занятия в особые часы, как на стоянках, так и на ходу» [Там же].

Плавание на учебных судах проходило под наблюдением учебного персонала. Учащимися выполнялись работы по морской практике и штурманскому делу. Причем исчисление плавательного ценза для получения первого судоводительского звания производилось в расчете «один месяц за полтора» [Там же, л. 63–64].

Следует отметить, что нередко возникали споры по поводу практического обучения учеников, в частности, были сторонники изменений программы плаваний. Некоторые ставили под сомнение в целом полезность службы учебного парусного судна. Так, в отзыве начальника Каспервикской двухклассной мореходной школы о предполагаемой реформе мореходного образования в 1909 г. говорится, что «любительская яхта» Одесского училища «должна обучать учеников тому, чтобы суда, по возможности, больше зарабатывали». По его мнению, нельзя допустить, чтобы судно приобреталось лишь для того, чтобы ознакомить учеников с фалами и парусным «учением». Цель учебного судна должна заключаться в том, чтобы «ознакомить учеников с фрахтованием, погрузкой и выгрузкой разных товаров, а этого – то на наших учебных судах и нет». В заочную дискуссию вынужден был вступить начальник Одесского училища: «Мы исключаем сознательно критику некоторых лиц, что вся постановка учебного дела на судах неправильна, ибо судно не занимается ни грузовыми, ни коммерческими операциями. Мы считаем, что обязательное занятие учебного судна грузовыми операциями станет в прямой ущерб всем другим отраслям обучения на судне» [3, с. 100].

Несмотря на принятые правительством меры, мест на учебных судах для всех учеников не хватало. Как и в период действия мореходных классов продолжалось помещение на торговые и военные суда. На страницах периодической печати, к примеру, помещение учеников петербургского училища дальнего плавания на подобные суда описано следующим образом: «Воспитанники с.-петербургского училища дальнего плавания закончили 28 августа практические занятия на судах военного флота. В нынешнем году для воспитанников было предоставлено морским министерством, кроме обычных вакансий на военных судах, еще и на новых транспортах английского типа: “Борго” и “Лахта”. Не попавшие на военные суда были размещены училища на судах русского общества пароходства и торговли, в добровольном флоте и несколько человек на экспедиционном судне “Андрей Первозванный” в Северном Ледовитом океане» [4, с. 169].

За неимением достаточного числа учебных судов, учащиеся порой должны были сами отыскивать места для получения необходимой в морском деле практики. Однако частные владельцы неохотно принимали учеников на свои суда, считая это обременительным и для судна совершенно бесполезным. В свою очередь, не будучи специально для этого оборудованными, все частные суда были мало пригодными для практических плаваний учеников. Принятые же на судно ученики в большинстве случаев не допускались к мореходным инструментам из опасения их порчи. Необходимо отметить, что большинство учеников ввиду своей материальной необеспеченности не могли вносить плату за свое содержание на судне и поэтому вынуждены были служить на матросских должностях [1, с. 89].

По свидетельству современника, «в те времена ни о каких учебных судах для моряков торгового флота не было и помину, и все мы обыкновенно нанимались на лето матросами или на местные пароходы, или на мелкие парусники, которыми тогда кишели Черное и Азовское моря» [2, с. 23].

Плавание матросом, безусловно, имело свои достоинства, так как приучало учеников к несению ответственной должности и способствовало скорейшей выработке в них тех душевных качеств, которые были так необходимы для моряка, как-то: хладнокровия, находчивости и т.п. В то же время такое плавание имело один существенный недостаток – отсутствие времени и удобного помещения для занятий – и окончательно лишало доступа даже к тем неполным инструментам, которые обыкновенно имелись на небольших торговых судах. Следует отметить и «нежелательность среды», в которой ученики вращались во время плавания.

В 1908 году командование судном принял Д. А. Лухманов, будущий капитан дальнего плавания, писатель. В своих мемуарах он так описывал особенности прохождения службы на учебном судне: «практиканты спали на подвесных парусиновых койках, убравшихся на день в “сетки”; при подъеме и спуске флага командовалось “смирно”; весь экипаж ходил на судне в форме, а боцманы носили дудки на цепочках; склянки отбивались каждые полчаса; в половине двенадцатого кок в белом колпаке и фартуке, в сопровождении выборного артельщика, подносил капитану на подносе “пробу”; в девять часов вечера пелась общая молитва, после чего раздавались койки; капитан съезжал на берег или ездил на другие суда на специальной “капитанской” гичке красного дерева, с “уборами” из темно-синего бархата, сияющими медными ключичинами и румпелем, шестью отборными гребцами и под шелковым флагом. Все это немножко напоминало игру в солдатики, но практикантам и команде нравилось, и они гордились особенностями службы на учебном корабле» [2, с. 82].

Экипаж учебного судна составляли капитан, четыре помощника капитана, три преподавателя навигации и мореходной астрономии, врач, фельдшер, два боцмана, рулевой старшина, парусник, плотник, машинист, двенадцать матросов первого класса, шесть матросов второго класса, шесть человек кухонной и буфетной прислуги и сто десять практикантов, а всего сто пятьдесят человек [Там же].

Кроме учеников Одесского училища торгового мореплавания, на учебное судно помещались ученики других мореходных учебных заведений, а также «посторонние лица», желающие получить необходимый для поступления в училища дальнего и малого плавания пробный двухмесячный ценз. Ученики иногородних мореходных заведений, готовящиеся к поступлению в мореходные учебные заведения, а также лица, нуждающиеся в получении плавательного ценза для низших судоводительских званий, принимались на судно «под именем матросских учеников».

Плавание учебного судна «Великая Княжна Мария Николаевна» проходило в Черном море. Обычно 25 мая судно становилось на рейд в Одессе. Стоянка длилась 8–10 дней. Затем оно переходило в Феодосию или Геленджик, где в течение 15 дней с практикантами проводили главным образом шлюпочные учения. После этого рейс вдоль берегов Крыма и Кавказа продолжался, причем дней семь–восемь уходило на крейсерство в море. К началу второй недели августа судно обычно возвращалось в Одессу для того, чтобы принять на борт прошедших приемные экзамены «кандидатов», а также учеников выпускного класса, завершивших к этому времени учебные плавания на пароходах. Начиная с 25 августа, учебное судно делало обход анатолийских и болгарских берегов с обязательными стоянками в Синопе и Бургасе, во время которых проводились шлюпочные учения, и вела крейсерство по шесть–восемь дней. Плавание заканчивалось практическим экзаменом в присутствии «правительственной комиссии». Как правило, 24 октября все ученики списывались на берег [3, с. 98].

На этом учебном судне впервые появился учебный совет из штатных штурманов и преподавателей училища, который возглавлял капитан. Этот совет следил за ходом практики, руководил учебно–практическим процессом, который был построен так, чтобы каждый поступающий в училище мог познакомиться не только с обязанностями матроса, но и помощников капитана. Часы пребывания практикантов на судне расписывались «на ходу» и «на якоре» и мало чем отличались от регламента военных кораблей. Новобранцу мог дать поручение капитан и старший помощник, боцман и матрос, даже старший по курсу ученик. Ученик I класса, пока еще все тот же матрос, допускался к исполнению обязанностей младшего штурмана. Нередко при этом им руководил ученик II класса, который, оставаясь в положении матроса, уже вел прокладку и счисление, командовал гребной и парусной шлюпками. Ученик III класса часто выступал в роли руководителя каких–либо судовых работ. Он нес вахту с помощниками капитана, вел судовой вахтенный журнал, заведовал судовыми хронометрами. Нередко капитан предлагал кому–нибудь из старших учеников выбрать путь движения, назначить курсы и время их изменения при переходе судна из одного порта в другой. Обычными на судне были авральные спуски спасательных шлюпок на воду днем и ночью, в штиль и при разгулявшемся волнении. Ученики делились на три вахты с таким расчетом, чтобы одна вахта занималась выполнением судовых обязанностей, другая – учебной, а третья отдыхала. Всего за годы пребывания в училище молодые люди должны были провести в практических плаваниях 14 месяцев [Там же, с. 100].

В 1913 году на учебном судне «Великая княжна Мария Николаевна» был проведен капитальный ремонт, который проходил в Англии на верфи «Swan&Hunter», расположенной в городке Уоллсенд, после чего парусное судно было отправлено в Балтийском море, где продолжило свои учебные морские походы с выходом в Северное море [6].

Наконец в 1904 году Сормовский судостроительный завод построил новое учебное парусное судно «Великая Княгиня Ксения Александровна» с паровым двигателем вместимостью в 697 регистровых тонн [5, д. 588, л. 63].

В 1903–1904 учебном году в вооружении учебного судна участвовали 19 учеников старшего класса Бакинского училища дальнего плавания. Под общим руководством начальника этого училища ученики совершили свое первое практическое плавание. Учебное судно было причислено к мореходному училищу в Баку, было рассчитано на 100 учащихся и обладало небольшим паровым двигателем в 100 индикаторных сил [1, с. 88].

Д. А. Лухманов приводит следующее высказывание члена совета министерства торговли и промышленности А. Е. Конкевича относительно мореходных качеств учебного судна «Великая Княгиня Ксения Александровна»: «машинка слабенькая, винт маленький, рангоут огромный – вот она под парами не ходит, потому что рангоут мешает, при противном ветре в три–четыре балла назад несет, а под парусами не ходит, потому что осадка мала, набок валится, того и гляди перевернется» [2, с. 84].

Судно плавало с учениками по Каспийскому морю с 15 мая по 15 сентября и заходило обычно в такие порты, как Баку, Петровск, форт Александровск, Энзели, Астрабад. На нем проходили практику воспитанники не только Бакинского училища дальнего плавания, но и других учебных заведений Российской империи. Однако, 3 июня 1907 года специальной комиссией, созданной при капитане Бакинского порта, судно было

THE RUSSIAN STATE AND BUSINESS ENVIRONMENT DEVELOPMENT PROBLEM IN THE XIXTH CENTURY

Evlanov Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
Makedonskaya Vera Aleksandrovna, Doctor in History, Associate Professor
National Research Nuclear University "MPhI"
VVEvlanov@mephi.ru; VAMakedonskaya@mephi.ru

The authors undertake an attempt to prove that business environment development was an organic but not declared task of the social-economic policy of the Russian state, substantiate the thesis that the whole complex of measures aimed at creating favorable conditions for the development of capitalist economy solved the problem of entrepreneurial activity activation to some extent, in terms of this problem consider such government's decisions as serfdom liquidation and the formation of labour market, the development of market monetary system, the banking crisis management policy of the Russian government, the attraction of foreign capital to Russia, and analyze the activity of the Russian state on the development of commercial banking system as the major stimulator of business environment formation.

Key words and phrases: business environment; entrepreneurship; monetary system; state bank; commercial bank; banking-house; savings banks; global financial crisis; crisis management policy of state; labour market; stock market; securities; shares; loan securities.

УДК 94(47).083

Исторические науки и археология

Раскрыты особенности практического обучения будущих моряков торгового флота Российской империи в начале XX века. Особое внимание автор акцентирует на решении вопроса организации прохождения плавательной практики на учебных судах. Рассматриваются общие положения программы практик для учеников, проходящих обучение. Делается вывод о существовании системы практического образования учащихся мореходных заведений в дореволюционной России.

Ключевые слова и фразы: плавательная практика; мореходные заведения; торговый флот; ученик; учебное судно; капитан.

Зуев Андрей Вячеславович, к.и.н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
univerandrey@mail.ru

ПЛАВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА УЧЕНИКОВ МОРЕХОДНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]

6 мая 1902 г. император Николай II утвердил два мнения Государственного Совета, который представил «Положение о мореходных учебных заведениях ведомства министерства финансов» и закон «Об изменении действующих правил о судоводителях на мореходных судах торгового флота».

Вновь создаваемые мореходные заведения должны были дать своим ученикам теоретическое и практическое образование. К этому времени достаточно прочно утвердилось мнение о необходимости морской практики не только для будущих офицеров, но и для кандидатов в офицеры торгового флота [3, с. 109]. По вопросу прохождения плавательной практики была разработана инструкция министерства, которая гласила: «Служба и занятия учеников на судне должны быть поставлены так, чтобы судно не нуждалось бы в матросах и в то же время ученики выпускного класса могли бы исполнять самостоятельно специальные штурманские обязанности и, по крайней мере, обязанности младшего помощника» [Там же, с. 98]. Однако для этого необходимы были учебные суда, на которых ученики смогли бы получить практические навыки.

Первые учебные суда появились сначала на севере. Архангельская рота торгового мореплавания приобрела для морской практики в 1846 году небольшую гафельную шхуну «Ломоносов», а Петербургское училище – в 1832 г. судно «Граф Канкрин» [Там же]. Айнажская морская школа использовала для практики учеников парусник «Катарина» [7].

В 1893 году для таганрогской мореходной школы было построено парусное судно «Святой Ипполит» вместимостью 168 регистровых тонн. На этом судне плавали исключительно ученики этой школы «в среднем числе 30 человек ежегодно». Помимо своего учебного назначения судно по возможности использовалось для перевозки частных грузов. Для того чтобы на него были помещены ученики и других мореходных школ Азовского моря, главное управление торгового мореплавания и портов из специальных средств портовых сборов ежегодно выделяло 4880 рублей [1, с. 87].

В 1899 году в Англии для Одесского училища торгового мореплавания было приобретено парусное железное судно «Великая Княжна Мария Николаевна» вместимостью 1859 регистровых тонн [Там же]. Первым капитаном учебного судна был назначен отставной капитан 2 ранга П. З. Балк, потомственный военный моряк, отменный специалист парусного дела и прекрасный методист. С его приходом на судно служба и учеба сразу же оказались введёнными в строгие полувойенные рамки [3, с. 97].

В конце 70-х – начале 80-х гг. произошло дальнейшее ухудшение экономического положения. На развитие экономики оказывали отрицательное воздействие не только кризисные и застойные явления, но и тяжелая, разорительная русско-турецкая война 1877-1878 гг. Многие промышленные, торговые и транспортные предприятия оказались неплатежеспособными. А нарушения сроков возврата кредитов стали основными причинами банкротства целого ряда коммерческих банков.

В этих условиях российское правительство внесло изменения и дополнения в антикризисную программу. Они не только ужесточили требования к кредитной политике акционерных банков, но и расширили спектр регулирующей деятельности государства. Правительству разрешалось использовать не только административные, но и финансовые инструменты для стабилизации экономики и банковской системы. Так, Государственному банку было поручено оказывать финансовую поддержку коммерческим банкам. Только в 1876 г. кредиты коммерческим банкам достигли свыше 30% всех учетно-ссудных операций Государственного банка. Для сравнения подчеркнем, что в начале 80-х гг. они колебались от 10 до 20%. Анализ кредитной политики Госбанка России позволяет сделать вывод о том, что в 1884-1888 гг. на поддержку коммерческих банков было выдано не менее 400 млн руб. [11, с. 279].

В начале 80-х гг. Министерство финансов России наметило ряд мер по повышению платежеспособности банковской системы. Эти меры рассматривались как важнейший шаг по укреплению финансового положения коммерческих банков. В апреле 1883 г. в государственную антикризисную программу были включены новые правила. Во-первых, правительство ввело правило, в соответствии с которым все кредитные учреждения должны иметь в кассе наличные денежные средства в сумме не менее 10% от обязательства банка. Во-вторых, государство ввело ограничения объема ссуд, которые предоставлялись банком одному заемщику. С точки зрения правительства, кредит одному клиенту банка не должен был превышать 10% от оплаченного уставного капитала. В-третьих, сняло запрет на создание новых банков в различных регионах страны. По мнению Министерства финансов, данное требование выполнило свою функцию и перестало быть эффективным инструментом стабилизации банковской системы в новых условиях [13, с. 341].

Анализ новых шагов правительства по ужесточению государственного регулирования платежеспособности и ликвидности коммерческих банков позволяет сделать вывод о том, что в середине 80-х банковская система России преодолела кризисные явления и вышла на новый уровень своего развития. Следует сказать, что с этого периода начинается новый этап в развитии банковской системы. Коммерческие банки постепенно занимали ведущие позиции в регулировании финансовых потоков не только в городах, но и в провинции. Об этом свидетельствовал быстрый рост филиалов ведущих банков в различных уголках России. Так, 33 коммерческих банка имели 35 отделений. А один из флагманов коммерческой кредитной системы Волжско-Камский банк создал в провинции 18 филиалов [11, с. 278].

Важно иметь в виду и то, что молодая коммерческая банковская система в условиях экономического и финансового кризиса приобрела богатейший опыт, который был использован в последующих циклах экономического кризиса.

Таким образом, в 60-80-х гг. XIX в. в Российской империи были заложены основы государственного регулирования деятельности банковской системы в условиях экономического кризиса. Этот исторический опыт приобретает актуальное значение в современных условиях, когда правительство Российской Федерации активно формирует инновационные подходы регулирования финансовых отношений в условиях финансовой нестабильности, решает важнейшие задачи по развитию мелкого и среднего предпринимательства.

Список литературы

1. Альвианская Н. В. Финансы современной России. М.: ЮНП, 2006. 173 с.
2. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860-1914 гг.: очерки частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. 387 с.
3. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. 1860-1892. М., 1960. 430 с.
4. **Девятнадцатые международные Плехановские чтения**: тезисы докладов (4-7 апреля 2006 г.). М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2006. 284 с.
5. Евланов В. В. Александр II и проблема демократизации финансовой системы // Проблемы социально-политического развития российского общества: международный сборник научных трудов. Воронеж, 2007. Вып. 16. С. 39-41.
6. Евланов В. В. Государство и проблема стабилизации банковской системы // Научная сессия НИЯУ МИФИ - 2009: сборник научных трудов. М.: Изд-во НИЯУ МИФИ, 2009. Т. VI. С. 43-46.
7. Евланов В. В. Развитие кредитно-денежной системы России (вторая половина XVIII - первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 2. С. 57-62.
8. Евланов В. В. Создание в России банковской системы рыночного типа (1861-1917) // Научная сессия МИФИ - 2001: сборник научных трудов. М.: МИФИ, 2001. Т. 6. 238 с.
9. **История с древнейших времен до наших дней** / под ред. д.и.н., проф., академика РАН А. Н. Сахарова. М.: Проспект, 2007. 766 с.
10. Ковнир В. Н. История экономики России. М.: Логос, 2011. 481 с.
11. Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Петроград, 1917. Т. 1. 368 с.
12. Львов Д. С., Моисеев Н. Н. Россия в поисках третьего пути. Вехи 2001 года // Россия в окружающем мире: аналитический ежегодник / под общ. ред. Н. И. Моисеева, С. А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. С. 15-25.
13. Таранков В. И. Ценные бумаги Государства Российского. М. - Тольятти: Автовазбанк, 1992. 646 с.

банков по осуществлению кредитной политики, рациональное использование активного и резервного капитала являются главным звеном стабилизации банковской системы. Правительство исходило из того, что коммерческие банки в процессе реализации программы стабилизации укрепят свои финансовые позиции, преодолению кризис неплательщиков, обеспечат устойчивость кредитной политики.

В результате обсуждения предложений Министерства финансов Государственный Совет в 1872 г. принял решение об установлении для коммерческих банков «Общих правил организации и работы частных банков» [13, с. 336]. Анализ содержания постановления Государственного совета позволяет сделать вывод о том, что данный документ следует рассматривать как первую антикризисную программу Российского государства.

Программа стабилизации банковской системы предусматривала, во-первых, приостановку создания новых коммерческих банков в Москве и Санкт-Петербурге, а также в тех регионах, где уже существовал хотя бы один коммерческий банк. Речь идет, по существу, о создании монопольных банковских структур в тех регионах, в которых ощущался недостаток свободного капитала. Госсовет исходил из того, что концентрация в монопольных банках свободного капитала позволит обеспечить его наиболее рациональное использование, будет способствовать повышению роли банков в регулировании финансовых потоков.

Во-вторых, значительное внимание было уделено регламентации деятельности коммерческих кредитных учреждений. Так, банкам разрешалось предоставлять банковские кредиты в сумме, не превышающей 10% уставного и резервного капитала на срок до 30 дней. А размер уставного капитала банка должен составлять не менее 500 тыс. руб. При этом минимальная стоимость одной акции должна составлять не менее 250 руб. (До кризиса стоимость одной акции составляла 200 руб.). При этом подчеркивалось, что каждый создаваемый банк был обязан сформировать уставной капитал в течение одного года, в крайнем случае, в течение двух лет. А обязательства банка не должны были превышать десятикратную величину оплачиваемого уставного капитала. Кредитные ресурсы акционерных банков имели в основном краткосрочный характер. В связи с этим правительство разрешало банкам производить только учетные, комиссионные и краткосрочные ссудные операции, обеспеченные залогом. В целях повышения надежности банковских операций правительство запретило банкам учитывать векселя с одной подписью (соло векселя) без обеспечения недвижимым имуществом. По мнению правительства, регламентация кредитной деятельности является одной из важнейших предпосылок сохранения устойчивости банка. Более того, последовательное выполнение правительственных мер позволит банкам избежать принятия рискованных решений.

В-третьих, правительство приняло ряд мер по ограничению предпринимательской деятельности коммерческих банков. Так, им запрещалось заниматься бизнесом на рынке недвижимости. Коммерческим банкам разрешалось приобретать только те здания, которые должны быть использованы в качестве офисов и контор. Правительство исходило из того, что основная функция банков заключается в обеспечении предприятий финансовыми ресурсами. А инвестирование в недвижимость сокращает возможности банка реализовать свои функции.

В-четвертых, большое внимание правительство уделило решению проблемы ликвидности. С этой целью правительство обязало банки сформировать резервный капитал в размере не менее 50% уставного капитала. При этом резервный капитал должен был размещаться в таких высоколиквидных инструментах как государственные и гарантированные правительством ценные бумаги. Например, в облигациях государственных займов. В данном случае государство выступало гарантом устойчивости банковской системы и в любой момент могло прийти на помощь проблемным банкам.

В-пятых, государство определило и основания для ликвидации банка. В соответствии с решением Государственного совета, банк ликвидировался, если сумма убытка достигла величины резервного капитала и более 25% уставного капитала.

Следует учитывать, что в экономическом сообществе наблюдалось различное отношение к государственной программе стабилизации банковской системы. В дискуссии о роли государства в регулировании банковской деятельности проявились две основные точки зрения. Некоторые экономисты считали, что жесткая государственная политика затрудняет деятельность банков. Они выступали за ослабление роли государства в регулировании деятельности кредитной системы. Однако, по мнению большинства экономистов и предпринимателей, установление общих правил работы коммерческих банков явилось крупным позитивным фактом в истории отечественной кредитной системы. Они были убеждены в том, что молодому банковскому бизнесу необходима государственная поддержка в сложных экономических и финансовых условиях.

Практика реализации государственной программы стабилизации банковской системы показала, что последовательная реализация требований правительства в целом способствовала не только стабилизации банков, но и успешному развитию кредитной политики. В то же время следует отметить, что в условиях экономического кризиса некоторые банки продолжали проводить кредитные операции с повышенным уровнем риска. В нарушение общих правил банковской деятельности они выдавали крупные ссуды одному заемщику под необеспеченный залог. И неоправданный риск являлся одной из основных причин банкротства банков. Так, зарубежное отделение Московского коммерческого ссудного банка выдало крупные ссуды одному иностранному торговому дому в Берлине под обеспечение в виде ненадежных векселей. В результате необоснованной кредитной операции Московский коммерческий ссудный банк стал банкротом.

России произошло отделение коммерческого банка от государства. Поэтому частный банк не отвечал по обязательствам государства, а казначейство было лишено возможности бесплатного заимствования кредитов из коммерческого банка. В-третьих, финансовые ресурсы коммерческого банка, сформированные путем кредитных операций на ссудном рынке, служили интересам развития предпринимательства. Ресурсы коммерческого банка не могли быть использованы для финансирования дефицита государственного бюджета.

Эти достижения государства в развитии кредитно-финансовых отношений оказали стимулирующее воздействие на позицию деловых кругов. Во второй половине XIX в. в России процесс формирования кредитной системы рыночного типа набирал обороты, вносил определенное оживление в финансовые отношения. В сферу влияния частного банковского бизнеса вовлекались все новые регионы России. Несомненно, расширение географии банковской деятельности положительно отразилось на характере и темпах экономического развития. В середине 50-х гг. XIX в. в Санкт-Петербурге, Москве, Прибалтике и других регионах Российской Империи сформировались банкирские центры, которые выводили кредитную систему на новый уровень развития, ускоряли интеграцию российского и европейского банковского бизнеса [11, с. 236].

Тесные связи российских коммерческих банков и банкирских домов с иностранными кредитными учреждениями способствовали развитию экспорта капиталов в Россию. Образование широкой сети кредитных учреждений расширяло возможности удовлетворения финансовых потребностей торговли, экономики, транспорта и сельского хозяйства, развитию бизнес-среды в стране. Развитие конкуренции между различными частными, общественными и коммерческими кредитными учреждениями не только вносило оживление в кредитные отношения, но и оказывало стимулирующее воздействие на развитие бизнес-среды.

Таким образом, образование коммерческих и частных банков свидетельствовало о возникновении новой прогрессивной тенденции в развитии кредитно-денежных отношений. Она открывала широкие возможности для привлечения частного капитала в банковский бизнес, использования современных форм в организации кредитной деятельности, развития отношений с западными кредитными учреждениями, мобилизации финансовых ресурсов для развития российской экономики.

В конце XIX в. российская экономика подверглась «влиянию» мирового экономического кризиса. Перед правительством российской экономики встала сложная задача по сохранению позитивных темпов ее развития. Наиболее сильному негативному воздействию подверглась молодая банковская система России. Причины такого негативного воздействия лежат не только в плоскости мирового экономического кризиса. Важно учитывать и то, что банковская система Российской империи только с начала 60-х вступила в эпоху рыночной модернизации. Ее буржуазное развитие проходило под определяющим воздействием западноевропейского опыта. Не только западная технология и кадры крупных банков, но и значительный банковский капитал стали фундаментальными основами российской банковской системы. Поэтому и кризисные явления в западноевропейской банковской системе объективно «копировались» российскими банками. Однако следует учитывать и тот факт, что молодая банковская система не имела опыта работы в условиях мирового кризиса. Это, несомненно, усиливало кризисные явления.

С другой стороны, финансовая система России испытывала серьезные трудности. Денежная система России строилась на базе серебряного монометаллизма. Однако в середине XIX в. произошло резкое увеличение добычи серебра. В результате серебро подешевело, и соответственно упала стоимость бумажных денег. Россия использовала для решения проблемы дефицита государственного бюджета печатный станок. В 80-х гг. на денежном рынке России обращалось в два раза больше казначейских билетов по сравнению с 1850 г.

Таким образом, комплекс международных и внутренних причин обусловил рост неустойчивости финансового положения страны и банковской системы. Неблагоприятное экономическое и финансовое положение России негативно отразилось на устойчивости банковской системы. В 70-х гг. в России произошла цепочка банковских банкротств. Потерпели крах Московский коммерческий ссудный банк, Кронштадтский, Кишиневский, Одесский, Ростовский-на-Дону коммерческие банки и др. [6]. Углубление кризиса банковской системы сопровождалось обострением экономического кризиса, ростом социальной напряженности в стране. В этих условиях вопрос о месте и роли российского государства в регулировании финансовых отношений и стабилизации банковской системы приобрел качественно новое содержание. Если в 60-х гг. государство последовательно проводило курс на развитие коммерческой банковской системы, то в начале 70-х Министерство финансов сосредоточило внимание на решении задачи по стабилизации и обеспечению устойчивости банковской системы. Следует учитывать, что сотрудники Министерства финансов считали стабилизацию банковской системы основным звеном государственной политики в условиях мирового экономического кризиса.

Министерство финансов России достаточно оперативно отреагировало на появление кризисных явлений в банковской системе. В результате систематического мониторинга развития кредитно-финансовой системы, технологии кредитной политики представители Министерства финансов уже на ранней стадии кризиса увидели слабые стороны деятельности коммерческих банков. Особое внимание они обратили на низкий уровень организационной работы руководителей частных банков. В частности, речь шла о том, что в руководстве некоторых банков процветали «родственные и кумовские отношения», некритический подход к изучению экономического положения заемщиков.

В начале 70-х гг. Министерство финансов представило на рассмотрение Государственного Совета России законопроект «Об общих правилах организации и работы частных банков в кризисных условиях». Обратите внимание, что проект закона определял конкретный план организационных мер по стабилизации банковской системы. По мнению правительства, повышение дисциплины и ответственности руководства

2 июня 1860 г. Основная задача Государственного банка состояла в том, чтобы погасить значительные долги упраздненных государственных кредитных учреждений, способствовать развитию финансовых отношений в новых исторических условиях, формированию рыночной кредитной системы. По своим функциям Госбанк России должен был стать первым коммерческим банковским учреждением страны, способствовать оживлению экономики, развитию рыночной кредитной системы, активизации предпринимательской деятельности.

Во-вторых, в условиях острого недостатка внутреннего свободного капитала правительство предприняло попытку создать благоприятные условия для привлечения иностранного капитала. Иностранцам предоставлялась возможность выбора размещения капиталов: вложить ресурсы в любую отрасль экономики, свершить депонирование в коммерческом банке, внести пай в товарищество, приобрести ценные бумаги российского правительства, отдать деньги «в рост» под вексель заемщика и т.д. Критерием выбора формы вложения капитала являлась максимальная прибыль с наименьшим фактором риска потерь.

В-третьих, в центре банковской политики была поставлена задача формирования рыночной банковской системы.

В результате в банковской политике государства произошли качественные изменения. Правительство отказалось от политики пассивной поддержки, которая была характерна для первой половины XIX столетия, частных банкирских домов, и взяло на себя роль регулятора развития рыночной кредитно-банковской системы. Это нашло отражение в развитии законодательной базы, оказании организационной и финансовой поддержки коммерческим банкам, осуществлении государственного контроля деятельностью различных коммерческих кредитных учреждений.

В этой связи важно подчеркнуть, что правительство разработало технологию образования кредитных учреждений, которая по своей сути носила инновационный характер. Все учредители кредитных учреждений были обязаны представлять в Министерство финансов устав банка, бизнес план, доказательства необходимости и устойчивости деятельности кредитного учреждения. В начале 60-х гг. Министерство финансов утвердило уставы Государственного банка, Санкт-Петербургского Кредитного общества, Общества взаимного кредита, первого коммерческого банка на акциях и др.

Пожалуй, государство уделило особое внимание образованию в 1864 г. первого Санкт-Петербургского коммерческого банка на акциях. На наш взгляд, жесткость государственных требований к учреждению коммерческих банков была связана с тем, что они впервые вовлекали в кредитный бизнес широкий круг населения страны. И банкротство коммерческого банка в условиях роста социальной напряженности в стране могло вызвать нежелательную для власти реакцию масс. С другой стороны, опыт образования коммерческого банка на акциях должен служить определенным стандартом для образования подобных типов кредитных учреждений в других городах России. Более того, государство поддержало инициативу создания одной из первых в России банковской кампании смешанного типа. Учредителями первого коммерческого банка выступили: коммерции советник председатель Санкт-Петербургской биржи Г. П. Елисеев, бароны Л. Гауф, Р. Клеменц, представитель торгового дома «Асмус Симонсен и К» Ф. Мори [4, с. 171]. Участие иностранцев в создании банка открывало возможность размещения акций банка на фондовых рынках Западной Европы.

При создании коммерческого банка на акциях государство учитывало, что в России ощущался недостаток свободного капитала, что в значительной степени затрудняло формирование уставного капитала в 5 млн руб. С другой стороны, оно учитывало, что в стране существовало весьма настороженное отношение к идее образования банков рыночного типа. Поэтому правительство поддержало просьбу учредителей о финансовой поддержке коммерческого проекта. Госбанк России приобрел акции на 1 млн руб., что составляло 25% уставного капитала. В то же время, государство взяло на себя обязательство оказывать содействие первому коммерческому банку на акциях в организации успешной деятельности. С этой целью в состав правления коммерческого кредитного учреждения вошли два представителя Государственного банка России. К одному из первых шагов Госбанка России по поддержке первого коммерческого банка следует отнести практическую помощь в размещении акций на 1 млн руб. на фондовых рынках Берлина, Лондона, Амстердама, Гамбурга, Парижа, Вены [6].

В результате целенаправленной кредитно-финансовой политики во второй половине XIX в. государству удалось создать развитую структуру коммерческой кредитно-финансовой системы. Так, в конце 80-х гг. в России насчитывалось 44 акционерных банка с 49 филиалами, свыше 150 частных банкирских домов, 83 общества взаимного кредита, 729 ссудно-сберегательных товариществ, 32 банка коммерческого типа, 232 городских общественных банка. Кроме того, появились банкирские конторы, торговые дома, ломбарды, меняльные лавки, которые осуществляли значительное число кредитных операций [5, с. 41]. В рыночную кредитную систему успешно интегрировались и ссудные, сохранные, и Вдовьи казны при Санкт-Петербургском и Московском воспитательных домах.

Образование рыночной кредитно-финансовой системы объективно свидетельствовало об утверждении экономической свободы в России. Во-первых, формирование уставного, или основного, капитала путем выпуска и размещения акций на фондовом рынке явилось принципиальным новшеством в банковском бизнесе. Данный способ формирования уставного капитала, по сути, означал, что открытие кредитного учреждения зависело не от воли государства, а от наличия свободного капитала, от желания граждан принять участие в банковском бизнесе. Во-вторых, во взаимоотношениях граждан России с кредитной системой произошел эпохальный перелом. Впервые гражданин страны, имевший свободные финансовые ресурсы, получил право выступать не только в традиционной роли вкладчика, но и акционера коммерческого банка, то есть его совладельца. Коммерческий банк являлся собственностью акционеров, а не государства. Впервые в истории кредитной системы

В-третьих, за пользование получаемой земли крестьяне должны были или обрабатывать ее стоимость на землях помещика, или платить оброк (деньгами или продуктами). Экономическая зависимость крестьянства от помещиков ограничивала возможности развития предпринимательской деятельности в деревне.

В-четвертых, аграрная реформа не до конца решила вопрос о превращении освобожденных крестьян в полноправных граждан Российской империи. Они были вынуждены объединяться в общины и попадать под ее юрисдикцию [9, с. 506].

В-пятых, превращение крестьянства в основную тягловую силу и введение системы налогового самообложения на основе круговой поруки сопровождалось превращением крестьян в оседлое население. Крестьяне не имели права оставить свои земельные наделы и покинуть деревню без согласия общины. Таким образом, община превратилась в фактор сдерживания развития рынка рабочей силы, формирования бизнес-среды.

В-шестых, развитие капиталистических отношений в деревне объективно обуславливало необходимость повышения культурно-образовательного уровня сельского населения. К сожалению, эта проблема не была принята во внимание российским государством и не стала органической частью аграрной реформы. Заметим, что только в начале XX столетия правительство Российской империи предприняло попытку решения этой актуальной проблемы. Основные подходы к ее решению были определены в программе аграрной реформы П. А. Столыпина [Там же, с. 579].

Непоследовательность и противоречивость осуществления аграрной реформы ни в коей мере не отрицает огромного исторического значения решения правительства о ликвидации феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права открывала широкие возможности для модернизации экономических отношений, развития бизнес-среды в России.

В середине XIX в. в российском правительстве произошел перелом во взглядах на роль финансово-кредитной системы в развитии предпринимательства. Под воздействием деловых кругов государство внесло существенные коррективы в банковскую политику. Оно стало использовать новые формы организации кредитно-денежных отношений. Более того, оно сняло запрет на образование частных и коммерческих кредитных учреждений. Правительство предполагало, что эта сложная финансово-кредитная система создавала широкие возможности для развития бизнес-среды в России.

О степени развитости банковского бизнеса в середине XIX в. можно судить по сложившейся инфраструктуре кредитной системы. Основное ядро российской кредитной системы по-прежнему составляли государственные банки. Они традиционно уделяли основное внимание выдаче ипотечных кредитов дворянскому сословию, долгосрочных ссуд государственной казне. А выдача промышленных кредитов занимала незначительное место в их деятельности [7, с. 61-62]. Неспособность государственной банковской системы удовлетворить финансовые потребности страны не только сдерживала развитие предпринимательства, но и свидетельствовала о назревании кредитного кризиса в стране.

Неэффективность государственной банковской системы, ее неспособность отвечать на вызовы времени стали очевидными в условиях обострения конкурентной борьбы с акционерными компаниями. Акционерные железнодорожные компании аккумулировали свободные ресурсы населения под более высокий процент, чем государственные банки. Это привело к резкому увеличению отлива капитала из банков в акционерные компании. Государство предприняло попытку оказать административную поддержку государственной банковской системе. В 1857 г. оно снизило процентные ставки банков по активным и пассивным операциям. Однако это решение правительства не могло обеспечить устойчивость государственной банковской системы. Тенденция оттока вкладов из госбанков продолжала усиливаться. Отлив денежных средств из государственных банков постоянно возрастал. Если в 1858 г. он составил 229 млн руб., то в 1859 г. он вырос до 355 млн руб. [6, с. 44].

В правительственных и деловых кругах страны во все большей степени осознавалась необходимость радикальной модернизации кредитных отношений, усиления воздействия банковской системы на характер и темпы развития экономики. Они видели основной путь решения кредитной проблемы в развитии частной и коммерческой банковской системы, изменении характера государственной банковской политики, в ликвидации государственной кредитной системы и создании условий для развития частных и акционерных банков. Под воздействием предпринимательских кругов государство внесло существенные коррективы в банковскую политику.

Весной 1859 г. по повелению Александра II была создана специальная комиссия для обсуждения мер по усовершенствованию банковской и денежной системы в России под председательством Ю. А. Гагемейстера и товарища министра внутренних дел Н. А. Милютина, активного участника подготовки крестьянской реформы. В комиссию вошли также А. И. Бутовский, М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов, Г. П. Небольсин и Е. И. Ламанский. Кроме того, для участия в работе комиссии был приглашен один из известных экономистов России ректор Киевского университета профессор политической экономии Н. Х. Бунге. В июле 1859 г. комиссия подготовила записку «Соображения к лучшему устройству банковской и денежной системы», содержащую программу преобразований в области денежного обращения и кредита. Выводы комиссии предопределили характер изменений в кредитно-финансовой политике государства [13, с. 203-205].

Осуществление модернизации кредитно-финансовых отношений началось с ликвидации государственной банковской системы. По рекомендации комиссии Александр II принял решение о реформировании государственной банковской системы. Государству предстояло ликвидировать казенные банки, стимулировать предпринимательскую активность в банковском бизнесе и сформировать коммерческую банковскую систему [5]. Радикальная банковская реформа предполагала, во-первых, передачу всех оставшихся активов и обязательств казенных кредитных учреждений создаваемому Государственному банку, который начал свои операции

Определенная часть общественных деятелей, так называемых государственников, выступает за абсолютизацию роли государства в экономической жизни страны. Данная позиция отражает не критический подход к анализу сущности административной экономической системы.

Наиболее рациональные и современные позиции, на наш взгляд, занимают политики, ученые и общественные деятели, которые выступают за активизацию роли государства в регулировании рыночных отношений, диалектическое сочетание рыночных и административных методов в управлении экономикой и финансами страны, формировании бизнес-среды [12, с. 21-22].

Поиск ответов на дискуссионный вопрос о роли государства в развитии рыночной экономики, на наш взгляд, объективно предполагает изучение исторического опыта и особенностей формирования бизнес-среды в XIX столетии. Сущность данного исторического периода заключается в том, что именно в эти годы в России решались финансовые и экономические проблемы, аналогичные тем, которые реализуются в современных условиях [1, с. 24-25]. В данной статье предпринимается попытка исследования роли российского государства в процессе формирования бизнес-среды как одного из важнейших условий развития капиталистической экономики. С этой целью авторы рассматривают деятельность государства по формированию рынка труда, рынка капиталов, развитию финансовой инфраструктуры экономики, созданию условий для вовлечения населения страны в предпринимательскую деятельность.

Поражение России в Крымской войне (1853-1856 гг.) убедительно доказало объективную необходимость осуществления буржуазно-демократических преобразований, ликвидации технико-экономической отсталости России. Эта парадигма в определенной степени была осознана императором Александром II и передовой частью российской элиты. В 50-х гг. XIX столетия Россия встала на путь буржуазно-демократических преобразований, устранения наиболее архаичных элементов феодально-крепостнической экономики, развития предпринимательской активности. Осуществление этих стратегических задач потребовало от российского государства принятия ряда неординарных, инновационных решений.

Сложность решения экономической проблемы заключалась и в том, что перед правительством встала противоречивая, взаимоисключающая дилемма. С одной стороны, предстояло осуществить капиталистическую модернизацию экономики, которая объективно являлась основой развития индустриальной цивилизации и отвечала политическим интересам значительной части российского общества. А с другой, решение экономической проблемы являлось не самоцелью, а служило политическим интересам государства. Именно они и определили стратегическую задачу руководства страны. Суть, которой состояла в том, чтобы адаптировать монархическую систему власти к новым историческим условиям, реалиям индустриальной цивилизации. Поэтому государство стремилось найти компромиссный путь решения судьбоносных проблем. В основу политики была положена целевая установка на сохранение сущности монархического устройства Российской империи, социально-экономических и политических интересов дворянского сословия. Это и определило непоследовательность и незавершенность буржуазно-демократических преобразований в стране.

И тем не менее, следует иметь в виду, что тактические решения российского государства наполнялись современным и перспективным содержанием. В конце 50-х гг. в процессе разработки экономической политики, в которой принимали активное участие прогрессивные политические деятели и представители науки, были определены основные направления экономической реформы, формирования современного экономического базиса российского общества, развития бизнес-среды. К ним были отнесены, во-первых, комплекс мер по модернизации аграрных отношений, включение крестьянской массы в предпринимательскую деятельность, развитие рынка рабочей силы; во-вторых, ликвидация запретов на предпринимательство на транспорте, в промышленности, сельском хозяйстве, страховом и банковском бизнесе; в-третьих, либерализация правил ведения внешнеэкономической деятельности негосударственных предприятий; в-четвертых, развитие финансово-кредитной системы, допущение иностранного капитала во внутреннюю экономику; в-пятых, развитие фондового рынка [5, с. 40-41].

Правительство Александра II было обеспокоено ростом социальной напряженности в деревне, общественного недовольства существующей крепостнической системой, нарастанием стагнации в аграрном секторе экономики. С одной стороны, расширение барщинной формы эксплуатации крестьянства сопровождалось снижением производительности труда крепостных крестьян, уменьшением продуктивности товарного производства и, соответственно, сокращением экспортных возможностей Российской империи. С другой, стремление дальновидных помещиков использовать новые системы ведения хозяйства свидетельствовало о зарождении современной тенденции в развитии сельского хозяйства. Однако эти эксперименты в условиях экономической несвободы очень часто заканчивались неудачей, разорением помещичьего хозяйства, ростом кредитной задолженности. Эти факторы обуславливали экономическую необходимость ликвидации крепостнической системы, принятия радикальных мер по модернизации сельскохозяйственного производства. 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права.

С экономической точки зрения, отмена крепостного права создавала определенные возможности для формирования рынка рабочей силы как одного из важнейших условий развития капиталистического хозяйства, активизации предпринимательской деятельности. Однако непоследовательность и половинчатость аграрной политики государства создала серьезные ограничения для развития капитализма.

Во-первых, превращение крестьянских наделов в общинную собственность ограничило экономическую свободу крестьянства.

Во-вторых, достаточно высокие выкупные платежи подрывали финансовую основу большинства крестьянских хозяйств, сдерживало развитие капиталистических отношений в деревне.

7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 2.
8. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 33.
9. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 2122.
10. Сборник постановлений правительства БССР (СПП БССР). Минск, 1960.
11. СПП БССР. Минск, 1961.
12. Сборник постановлений правительства РСФСР (СПП РСФСР). М., 1961. № 33.
13. СПП РСФСР. М., 1962. № 33.
14. СПП РСФСР. М., 1963. № 34.
15. Систематизированное собрание законов РСФСР, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства: 1960-1967. М., 1968.
16. Федеральный закон «Об охране окружающей среды». М.: Ось – 89, 2003. 64 с.

FORMATION OF TERRITORIAL-REPUBLICAN MANAGEMENT SYSTEM OF NATURE PROTECTION (THE 50-80S OF THE XXTH CENTURY)

Evlanov Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
National Research Nuclear University "MIPhI"
VVEvlanov@mephi.ru

The author analyzes the Soviet state activity on the formation of the modern management system of nature protection, tells that the solution to this complex problem, in fact, was the Russian civilization response to ecological challenge, researches three important aspects of the problem: the dialectics of the structure formation of the territorial-republican management system of nature protection, the development of the state-legal mechanism for ecological relations regulation, the increase of legislative and executive authorities role in solving ecological problems; and in the course of the research of this problem comes to the conclusion that the Soviet Union accumulated rich experience in the development of the state management system of nature protection in the 50-60s of the XXth century, which has not lost its historical significance for our country and for the world community.

Key words and phrases: nature; natural environment; environmental legislation; interaction of society and nature; nature protection; rational nature management; cost-based nature management; energy saving technologies; management system of nature protection activity; ecological safety; ecological culture; ecological policy.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье предпринимается попытка доказать, что развитие бизнес-среды являлось органической, но не объявленной задачей социально-экономической политики российского государства. Авторы обосновывают тезис о том, что весь комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для развития капиталистической экономики, в той или иной мере решал проблему активизации предпринимательской деятельности. Через призму данной проблемы авторы рассматривают такие решения правительства как ликвидация крепостного права и формирование рынка рабочей силы, развитие рыночной кредитно-денежной системы, банковскую антикризисную политику российского правительства, привлечение иностранного капитала в Россию. В статье анализируется деятельность российского государства по развитию коммерческой банковской системы как важнейшего стимулятора формирования бизнес-среды.

Ключевые слова и фразы: бизнес-среда; предпринимательство; кредитно-денежная система; государственный банк; коммерческий банк; банкирский дом; сберегательные кассы; мировой финансовый кризис; антикризисная политика государства; рынок рабочей силы; фондовый рынок; ценные бумаги; акции; облигации.

Евланов Виктор Васильевич, д.и.н., профессор
Македонская Вера Александровна, д.и.н., доцент
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
VVEvlanov@mephi.ru; VAMakedonskaya@mephi.ru

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ БИЗНЕС-СРЕДЫ В XIX СТОЛЕТИИ[©]

В начале 90-х гг. двадцатого столетия в Российской Федерации произошла смена парадигмы общественного развития. Перед страной встала задача построения экономики рыночного типа. В этой связи в обществе развернулась дискуссия о месте и роли государства в решении этой стратегической задачи, в формировании бизнес-среды. Либеральные экономисты и политики пытаются свести экономическую функцию государства к «*minimum minimumum*». С точки зрения либеральных ценностей, определяющую роль в регулировании экономических отношений должен играть рынок.

права, предоставленные им Конституцией и Положениями о местных Советах». Так, в частности, местным Советам было предоставлено право осуществлять повседневный контроль «соблюдения государственного порядка в использовании природных ресурсов», «правильного использования земель и угодий». Вот почему обращалось внимание на то, что следует активизировать работу «постоянных комиссий, добиваясь непосредственного их участия в подготовке вопросов, выносимых на обсуждение Советов, в проверке деятельности предприятий, организаций и учреждений, разработке решений и контроле их исполнения» [2, с. 976].

С другой стороны, деятельность Советов наталкивалась на серьезные препятствия экономического, юридического и политического порядка, объективно обусловленные существовавшей системой административно-командного управления страной, которая противоречила образованию полномочных органов местного самоуправления, способных самостоятельно решать вопросы социального развития региона. Советам не хватало и экономических, и юридических рычагов для ограничения ведомственных интересов в природопользовании, обеспечения рационального использования ресурсов природы, защиты экологических интересов населения региона. Более того, как правило, местные Советы из-за дефицита материальных и финансовых ресурсов на развитие социальной инфраструктуры были вынуждены идти на компромиссы с министерствами и ведомствами, давать согласие на строительство предприятий без оптимального обеспечения природозащитными средствами, а ведомства, соответственно, обеспечивали помощь местным органам власти в решении социально-культурных проблем. Поэтому, на наш взгляд, местные Советы, по существу, оказывались соавторами нарушения природоохранного законодательства и загрязнения окружающей среды. Это явилось и одной из основных причин достаточно низкой эффективности деятельности постоянных комиссий по охране природы и рациональному использованию ее ресурсов при Советах депутатов трудящихся. В основном они ограничились рекомендациями по осуществлению ограниченных мероприятий природоохранного характера.

Таким образом, во второй половине 50-х – начале 60-х гг. была осуществлена радикальная реформа управления охраной природы и впервые в истории развития советского общества была образована территориально-республиканская система управления природоохранной деятельностью. Во всех союзных республиках стали функционировать Комитеты или Комиссии по охране природы при Советах Министров. В конце 50-х – начале 60-х гг. практически во всех союзных республиках страны были приняты республиканские Законы об охране природы. В этих законах были определены природоохранные функции государственных органов власти, закреплена с учетом республиканско-территориальных условий государственно-правовой механизм регулирования отношений общества и природы, обновлена отраслевая природно-ресурсная система управления охраной окружающей среды. Значительное внимание было уделено определению роли Советов различных уровней в решении экологической проблемы, активизации работы депутатских комиссий по рационализации использования ресурсов. Все это свидетельствовало о появлении новых элементов в природоохранной практике союзных республик.

Ведомственные интересы по-прежнему господствовали в нашем обществе, определяли сущность взаимоотношений человека и природы. Но несомненно и то, что позитивные изменения в развитии системы регулирования взаимоотношений общества и природы в целом способствовали активизации природоохранной деятельности в регионах и республиках. Хотя эти изменения, в сущности, не привнесли, да и не могли привнести, радикальных качественных изменений в природоохранную практику. В условиях индустриального развития страны продолжала углубляться основная тенденция усиления негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. И, как следствие, противоречие между обществом и природной средой продолжало обостряться.

Развитие территориально-республиканской системы управления охраной природы проходило в условиях обострения противоречия между стремлением общества к обновлению природоохранной практики и господством административно-командной системы, являющейся носителем затратного природопользования. Поэтому и система управления охраной природы действовала недостаточно эффективно, противоречиво и непоследовательно.

Для утверждения рационального природопользования Советская страна, да и все индустриально развитые страны, еще не обладали необходимыми материальными, социально-культурными и научно-технологическими предпосылками для перехода на качественно новый этап взаимодействия общества и природы.

Образование территориально-республиканской системы управления охраной природы свидетельствовало не только о переходе СССР на качественно новый уровень решения экологической проблемы. Советское государство взяло на себя ответственность за сохранение и обеспечение населения страны благоприятными естественными условиями для жизнедеятельности. Юридически это положение будет закреплено только в Конституции РФ [4, с. 9], Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (декабрь 2001 г.) [16, с. 13-16].

Здесь важно подчеркнуть, что образование территориально-республиканской системы управления охраной природы имело важное международное значение. Советский Союз практически положил начало развитию мировой тенденции перехода индустриально развитых стран к государственным формам регулирования экологических отношений.

Список литературы

1. **Ведомости ВС РСФСР.** М., 1965. № 31.
2. **Ведомости ВС РСФСР.** М., 1965. № 44.
3. **Евланов В. В.** Экология и политика. М.: Прометей, 1992. 175 с.
4. **Конституция Российской Федерации.** М.: ТК «Велби»; Проспект, 2003. 32 с.
5. **Об охране окружающей среды:** сборник документов партии и правительства. М., 1986.
6. **Российский государственный архив социально-политической истории (РАСПИ).** Ф. 17. Оп. 92.

работу Брестского областного Совета депутатов трудящихся по выполнению Закона об охране природы республики. Несмотря на то, что местные Советы проделали определенную работу по усилению охраны природной среды, более рациональному использованию природных ресурсов, многие исполкомы Советов, предприятия, учреждения и организации области не придавали значения организации природоохранной деятельности. Так, в ряде колхозов и совхозов пахотные земли необоснованно переводились в залежи и пастбища, не обеспечивалось сбережение и возобновление лесов. Более одной трети питьевой воды расходовалось на технические нужды предприятий. На многих из них отсутствовали очистные сооружения, не принимались необходимые меры по охране атмосферного воздуха от загрязнения.

Одним из важнейших шагов в создании современной системы управления природопользованием стало решение руководства страны о повышении роли районных, городских и сельских Советов в регулировании экологических отношений. В соответствии с постановлениями ЦК Коммунистической партии о повышении роли Советов в осуществлении социально-экономической политики в 60-х годах были образованы постоянные депутатские Комиссии по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В течение нескольких лет такие комиссии были образованы Верховными Советами РСФСР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Казахской ССР, БССР, Армянской ССР и Грузинской ССР [8, д. 120, л. 3]. В компетенцию комиссий были включены, во-первых, осуществление систематического контроля над выполнением министерствами и ведомствами, местными Советами, предприятиями, организациями и учреждениями Законов об охране природы и соблюдением природоохранного законодательства; во-вторых, заслушивание отчетов руководителей Советов, отраслей и предприятий о работе по выполнению постановлений, указов, законов по охране окружающей природной среды; в-третьих, подготовка вопросов охраны биосферы для обсуждения на сессиях Верховных Советов.

Образование постоянных депутатских комиссий по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов Верховных Советов республик, по мнению современников, сыграло важную роль в повышении ответственности министерств и ведомств за выполнение законов и постановлений по охране природы. И действительно, уже в середине 60-х годов постоянные депутатские комиссии проявили значительный интерес к организации природоохранной деятельности на предприятиях индустрии. Так, вопрос о состоянии водоемов и охране водных ресурсов от загрязнения промышленными стоками в 1966 году дважды обсуждался комиссией Верховного Совета Латвийской ССР [7, д. 281, л. 5], а в мае 1967 года она вновь вернулась к данной проблеме и обсудила отчет Министерства мясной и молочной промышленности о состоянии очистных сооружений на предприятиях отрасли и выполнении мероприятий по ликвидации загрязнения водоемов.

Комиссии по охране природной среды активно включились в процесс регулирования взаимоотношений общества и окружающей среды. В поле зрения комиссий оказались самые разнообразные аспекты организации природоохранной работы министерств и ведомств, предприятий и учреждений. Но, пожалуй, наибольший интерес они проявили к деятельности Советов депутатов трудящихся. Так, Комиссия по охране природы Верховного Совета РСФСР во второй половине 60-х – начале 70-х годов неоднократно обращалась к опыту работы по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов целого ряда республиканских, краевых и областных Советов. Она заслушала отчеты о природоохранной деятельности Мурманского, Ленинградского, Ярославского, Брянского, Челябинского, Кемеровского областных Советов, Краснодарского и Ставропольского краевых Советов, Советов депутатов трудящихся Карельской АССР и других. Этот интерес был обусловлен, во-первых, слабой работой местных Советов по контролю за состоянием окружающей среды и выполнением природоохранного законодательства. Так, на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР в конце 1965 года отмечалось, что министерства и ведомства РСФСР, местные Советы и их исполкомы не уделяют должного внимания вопросам охраны, воспроизводства и рационального использования природных богатств, не ведут настойчивой борьбы против неправильного, а порой хищнического отношения к природе. По мнению ВС РСФСР, особенно плохо выполняется Закон об охране природы в Красноярском и Хабаровском краях, Волгоградской, Горьковской, Иркутской, Калининской, Кемеровской, Кировской, Пермской, Томской, Тюменской, Ярославской и других областях, в Бурятской, Карельской, Коми и Калмыцкой автономных республиках [1, с. 1085].

Во-вторых, сам процесс подготовки вопроса, его обсуждения на заседании Президиума ВС РСФСР рассматривался как хорошая школа активизации природоохранной деятельности местных Советов, осознания общественной потребности возрастания роли Советов депутатов трудящихся в решении экологической проблемы, преодоления силы инерции в отношении органов власти к организации природоохранной деятельности, улучшению экологических условий для жизни советских людей.

В то же время обсуждение природоохранных вопросов на заседаниях постоянных депутатских комиссий Верховных Советов показало незавершенность системы управления, сложность осуществления контроля за соблюдением законов об охране природы только на уровне высших эшелонов власти, без включения в природоохранную деятельность местных Советов. И образование постоянных депутатских комиссий по охране природы при местных Советах стало логическим развитием процесса совершенствования государственного управления природоохранной деятельностью, включения Советов всех уровней в обеспечение рационального использования природных ресурсов и сохранения благоприятных экологических условий для жизни народа. К концу 70-х годов в стране действовало в общей сложности 3 313 постоянных депутатских комиссий по охране природы, в которых работало 25 тысяч депутатов [Там же, с. 1086].

Однако деятельность комиссий по охране природы развивалась противоречиво и непоследовательно. С одной стороны, в работе местных Советов еще господствовала сила инерции в решении экологических вопросов. В одном из партийных документов подчеркивалось, что «они далеко не полностью используют

«За неправомерное уничтожение или порчу природных богатств руководители учреждений, предприятий и организаций, а также другие лица, непосредственно виновные в причинении названного вреда, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке» [15, с. 497]. Важное место в Законе об охране природы заняли вопросы разработки научных основ природопользования, преподавания основ охраны природы в учебных заведениях, пропаганды природоохранных идей. И что особенно важно, разработка и осуществление необходимых природоохранных мероприятий были возложены на Совет Министров РСФСР.

Выдвижение экологических проблем в число наиболее актуальных задач общественного развития нашло практическое отражение и в Законах об охране природы в республиках. Так, в Законе об охране природы Белорусской ССР, который был принят в декабре 1961 года, подчеркивалось, что всестороннее и рациональное использование природных ресурсов, охрана окружающей природной среды являются одним из важнейших условий успешного осуществления социально-экономических задач [11, с. 1938].

С другой стороны, утверждение общенародного характера природоохранной деятельности предопределило отражение в Законе об охране природы как функций государственных органов, так и общественных организаций. К числу важнейших природоохранных функций государственных органов Верховный Совет Белорусской ССР отнес: комплексное использование природных ресурсов, бережное отношение к природе, выделение ассигнований на проведение работ по охране природной среды и восстановлению и воспроизводству природных богатств; максимальное обеспечение сохранности экологической среды при всех видах строительных работ. Особое внимание было уделено организации контроля за соблюдением учреждениями, предприятиями, организациями, колхозами, совхозами и гражданами действующих законов по охране природы, за выполнением природоохранных мероприятий. Контроль за охраной природы был возложен на Совет Министров, Государственный комитет Совета Министров БССР по охране природы, Главное управление геологии и охраны недр, исполнительные комитеты областных, городских, районных, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся.

Одновременно с уточнением и расширением природоохранных функций государственных органов и Советов были сформулированы и задачи общественных организаций по охране природы. В республиканских Законах об охране природы были определены формы, методы, пути и средства формирования экологической культуры масс, привлечения трудящихся к делу охраны природы. При этом планирующим, проектным и хозяйственным органам поручалось привлекать представителей общественных организаций к участию в рассмотрении планов комплексного использования природных ресурсов, «проектов крупнейших строений, вызывающих преобразование природы данной местности» [Там же, с. 1944].

Конечно, трудно переоценить роль законов об охране природы в союзных республиках в утверждении рациональных принципов и норм взаимоотношений советского общества с окружающей средой. Сам факт принятия законов свидетельствовал не только о растущей степени общественного осознания диалектического единства природы и человека, но и о необходимости преодоления противоречия между обществом и окружающей средой, организации социалистического природопользования на основе научно разработанных правил и норм.

С начала 60-х годов активизировалась работа и по регламентации природопользования на общесоюзном уровне. В СССР в этот период были разработаны меры по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов (1960), улучшению государственного учета и использования земель в сельскохозяйственном производстве (1962), неотложные меры по защите почв от ветровой и водной эрозии (1967), улучшению охраны лесов (1968) и другие [5, с. 80-109, 112-114].

В эти же годы в организации охраны природных ресурсов появились и новые элементы. Внимание природоохранных органов было обращено на обеспечение защиты от антропогенного загрязнения региональных и общесоюзных объектов природы. Так, были намечены меры по прекращению загрязнения неочищенными сточными водами реки Москвы и других водоемов Москвы и Московской области, водоемов Обь-Иртышского бассейна, Тульской, Брянской, Калужской и Орловской областей [12, с. 297]. С другой стороны, определение конкретных задач по охране природных объектов сыграло важную роль и в повышении роли местных органов Советской власти.

Итак, в нашей стране произошел существенный сдвиг в развитии государственно-правового механизма регулирования взаимодействия советского общества и природы, в обогащении и расширении природоохранных функций Советов депутатов трудящихся и хозяйственных органов. В стране создавались социально-политические предпосылки для расширения природоохранной деятельности. Однако в тех исторических условиях их реализация осуществлялась на основе административных методов управления народным хозяйством, что ограничивало возможности повышения эффективности природоохранной деятельности.

С развитием правового механизма регулирования взаимоотношений общества и природы все более актуальной становилась задача организации выполнения решений государства по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, организации контроля соблюдения природоохранного законодательства. Вначале эту функцию выполняли Президиумы Верховных Советов Союза ССР и союзных республик. Так, в 1965 году Президиум ВС РСФСР обсудил доклад председателя Всероссийского общества охраны природы (ВООП) о ходе выполнения Закона об охране природы [1, с. 1085]. Анализ деятельности ВООП и проверка, проведенная в ряде областей, показали, что министерства и ведомства Российской Федерации, местные Советы не уделяли должного внимания вопросам охраны природы, воспроизводства и рационального использования природных богатств, не вели настойчивой борьбы против неправильного, а порой и хищнического отношения к природе. Президиум ВС РСФСР пришел к выводу о том, что Закон об охране природы выполнялся неудовлетворительно [2, с. 587]. Президиум ВС БССР в 1965 году проанализировал

Кстати, контроль над деятельностью Госкомитетов по охране природы осуществляли ЦК компартии союзных республик и Советы Министров союзных республик. Они систематически заслушивали отчеты руководителей природоохранных органов, рассматривали текущие и перспективные планы работы, комплексные схемы охраны природной среды, оказывали практическую помощь в подборе кадров и организации природоохранной деятельности, способствовали повышению авторитета работы Госкомитетов. Эта общая тенденция совершенствования руководства природоохранной деятельностью общества была отмечена на совещании по обмену опытом работы в области охраны природы в 1970 году. В выступлении представителя Украинской ССР подчеркивалось, что «работа комитета проводится под непосредственным постоянным руководством ЦК Компартии Украины и Совета Министров республики. Комитет систематически докладывает о своих планах работы и их выполнении. На местах инспекции комитета осуществляют свою деятельность под руководством областных партийных и советских организаций» [Там же, л. 40].

Поиск новых государственных форм управления, позволяющих интегрировать в природоохранную деятельность Советы, государственные, хозяйственные и общественные организации, учесть социально-политические и экологические особенности республик и регионов страны, можно отнести к одному из важных моментов в развитии природопользования. Наряду с Госкомитетами по охране природы, образованными в 1957-1967 годах в восьми союзных республиках, во второй половине 60-х годов стали создаваться Комиссии по вопросам охраны природы и рационального использования природных ресурсов при Советах Министров республик. Образование новой формы республиканско-территориального управления охраной природой заняло достаточно длительный период и завершилось в 1982 году, когда была создана Комиссия по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов при Президиуме Совета Министров РСФСР. Создание Комиссии было обусловлено не только особенностями природы России, но и, прежде всего, усилением темпов и увеличением масштабов развития производительных сил, освоения новых регионов Севера, Дальнего Востока и Сибири, гидроэнергоресурсов, минерального сырья и лесных богатств республики, ростом вмешательства в экологические системы и загрязнения окружающей среды. К тому же в Российской Федерации особенно резко проявились ведомственные интересы в использовании природных ресурсов, нарушения природоохранного законодательства. Об этом свидетельствует сложившаяся достаточно напряженная экологическая обстановка в целом ряде индустриальных центров России, экологическая проблема Байкала, Ладоги, рек Волга, Дон, Урал и др.

Руководство РСФСР определило и цели Комиссии, которые состояли в том, чтобы:

- совершенствовать государственное управление охраной окружающей среды и рациональным природопользованием;
- обеспечивать систематический контроль выполнения решений партии и правительства, осуществления единой научно-технической политики по охране и рациональному использованию земли и ее недр, водных ресурсов, атмосферного воздуха, животного и растительного мира;
- обеспечивать воспроизводство природных богатств и улучшение окружающей природной среды.

В целях повышения роли Комиссии ее решениям был придан общереспубликанский статус. Все министерства, ведомства РСФСР, Советы Министров автономных республик, исполкомы местных Советов народных депутатов, а также организации, предприятия и учреждения независимо от их ведомственной принадлежности были обязаны выполнять решения Комиссии по охране природы [14, с. 435].

Одновременно с образованием организационной структуры системы управления охраной природы в СССР начал формироваться государственно-правовой механизм регулирования экологических отношений. В конце 50-х и начале 60-х годов произошли существенные изменения в позиции Верховных Советов союзных республик, которые приступили к разработке и принятию законов об охране окружающей среды. Решение этой важнейшей природоохранной задачи свидетельствовало о стремлении высших законодательных органов союзных республик к обеспечению регулирования взаимоотношений общества и природы на основе государственно-правовых норм и правил. Значение этого шага определяется не только стремлением ограничить ведомственные интересы в экстенсивном и нерациональном использовании природных ресурсов, но и растущим осознанием общественной потребности в ликвидации негативных экологических последствий воздействия человека на природу.

Одним из первых Закон об охране природы был принят в 1957 году Эстонской ССР. В РСФСР Закон об охране природы был рассмотрен и принят в октябре 1960 года [6, д. 1210, л. 186]. При этом важно отметить, что Верховный Совет республики придал природоохранной деятельности глубоко социальный характер. Природа и ее ресурсы, подчеркивалось на сессии ВС РСФСР, составляют естественную основу развития народного хозяйства, служат источником непрерывного роста материальных и культурных ценностей, обеспечивают наилучшие условия труда и отдыха народа. В связи с этим сессия ВС РСФСР впервые признала, что охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа. В целях усиления охраны природы, обеспечения рационального использования и воспроизводства природных ресурсов были определены конкретные меры по улучшению природопользования. В Законе об охране природы РСФСР впервые были определены объекты окружающей среды, подлежащие охране. К ним были отнесены: земля, недра, воды, леса, типичные ландшафты, редкие и достопримечательные природные объекты, курортные местности, лесопарковые защитные пояса и природные зеленые зоны, животный и растительный мир, атмосферный воздух. Одновременно Закон об охране природы определил формы, методы и принципы использования и охраны природных богатств, меры ответственности предприятий, ведомств, каждого человека за нарушение природоохранного законодательства. В Законе РСФСР об охране природы подчеркивалось:

хозяйства и возложило на него обязанности по руководству природоохранной деятельностью в республике. В середине 60-х годов опыт Эстонии был использован правительством Латвийской ССР. Партийные и государственные органы республики осуществили реорганизацию системы управления охраной природы: ликвидировали Государственный комитет по охране природы, а функции управления природоохранной деятельностью передали одному из министерств, соответственно расширив его полномочия.

Образование республиканских органов по охране природы в условиях нарастания антропогенного воздействия человека на биосферу имело определенное значение для развития природоохранной практики. Оно, на наш взгляд, определило одно из перспективных направлений совершенствования управления отношениями советского общества с окружающей средой. Усиление межведомственного и общегосударственного характера управленческой деятельности не могло не оказать благотворного воздействия на повышение эффективности природоохранной работы, ограничение ведомственного и нерационального использования природных ресурсов.

С другой стороны, следует заметить, что общественная задача состояла в том, чтобы обеспечивать постоянное движение к повышению роли специальных природоохранных органов в регулировании отношений человека со средой своего обитания. Основной путь решения проблемы пролегал через уточнение, расширение и обогащение компетенции, прав и обязанностей этих органов, а не путем передачи общереспубликанских природоохранных функций ведомственным структурам управления.

Основополагающие шаги в разработке функциональной компетенции республиканских природоохранных органов были сделаны в период утверждения Положения о Государственном комитете по охране природы. Так, к основным задачам Госкомитета по охране природы при Совмине БССР были отнесены «сохранение, восстановление и обогащение природных богатств, а также контроль за их рациональным использованием» [11, с. 1009]. В соответствии с основными задачами были сформулированы его права и обязанности. И что особенно важно, решениям Госкомитета был придан общереспубликанский статус, то есть все министерства и ведомства, государственные, кооперативные и общественные организации обязаны были выполнять его постановления, рекомендации и замечания. При определении функций Комитета главное внимание было обращено на обеспечение планового использования водных ресурсов, проведение экологической экспертизы всех проектов строительства новых и реконструкции старых предприятий, охраны чистоты водных ресурсов, выявление объектов и памятников природы, требующих принятия мер по их охране и восстановлению, на участие в составлении перспективных и годовых планов Совнархозом, министерствами и ведомствами. Госкомитету по охране природы совместно с Госпланом республики было поручено подготовить предложения об общереспубликанских мероприятиях по охране, использованию и развитию природных ресурсов и вынести их на утверждение Совета Министров БССР [10, с. 532].

Государственным комитетам по охране природы были предоставлены и значительные полномочия. Они получили право требовать от Советов народного хозяйства, министерств и ведомств, учреждений, предприятий и организаций информацию и другие материалы по использованию природных ресурсов, принимать решения, согласованные с заинтересованными организациями, изучать состояние природоохранной работы на любом предприятии республики, назначать своих представителей для участия в приемке в эксплуатацию народно-хозяйственных и коммунальных объектов. Впервые природоохранным органам было предоставлено право приостанавливать работу действующих предприятий или отдельных цехов, если ими не выполнены в срок мероприятия, обеспечивающие очистку и обезвреживание сточных вод, дыма, газов и промышленных выбросов. Госкомитетам было предоставлено также право привлекать нарушителя природоохранного законодательства к материальной и административной ответственности, а в необходимых случаях возбуждать вопрос о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности [Там же, с. 338].

Важно отметить, что включение в компетенцию Госкомитетов функций, вытекающих из особенностей природоохранной деятельности в республике, осуществлялось на признании общих прав и обязанностей природоохранных органов, определяющих их место и роль в борьбе за охрану природы. Во всех республиках комитеты по охране выполняли управленческие функции: контрольные, координационные, плановые, научно-организационные, охранительные, воспитательные и другие.

В то же время в каждой республике эти функции наполнялись конкретным содержанием. Выступая на совещании по обмену опытом работы работников государственных органов и общественных организаций по охране природы в январе 1970 года в Москве, председатель Госкомитета по охране природы УССР тов. Вольговский Б. И. отмечал, что Госкомитету предоставлено право:

- обследовать предприятия, организации, назначать своих представителей для участия в работе комиссий по приемке в эксплуатацию объектов охраны природы;
- требовать от всех министерств и ведомств, предприятий и учреждений информацию, справки и другие материалы по использованию природных ресурсов и заслушивать доклады организаций;
- давать указания о ликвидации обнаруженных недостатков и нарушений;
- вместе с ведомственными инспекциями прекращать работу действующих предприятий и отдельных цехов, загрязняющих окружающую среду;
- запрещать использование природных ресурсов, если это противоречит цели охраны природы;
- привлекать в установленном порядке к материальной и административной ответственности виновных в нарушении правил охраны природы, а в необходимых случаях возбуждать вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности;
- создавать комиссии для изучения важных вопросов и разработки мер по охране природы [8, д. 299, л. 39].

Поэтому по некоторым позициям деятельность республиканских комитетов не совпадала, а в целом природоохранная работа в республиках имела общую направленность, общие противоречия и недостатки.

сохранения благоприятных экологических условий для жизни населения республики и региона страны. В этой связи была поставлена и задача по развитию республиканского государственно-правового механизма регулирования взаимоотношений общества, человека и природы, определению природоохранных функций различных природопользователей [6, д. 537, л. 186].

Важно учитывать, что в условиях административно-командной системы в нашей стране сложилась монополия ведомств на использование тех или иных природных ресурсов, которая и обусловила образование ведомственной природно-ресурсной системы управления природопользованием и охраной окружающей среды. Поэтому и было принято решение о повышении ответственности республиканских и территориальных органов власти за состояние окружающей среды в регионах. Считалось, что регионально-республиканская система управления охраной природы позволит ограничить затратный и порой нерациональный подход ведомств к использованию ресурсов природы.

В конце 50-х – начале 60-х годов государственные природоохранные органы были образованы во всех союзных республиках. Так, во второй половине 60-х гг. при Советах Министров союзных республик были созданы Главные управления лесного хозяйства, инспекции лесного хозяйства и охраны леса. В «Положении о Главном управлении лесного хозяйства и охраны леса» при Совете Министров РСФСР подчеркивалось, что «основными задачами Главлесхоза РСФСР являются: руководство лесным хозяйством во всех лесах РСФСР (независимо от того, в чьем пользовании они находятся), осуществление контроля за ведением лесохозяйственных и лесовосстановительных работ совнархозами и другими организациями, контроля за ведением лесного хозяйства лесхозами (леспромхозами) РСФСР, а также руководство лесозаготовками, проводимыми предприятиями Главлесхоза РСФСР» [12, с. 568]. На местах вопросами использования и охраны лесных ресурсов должны заниматься управления лесного хозяйства, которые были созданы по разрешению Совета Министров Российской Федерации в автономных республиках, краях и областях, на территории которых лесохозяйственные, лесовосстановительные работы возлагались на Главлесхоз РСФСР [Там же, с. 578].

В 1961 году Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР приняли постановление об образовании Государственного комитета Совета Министров РСФСР по водному хозяйству (Госводхоз РСФСР). Образование специального государственного органа по охране водных ресурсов обуславливалось необходимостью усиления руководства вопросами водохозяйственного строительства, улучшения эксплуатации водохозяйственных систем, комплексного использования и охраны водных ресурсов. В связи с этим на Госводхоз было возложено руководство строительством и эксплуатацией оросительных, осушительных и обводнительных систем и сельскохозяйственного водоснабжения, научно-исследовательскими и проектными организациями, проведение культурно-технических работ и добыча торфа для сельского хозяйства, а также осуществление задач по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов [13, с. 146].

Однако расширение природно-ресурсной системы и повышение ее роли в организации рационального природопользования имело неоднозначное значение. С одной стороны, эти государственные органы были ориентированы на преодоление нерационального использования ресурсов природы министерствами и ведомствами и вели борьбу за соблюдение государственных и общенародных интересов в природопользовании. Эта положительная сторона государственной системы охраны природных ресурсов отражала истинную цель перестройки. Но была и другая сторона проблемы. Предоставление столь широких полномочий этим органам в условиях административно-командной системы и экстенсивной экономики создавало реальную возможность неограниченного роста приоритета собственных ведомственных интересов в природопользовании над общегосударственными и общенародными.

Поэтому существовала реальная возможность перерастания функций этих органов в свою противоположность. И практика доказала, что Минводхоз СССР и его республиканские структуры стали одним из основных источников нарушения экологического равновесия в целом ряде регионов страны. В стране осуществлялась широкая программа мелиорации без достаточного учета экологических особенностей и экономических потребностей регионов.

Тенденция усиления негативного антропогенного воздействия на окружающую природную среду объективно обуславливала необходимость активизации интеграционных процессов в организации управления охраной природы. Основной путь в решения данной проблемы Советское государство видело в образовании специальных территориально-республиканских природоохранных органов при Советах Министров союзных республик [8, д. 1210, л. 173]. По мнению руководства страны, основные цели создания подобных органов состояли в том, чтобы координировать и направлять всю природоохранную деятельность в республике, осуществлять контроль выполнения решений Советского государства и соблюдения природоохранного законодательства, обеспечивать последовательное проведение политики государства на утверждение рациональных принципов природопользования, научно обоснованных норм взаимоотношений человека с окружающей средой.

Важно подчеркнуть, что идея образования специализированного республиканского органа управления охраной природы впервые была реализована в Литовской ССР. Так, в 1957 г. при Совете Министров Литовской ССР был создан Государственный комитет по охране природы [Там же, д. 175, л. 20]. Затем опыт Литвы был использован целым рядом союзных республик, и в течение последующих десяти лет Государственные комитеты по охране природы были образованы в Белоруссии, Молдавии, Латвии, Азербайджане, на Украине, а затем и в Грузии [9, д. 151, л. 36].

Несколько иной путь решения данной проблемы выбрала Эстонская ССР. Бюро ЦК Компартии Эстонии и Президиум Верховного Совета Эстонской ССР в 1957 г. приняли решение о развитии республиканской системы управления охраной природы [6, д. 1210, л. 186]. Руководство республики с целью обеспечения общереспубликанского характера управления охраной природы расширило права Министерства лесного

В то же время следует учитывать и целый ряд негативных факторов, сдерживающих эколого-экономическое развитие страны. Во-первых, формирование регионально-республиканской системы управления охраной природы проходило в сложных внутренних и напряженных внешнеполитических и экономических условиях. Перед Советским государством встала задача по модернизации экономики и повышению ее эффективности. В середине двадцатого столетия произошло обострение борьбы между системами социализма и капитализма. В этих условиях руководство СССР сосредоточило основные усилия и ресурсы общества на развитии тяжелой индустрии, военно-промышленного комплекса, укреплении обороноспособности страны. Эта стратегия экономического развития объективно способствовала обострению экологического противоречия.

Во-вторых, страна не располагала необходимыми материальными, научно-техническими, экономическими и социокультурными предпосылками для утверждения рационального взаимодействия человека и природы. Поэтому речь могла идти только об определенном улучшении экологических отношений.

В-третьих, сложившийся затратный хозяйственный механизм в условиях экстенсивного развития экономики по своей сути был слабо восприимчив к планам рационализации использования природных ресурсов. Валовые показатели ориентировали хозяйственных руководителей и трудовые коллективы на затратный метод природопользования. На первый план всегда выступали, прежде всего, экономические, а не экологические интересы трудовых коллективов, ибо от выполнения и перевыполнения хозяйственного плана зависело благосостояние работников предприятий. Поэтому природоохранные планы, которые вступали в противоречие с хозяйственными планами, приобретали второстепенное значение.

В-четвертых, развитие производительных сил на начальном этапе развертывания НТР в основном осуществлялось на базе многоотходной технологии, являющейся, пожалуй, основным источником загрязнения окружающей среды индустриальных центров.

В-пятых, экологическая культура общества находилась еще на достаточно низком уровне. Об этом свидетельствовал тот факт, что общество строило свои отношения с природой на базе принципа покорения и завоевания окружающей природы. К тому же в нашей стране продолжал господствовать ошибочный тезис о неисчерпаемости природных богатств, который в определенной степени порождал бесхозяйственность и иррациональность в подходе к использованию ресурсов. Да и в современных условиях продолжает господствовать нерациональный подход к организации природопользования.

В-шестых, научная мысль еще не могла дать ответ на вопрос о путях преодоления негативных последствий все возрастающего антропогенного воздействия человека на природу. Ибо только в приближенном виде задача по разработке технологии нового типа, которая позволила бы рационально использовать сырье и в значительной степени сократить промышленные отходы и выбросы, являющиеся основными загрязнителями окружающей среды, была поставлена в середине 50-х годов.

В этих сложных и напряженных условиях в Советской стране утверждалась мысль о необходимости поиска путей решения экологической проблемы, сохранении благоприятной окружающей среды для жизни человека. И здесь важно подчеркнуть, что уровень и характер развития общественных отношений объективно обусловили выбор пути решения экологической проблемы. Поэтому не случайно, что в этих конкретно-исторических условиях в жизни советского общества все большее место стали занимать вопросы образования государственно-республиканской системы управления охраной природы, развития государственно-правового механизма регулирования взаимоотношений общества и окружающей среды, расширения системы административных методов управления охраной природы.

Процесс образования государственной системы управления охраной природы развивался по нескольким направлениям. К ним, пожалуй, следует отнести: во-первых, создание специализированных государственных республиканских природоохранных органов, подчиненных Советам Министров республик; во-вторых, уточнение и развитие природоохранного законодательства, разработку правовых норм взаимоотношений общества с природой; в-третьих, дальнейшее развитие отраслевой природно-ресурсной системы управления охраной природы; в-четвертых, повышение законодательной и исполнительной роли республиканских и местных Советов, их ответственности за рациональное природопользование и решение экологической проблемы. Естественно, перечисленные направления не отражают всей полноты и многообразия процесса, но они раскрывают суть основной тенденции развития государственно-республиканской системы управления охраной природной среды.

Таким образом, образование территориально-республиканской системы управления рассматривалось как важнейшая предпосылка развития и повышения эффективности природоохранной деятельности. Руководители регионов и республик были убеждены в том, что система управления охраной природы позволит полнее учесть специфические особенности природной среды в организации природопользования и охраны природы, эффективнее использовать социалистические методы и принципы управления. Прежде всего, речь шла о принципах планомерности в организации природоохранной деятельности и комплексности в использовании природных ресурсов.

В процессе перестройки системы управления экономикой страны и образования Совнархозов (1957 г.) впервые встала задача по организации руководства природоохранной деятельностью на регионально-территориальном уровне. ЦК КПСС и СМ СССР, республиканские советские и партийные органы пришли к выводу о целесообразности передачи функции управления охраной природы специальным государственным и отраслевым природоохранным органам, которые должны быть созданы в союзных республиках. Они были призваны координировать и направлять природоохранную деятельность советских и хозяйственных организаций, предприятий и учреждений, министерств и ведомств, разрабатывать перспективы развития природоохранной практики и определять текущие задачи по обеспечению рационализации природопользования и

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу деятельности Советского государства по формированию современной системы управления охраной природы. Решение этой сложной задачи, по существу, являлось ответом российской цивилизации на экологический вызов. В центре исследования находятся три важнейших аспекта проблемы: диалектика формирования структуры территориально-республиканской системы управления охраной природы, развитие государственно-правового механизма регулирования экологических отношений, повышение роли законодательной и исполнительной власти в решении экологических проблем. В ходе исследования проблемы автор приходит к выводу о том, что в 50-60-е гг. XX в. в СССР был накоплен богатый опыт развития государственной системы управления охраной природы, который не потерял своего исторического значения как для нашей страны, так и для мирового сообщества.

Ключевые слова и фразы: природа; окружающая природная среда; природоохранное законодательство; взаимодействие общества и природы; охрана природы; рациональное природопользование; затратное природопользование; ресурсосберегающие технологии; система управления природоохранной деятельностью; экологическая безопасность; экологическая культура; экологическая политика.

Евланов Виктор Васильевич, д.и.н., профессор

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

VVEvlanov@mephi.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ПРИРОДЫ (50-80-Е ГГ. XX ВЕКА)[©]**

Во второй половине XX столетия в развитии мировой цивилизации стала все активнее проявляться общечеловеческая тенденция обострения отношений между обществом и природой. Под воздействием научно-технической революции, роста масштабов экстенсивной экономики и нерационального, затратного природопользования резко обострилось экологическое противоречие. Оно проявилось, прежде всего, в росте экологической напряженности в индустриальных центрах, загрязнении и ухудшении среды обитания человека, росте продовольственного дефицита. Под угрозой экологического кризиса в общественном сознании формировались алармистские и пессимистические взгляды на перспективы развития цивилизации.

В условиях нарастания кризисных явлений во взаимодействии общества и природы в индустриально-развитых странах активизировалась работа по поиску ответов на экологический вызов. Определенный опыт решения экологической проблемы накоплен и в Советском Союзе. Его всестороннее изучение приобретает актуальное значение в современных условиях.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать достижения Советского государства в развитии системы управления природоохранной деятельностью как органической части общегосударственной системы. Основное внимание автор уделяет исследованию подходов к модернизации организационной структуры системы управления охраной природы, к разработке программы совершенствования природоохранной деятельности, поиска эффективных методов регулирования экологических отношений в условиях административно-командной системы.

Во второй половине XX века в содержании экологической проблемы под воздействием антропогенного фактора произошли отрицательные изменения. Нарушение динамического равновесия экосистем превратило экологическую проблему в один из негативных факторов социально-экономического развития. Эти отрицательные изменения во взаимодействии общества и природы оказали активизирующее воздействие на развитие экологической культуры.

Исторический момент в осознании необходимости выделения функции государственного управления охраной природы и превращения ее в специальную отрасль управленческой деятельности с полным основанием следует отнести к началу 50-х годов. Именно к этому историческому периоду относятся первые конкретные шаги по перестройке системы государственного руководства охраной природной среды. В нашей стране было начато образование совершенно новых структурных элементов государственной системы управления охраной природы. А это свидетельствовало не только о новом уровне управленческой деятельности, но и о возникновении нового спектра государственной системы управления.

В Советском государстве сформировалось убеждение в том, что образование специальных природоохранных органов является важнейшей предпосылкой для координации и интеграции всей природоохранной деятельности в регионе или республике, преодоления негативных последствий антропогенного воздействия на природу. И здесь важно подчеркнуть, что односторонний административный подход к решению экологических проблем вытекал из самой сути административно-командной системы, господствовавшей в стране. Общество было убеждено в том, что совершенствование системы государственного управления взаимодействием человека и природы без радикальных изменений в характере природопользования позволит изменить сущность взаимоотношений с окружающей природной средой, обеспечить повышение эффективности использования природных ресурсов, достичь качественно нового уровня взаимодействия общества и биосферы.

Таким образом, «Тамбовский центр краеведения» при региональном отделении Российской академии естественных наук как научное общественное объединение является региональной организацией, активно воздействующей на формирование информационного сообщества, на процесс информатизации социокультурного пространства региона, на расширение ресурсной базы информационных и образовательных учреждений. Руководство ТЦК постоянно изучает положение дел в библиотеке и архиве и принимает всевозможные меры по расширению документного фонда, рассматривая его как ценный информационный ресурс культуры.

Список литературы

1. **Авдеева И. В., Зорина В. П.** Библиографические издания Тамбовского центра краеведения // Тамбовские хроники: историко-краеведческий бюллетень. Тамбов, 2001. № 10.
2. **Анашкина Т.** Картотека периодических изданий в архиве Тамбовского центра краеведения // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 2000. № 5.
3. **Архив Тамбовского центра краеведения (АТЦК).** Ф. 4. Оп. 1.
4. **Двухжилова И. В., Красников В. В.** История Тамбовского края: учебная программа курса в Тамбовском государственном техническом университете // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 2010. № 20. С. 67-71.
5. **Двухжилова И. В., Слезин А. А.** История Тамбовского края: практикум. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 120 с.
6. **Двухжилова И. В., Слезин А. А.** История Тамбовского края: рабочая тетрадь. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. 124 с.
7. **Красников В., Пирожкова И.** О роли архива устной истории в историческом образовании (на примере Тамбовского центра краеведения) // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 1999. № 3. С. 7-16.
8. **Малыхина И. Н.** Документные ресурсы научного объединения (на примере Тамбовского центра краеведения): дипломная работа / Московский государственный университет культуры и искусств, Тамбовский филиал; науч. рук. Г. П. Пирожков; консультант Е. В. Карикова. Тамбов, 2008. 87 с.
9. **Молнева М.** Создание архива Тамбовского центра краеведения // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 2000. № 5. С. 4-6.
10. **Пирожков Г. П.** Архив и библиотека Тамбовского центра краеведения в социокультурном пространстве региона // Вестник архивиста. М., 2009. № 3. С. 202-207.
11. **Пирожков Г. П.** Архив и библиотека Тамбовского центра краеведения: формирование информационных ресурсов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 66-68.
12. **Пирожков Г. П.** Краеведение: терминологический словарь. Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена: Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2006. 80 с.
13. **Пирожков Г. П.** Образовательная программа-компендиум «История и культура Тамбовского края» Тамбовского центра краеведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 1. С. 137-140.
14. **Пирожков Г. П., Ишин А. В.** Архив и библиотека Тамбовского центра краеведения // Документоведение. Библиотечное знание. Информационная деятельность: проблемы освіти, науки, практики: зб. матеріалів 6 міжнар. наук. практик. конф. (Київ, 19-21 трав. 2009 р.). К., 2009. С. 298-299.
15. **Пирожков Г. П., Ишин А. В., Красников В. В.** Педагогическая программа-компендиум «История и культура Тамбовского края» как технология интеграции глобального и регионального компонентов в содержании культуролого-краеведческой подготовки специалиста // Владиславлевские чтения: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной И. В. Владиславлеву (г. Белгород, 15-16 апреля 2010 г.) / Белгор. гос. ин-т культуры и искусств. Белгород, 2010. С. 92-94.
16. **Пирожков Г. П., Черникова Е. И.** Документный фонд Тамбовского центра краеведения как информационный ресурс культуры // Информационные ресурсы России. М., 2010. № 1. С. 29-32.
17. **Пошехонова И.** Документы архива Тамбовского центра краеведения об истории провинциального чиновничества: тематический обзор // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 1999. № 4. С. 5-6.
18. **Сеничкина Н.** Периодические издания в архиве ТЦК // Вестник Тамбовского центра краеведения. Тамбов, 1999. № 1. С. 23-25.

INFORMATIONAL RESOURCES OF TAMBOV LOCAL HISTORY CENTER

Dvukhzhilova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Pirozhkov Gennadii Petrovich, Ph. D. in History, Doctor in Culturology, Professor
Tambov State Technical University
e_riniya@mail.ru; gpptmb48@rambler.ru

The authors present the model of the archival-library structure of the social scientific association of regional history and culture researchers "Tambov Local History Center" within the regional branch of the Russian Academy of Natural Sciences. The Center has a documentary fund rare by the composition and content, basing on the study of which the authors suggest measures on the actualization of public organizations participation in educational practice and the development of both traditional informational archival-library services, and the new technologies of local history information users service.

Key words and phrases: Tambov Local History Center; local history informational resources; archive and library of scientific association; assessment of documents value; informational archival-library service.

издания; коллекции (почтовых марок и открыток, значков и медалей, печатей и др.). Критерии отбора документов можно свести к следующему: документ должен быть информационно насыщенным; содержать актуальную информацию; давать возможность смотреть на предмет более полно. Особенность архива ТЦК в том, что большинство поступающих документов связано с Тамбовским краем, хотя имеются материалы и по другим регионам. Пополнение архива происходит по мере поступления документов от фондообразователей – организаций, учреждений и краеведов, с которыми центр сотрудничает. Передача документов осуществляется на добровольных началах.

В архиве расширяется научно-справочный аппарат (НСА) – создаются разные справочники. Интересна «Картотека периодических изданий», охватывающая 96 лет (с 1904 г. по 2000 г.); объём – 150 карточек в алфавитном порядке названий газет и журналов. В картотеку вошла периодика, изданная не только на территории края, но и в других регионах СССР, государствах Прибалтики, современная российская периодика. Картотека отражает наличие в архиве различных бюллетеней, городских газет, многотиражек учебных заведений, краеведческих, религиозных и других изданий. В картотеке также отображены: уникальное собрание еженедельного приложения к газете «Тамбовский край», которая выходила в начале XX в.; журналы «Огонёк», «Работница» и «Ёж» 1930-х годов. В неё вошли описания редких газет (например, «Намедни» из Карелии, «Воля России» – группы бывших политзаключенных, «Новый взгляд» – одной из первых частных газет России и др.) [2, с. 8; 9; 18].

Каталогизация архивных документов представляет собой совокупность работ по подготовке, созданию и ведению каталогов. Так, каталог фотоколлекции (снимки политических и государственных деятелей России, мастеров культуры, писателей, учёных, космонавтов, журналистов, творческие работы тамбовских фотомастеров) строится на основе логической структуры, по виду является хронологическим. Интересен тематический обзор, зафиксировавший документы по истории тамбовского чиновничества. Его составление позволило выявить фольклорный материал о чиновниках. Произведения собраны студентами во время выполнения практиков по культурологии и краеведению. Приложенная к обзору картотека включает около ста названий литературных произведений (хронологические рамки: вторая половина XIX в. – 1997 г.) [17].

Таким образом, НСА архива ТЦК даёт сведения о наличии или отсутствии конкретного документа и ускоряет поиск необходимой информации.

ТЦК ведёт активную работу по созданию архива устной истории [7]. В нём концентрируются воспоминания старейших жителей области, их анкеты «История моей семьи в истории России», личные материалы (награды, удостоверения, фотографии и др.). Документы проходят экспертизу ценности, технически обрабатываются. На каждый документ заполняется карточка с целью создания архивного справочника – картотеки устных рассказов. В процессе экспертизы учитываются как общие принципы (историзма, всесторонней и комплексной оценки) и критерии, которые используются при анализе всех видов документов, так и специфические критерии творческой документации (идейно-художественные достоинства; композиционно-сюжетная целостность; образность проникновения в суть отображаемых фактов, событий и др.).

Итак, задачами архива ТЦК являются: комплектование архива; учёт и обеспечение сохранности документов; создание НСА; использование документов.

В библиотеке и архиве ТЦК содержится разнообразная оригинальная краеведческая информация. Её использование предполагает применение как традиционных информационно-библиотечных сервисов, так и новых технологий обслуживания потребителей краеведческой информации, что для научного объединения, члены которого работают на общественных началах, безвозмездно, в рыночных условиях достаточно сложно. Тем не менее руководство центра практически всегда находит возможность предоставить исследователю необходимые для научной работы сведения, например ответить на запросы, основная часть которых – библиографические. Среди них – простые (об имеющихся произведениях тамбовских литераторов и др.) и сложные (на литературу о местных исследователях), а также разовые, периодические и постоянные. К нетрадиционным формам обслуживания отнесём использование библиотеки ТЦК в качестве базы практики для студентов ТФ МГУКИ.

Постоянная организационно-аналитическая работа с документным фондом, использование архивных и библиотечных документов педагогами для создания учебно-методических материалов [4-6], написание на основе изучения документов квалификационной (дипломной) работы [8], регулярное обращение к ним краеведов-исследователей показывают преимущества и недостатки в деятельности информационных систем ТЦК, помогают вырабатывать меры по их совершенствованию. К положительным моментам в работе библиотеки отнесём следующее: библиотека удовлетворяет большинство информационных потребностей; библиотечный фонд максимально приближен к профессиональной деятельности обслуживаемых специалистов; библиотека содействует научно-исследовательскому процессу, удовлетворяя научные библиотечные потребности читателей; фонд библиотеки непрерывно обновляется; информация собрана своевременно, она достоверна. Эффективность работы библиотеки снижается из-за отсутствия конкретных должностей и нормативных документов, регламентирующих технологию работы. Фонд библиотеки пополняется преимущественно за счёт добровольных пожертвований, но дарственные поступления бессистемны. Поэтому и возникает необходимость в увеличении источников комплектования фонда библиотеки. Преимущества архива ТЦК: в проведении экспертизы ценности документов; наличии НСА; ведении учёта поступлений и использования документов; публикации документов в изданиях ТЦК. Вместе с тем в архиве ТЦК пока отсутствуют нормативные документы; осуществляется неполное архивное оформление дел.

Информационные ресурсы ТЦК выполняют следующие функции: справочную, поисковую, учётно-отчётную, статистическую, исследовательскую и др. Преобладают такие виды ресурсов: персональный (собрание документов, образующихся у индивида в процессе его жизнедеятельности); локальный (совокупность документов, имеющих у той или иной малой группы – семьи, небольшой или средней фирмы, учреждения); региональный (межрегиональный), образующийся в масштабе того или иного территориального образования; национальный, объединяющий документные ресурсы страны (незначительный). По степени организованности ресурсы в основном упорядочены жестко, то есть имеют статус документных фондов (библиотека, архив). Вместе с тем краеведы работают и с документным массивом (пресс-группа, канцелярская служба ТЦК). По месту документа в той или иной стадии документального процесса можно выделить следующие ресурсы: генеративные, возникающие на стадии создания документов (создаются сотрудниками ТЦК, их корреспондентами; это переписка, научные и художественные произведения, публицистика); транзитные, ретранслируемые из пунктов возникновения в пункты назначения и образующие документный поток; терминальные, собираемые в пунктах обработки, переработки и хранения, они составляют документный массив (основу самостоятельных документальных систем – библиотеку и архив ТЦК). Они обслуживают пользователей, чья деятельность проходит за пределами этих систем и не связана с формированием и хранением этих ресурсов. Руководство ТЦК всегда подчёркивает, что материалы используются только в научных целях.

Таким образом, документные ресурсы ТЦК – в основном персональные, локальные и региональные – образованы в масштабе региона. Они выполняют главным образом исследовательскую функцию, позволяют изучать историю и современное состояние Тамбовского края, создавать новое краеведческое знание и использовать его в образовательно-воспитательной практике.

Библиотека ТЦК – это систематизированное собрание произведений печати и небумажных документов; это подразделение ТЦК, организующее использование их для удовлетворения информационных потребностей читателя. Предназначение библиотеки – сбор, хранение и предоставление документов пользователю, её основная функция – коммуникационная, обеспечение связи между документом и пользователем. Библиотека выполняет также функции информационной поддержки обслуживаемого научного объединения, вспомогательно-научную, вспомогательно-образовательную, просветительскую, содействуя информатизации общества, приобщая население к знанию [10; 11; 14].

Библиотека ТЦК собирает, оценивает, организует и распространяет информацию о крае, чтобы помочь краеведам, которых она обслуживает. Как научная, она характеризуется более специализированным и полным подбором краеведческой литературы, строит работу по принципу комфортности обслуживания, предоставляя пользователям возможность работать с документами у себя дома. Комплектуя и организуя фонд, библиотека обеспечивает: 1) концентрацию информации, рассредоточенной в потоке краеведческих документов; 2) возможность повторного обращения к прочитанному, что способствует усвоению знания. Поэтому формирование фонда библиотеки происходит в соответствии с профилем обслуживаемой организации, объекты его комплектования – книги и журналы, газеты, буклеты, карты, атласы и др. Вид комплектования фонда – текущий (пополнение фонда выходящими в свет и вышедшими в предыдущие годы документами). Фонд, насчитывающий более 500 наименований, постоянно приводится в соответствие с интересами пользователей. В библиотеке выделены два отдела: научный и художественно-публицистический. Особенности библиотеки ТЦК – в постоянном увеличении количества неопубликованных документов, которые чаще всего являются первыми, иногда и единственными источниками новой информации по тамбововедению. В ряде случаев они по своей значимости превосходят опубликованные документы – по новизне информации, её конкретности, краткости, оперативности. О пополнении библиотеки и сотрудничестве ТЦК с библиотеками области ежемесячно сообщает пресс-группа центра.

Частью информационных ресурсов ТЦК являются краеведческие библиографические ресурсы – совокупность компонентов, обеспечивающих удовлетворение потребностей в информации о документах по истории и культуре Тамбовского края. Важнейшая составная часть библиографических ресурсов – краеведческие библиографические указатели. Один из них занял призовое место на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ, став полезным учителям, учащимся, студентам; он активно используется библиотекарями в справочно-библиографической работе [1, с. 42-43, 46]. Таким образом, библиографирование трудов членов ТЦК – важное направление работы научного объединения.

Итак, библиотека ТЦК представляет собой информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование. Реализация информационной функции выражается в виде процесса удовлетворения потребностей пользователей библиотеки за счёт массива информации, накопленного в ней. Библиотека ТЦК играет информационную роль по отношению к институту культуры вообще, к культуре каждого конкретного читателя в частности. Наконец, библиотека ТЦК нацелена на формирование человека-исследователя, она реализует задачи самообразования.

В 1997 г. в ТЦК был создан архив, структурное подразделение, осуществляющее прием и хранение документов в интересах пользователей. Он относится к негосударственной части Архивного фонда РФ, является (по принятой сегодня классификации) региональным, узкопрофильным, малым. В архиве ТЦК хранятся: документальные материалы объединения; личные фонды; рукописи известных тамбовских литераторов и краеведов; материалы об истории и современном состоянии Тамбовской области; документы коммунистических, комсомольских и пионерских организаций, демократических объединений; периодические

единая, открытая, практико-ориентированная среда, объединяющая учебную, исследовательскую, методическую, технологическую и коммуникативную деятельность субъектов этого процесса. Включение в него общественных организаций делает обязательным субъектом данной среды краеведческие научные объединения.

Заметное место на культуролого-краеведческом поле Тамбовской области занимает общественное объединение исследователей региональной истории и культуры «Тамбовский центр краеведения» (ТЦК), функционирующее с 1995 г. За это время осуществлён ряд исследований и экспериментов. Интеллектуальной продукцией стали многочисленные научные статьи в журналах России и в зарубежных изданиях, сборниках конференций, справочная и учебная литература, монографии и диссертации. Разнообразная научная продукция высокого качества – важное свидетельство стабильной деятельности сложившейся на базе ТЦК научной школы «Проблемы истории и культуры Тамбовского края» [3, д. 1].

ТЦК как научное сообщество, объединяющее учёных, студентов и аспирантов, учителей, журналистов, библиотекарей, музейных и архивных работников, ведущих краеведов-любителей, имеет многогранную краеведческую практику. Вся деятельность центра – научная, издательская, просветительская и др. – направлена на создание нового знания, включение его в образовательно-воспитательный процесс. Для центра краеведения характерны постоянное обновление форм и методов деятельности, поиск оптимальных путей широкой организационной поддержки молодых исследователей, просветительство и подвижничество. Работа краеведов вписывается в русло новых демократических реалий современной российской науки и провинциальной культуры.

Региональная специфика на протяжении всей истории России имела для её жизнедеятельности принципиальное значение. Уйти от историчности проблемы – значит уйти от познания её корней и ограничиться лишь рассмотрением поверхностной части. Ведь постижение истории, своего прошлого и настоящего является неотъемлемым элементом цивилизованного общества. В этих условиях особую значимость приобретает деятельность ТЦК по разработке нового научного направления – краеведческое образование в культурологической подготовке специалиста. Краеведческое образование есть совокупность систематизированных знаний и навыков, полученных в результате обучения краеведению; это процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом, накопленным жителями отдельных территорий страны, воплощённым в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к природе, человеческому сообществу, государству в лице местных властных структур; это необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры [12, с. 28-29]. Сделать краеведческое образование ценностной составляющей культурологической подготовки специалиста – значит оптимально разрешить многие важные образовательно-воспитательные, адаптационные проблемы, существенные вопросы профессиональной подготовки и гражданского становления специалистов. Поэтому исследователи ТЦК активно работают над межвузовскими научно-педагогическими проектами «Краеведческое образование как важная составляющая культурологической подготовки специалиста» и «Краеведение в документационном, библиотечном, музейном и архивном образовании», завершающий этап которых нацелен на внедрение полученных научных результатов в образовательно-воспитательную и просветительскую практику.

Реализация ряда авторских образовательных программ в области культуролого-краеведения со студентами Тамбовского государственного института культуры и Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (ТГУ) (1991-2005 гг.), Тамбовского филиала Московского государственного университета культуры и искусств (ГФ МГУКИ) и Тамбовского государственного технического университета (ТГТУ) привела к проектированию расширения образовательного пространства через включение учебных видов деятельности в контекст местной культуры. Экспериментальное осуществление проекта проблемной группой ТЦК подвело к разработке педагогической программы-компендиума «История и культура Тамбовского края» [13; 15], которая имеет свою специфику. Во-первых, близость к новым научно-образовательным направлениям, в частности в области культурологии. Во-вторых, опора на результаты научных исследований, ведущихся исследователями ТЦК. Третья особенность и *принципиальная стержень проекта* – сопоставление истории и современности, их диалог. Так постепенно определились культуролого-родино(крае)ведческие основания и структура программы, в которой узловые звенья и отобранный материал подчинены как идее выявления внутренних механизмов развития культуры в рамках отдельного территориального пространства, так и использования историко-краеведческого материала в культурологической подготовке студентов. Программа действует в комплексе с другими научно-образовательными проектами ТЦК, в основе которых культуролого-краеведческий подход, например, по изучению культурных традиций Тамбовского края, связанный с разработкой научно-методических основ содержания регионального компонента в программах подготовки студентов по ряду вузовских специальностей и направлений с учётом местных (локальных) социально-культурных традиций. Объединяющим моментом программы является ориентация на развитие активных форм мышления, на использование для этого вербальных и визуальных способов восприятия информации, на конструирование в конечном итоге некоторой устойчивой «сферы смыслов», характеризующей динамику региональных социокультурных процессов. Такая направленность соответствует разрабатываемым применительно к разным дисциплинам перспективным моделям гуманитарного знания и общенаучной тенденции к появлению междисциплинарных дискурсов. Авторы программы расценивают ее как перспективную форму интеграции образования в культурную среду.

Реализация образовательных программ позволяет расширять документальную базу, включать в исследовательский процесс широкий круг новых источников, как теоретических, так и архивных, библиотечных документов, музейных экспонатов. Создаваемые документные фонды краеведы рассматривают как ценный информационный ресурс культуры [16].

Именно поэтому ценностное отношение может быть охарактеризовано как исключительно общественное отношение. Однако ценностные отношения ни в коем случае нельзя рассматривать как некие надличностные или трансцендентные феномены, существующие вне и помимо человека. Мир ценностей (как материальный, так и духовный) формируется в совокупной деятельности и носит конкретно-исторический характер. Чтобы существовать, человек должен включиться в эту конкретно-историческую систему социальных отношений, в том числе и ценностных. Накопленный человеческий опыт как бы застывает в предметах материальной и духовной культуры, в социальных отношениях, и каждое новое накопление должно овладевать этим опытом или развивать далее. Формирование человека как личности и его дальнейшая жизнедеятельность базируются на усвоении традиционных и создании новых ценностей культуры. Культурные ценности могут быть осознаны личностью либо нет, но в обоих случаях ценности представляют достояние общности, а значит, и достоинство личности, воплощающей эту общность и реализующей ее в своих устремлениях, поступках и действиях.

В заключение необходимо отметить, что диалектический подход и его применение в аксиологии как для интерпретации понятия «ценность», так и для анализа специфики и сущности ценностей раскрывает диалектику личного и общественного, индивидуального и общечеловеческого начал. Противоречивая сущность ценностей, раскрывающаяся в контексте анализа человеческой деятельности, не только выявляет творчески-деятельную сущность человека, но и утверждает истинную ценность человеческого бытия и сотворённого им мира материальной и духовной культуры.

Список литературы

1. Гегель Г. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1999. 448 с.
2. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85-97.
3. Крюков В. В. Философское понимание ценностей культуры. Новосибирск: Сиб. УПК, 2002. 88 с.
4. Максимов В. М. Философия ценностей. М.: Высшая школа, 1997. 176 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30-ти т. М.: Политиздат, 1956. Т. 13. 770 с.
6. Нибур Ричард и Райнхольд. Христос и культура: сборник. М.: Юристъ, 1996. 575 с.

DIALECTICS OF VALUES

Danilkova Marina Petrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State Technical University
danilkova_marina@mail.ru

The author discusses one of the topical problems of social philosophy, concerning the theory of value, in particular the question of the specificity of values, their dual and contradictory essence; considers the dialectics of values that reveals the true meaning of human existence by analyzing value-oriented activity, and conducts this study basing on dialectical approach to the genesis of values, which considers value in the context of culture, within the framework of dichotomy "nature – culture".

Key words and phrases: values; dialectics of values; value attitude; material and spiritual values; value-orientation activity.

УДК 908

Культурология

В статье представлена модель архивно-библиотечной структуры общественного научного объединения исследователей региональной истории и культуры «Тамбовский центр краеведения» при региональном отделении Российской академии естественных наук. Центр располагает редким по составу и содержанию документным фондом, на основе изучения которого авторы предлагают меры по актуализации участия общественных организаций в образовательной практике и развитию как традиционных информационных архивно-библиотечных сервисов, так и новых технологий обслуживания потребителей краеведческой информации.

Ключевые слова и фразы: Тамбовский центр краеведения; краеведческие информационные ресурсы; архив и библиотека научного объединения; экспертиза ценности документов; информационное архивно-библиотечное обслуживание.

Двухжилова Ирина Владимировна, к.и.н., доцент
Пирожков Геннадий Петрович, к.и.н., д. культурологии, профессор
Тамбовский государственный технический университет
e_riniya@mail.ru; gpptmb48@rambler.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ТАМБОВСКОГО ЦЕНТРА КРАЕВЕДЕНИЯ[©]

В демократической России изменилось отношение к общественным научным объединениям, многие из которых наряду с учреждениями народного образования принимают участие в образовательной практике. Средством интеграции всех участников, заинтересованных в подготовке специалиста, сегодня является

человек перестал бы существовать. Итак, в качестве системообразующих факторов формирования и развития социума выступает деятельность людей.

Понимание деятельности как специфического человеческого способа отношения к миру базируется на том непреложном факте, что человеческое бытие представляет собой жизнь в культуре, которая, если употребить классический философский термин, трансцендентна по отношению к природе. Очевидно, что трансцендентность деятельности по отношению к природному поведению человека не может быть ограничена только направленностью вовне человека. Она предполагает самоизменение, самосовершенствование человека, его внутреннего мира, что приводит к возникновению особых, специфических форм регуляции отношений – формированию социума, в котором и осуществляется становление людей как человеческих существ. Человек относится к внешнему миру сквозь призму своих интересов и потребностей, он контактирует с природой опосредованно – через язык, схемы, мышление, систему норм – и воспринимает ее с точки зрения культурных ценностей. Все, что существует в социуме, – материальные и духовные ценности – рождается в процессе соответствующей деятельности человека. Вещество, энергию, информацию, имеющиеся в природе, человек трансформирует в новую форму, приспособляя к своим потребностям, используя в своих интересах. Именно поэтому процесс формирования социума с точки зрения человека выглядит как процесс освоения окружающей действительности. Результаты этого процесса, т.е. результаты деятельности во всех ее формах, воплощаются в предметах материальной культуры, социально-политическом строе, духовных ценностях.

Все предметы материальной и духовной культуры общества, таким образом, есть результат или продукт труда либо определенного отдельного человека, либо коллектива, либо социальной группы и т.д. Поэтому человек, существуя и функционируя в обществе, в основном потребляет то, что производит сам. Именно в силу этого факта предметный мир имеет значение для человека, поскольку в нем человек видит самого себя. И чем больше самого себя, своего труда вложил человек в предмет, тем более пристрастно он к нему относится.

Представленное утверждение можно трактовать как принцип социального эгоцентризма [3]. Социальный субъект любит, прежде всего, самого себя и по этой причине испытывает определенное качественное отношение к предметам или вещам, поскольку в них он реализует и воплощает свои потребности и интересы. Создавая предметный мир культуры, человек реализует свои знания и умения, интеллектуальные и эстетические способности и т.п. Другими словами, человек затрачивает определенные усилия на воплощение своих целей и устремлений, склонностей и желаний, выступая при этом как творец и создатель культуры. С этой точки зрения ценность может быть определена как «мера затрат физических или духовных сил человека на созидание или освоение им элементов природной или социальной среды» [Там же, с. 56].

Человек не только отражает, но и творит, изменяет мир, и делает он это не только тогда, когда практически воздействует на него, но и тогда, когда интерпретирует его, находя в нем свои смыслы и значения. Иначе говоря, согласно принципу социального эгоцентризма, человек не абстрактно размышляет обо всем сущем, а с позиций субъективного «Я», своего отношения к природе, миру, другому человеку. Создавая и осваивая предметный мир через призму своих человеческих усилий и устремлений, он воплощает в них свое собственное «Я».

Однако вернемся к трактовке ценности «как меры затрат», которая нуждается в дальнейшей конкретизации. Приведенное определение содержательно и методологически обосновывается тем, что, во-первых, данная дефиниция позволяет определить ценность посредством человеческих усилий. Субъект определяет ценность предмета в зависимости от степени своего труда, творческих сил, энергии, затраченной на его созидание или освоение. Именно субъект через факт созидания ценности определяет ее «ценностность» для себя. Во-вторых, определение ценности через структуру деятельности позволяет выявить зависимость ценности от сущности самого человека или субъекта и способа его существования, творческого преобразующего окружающую его природную и социальную действительность. В-третьих, анализ ценности в контексте культуры выявляет диалектическую сущность внешней детерминации ценностного мира личности и ее зависимость от самого индивида. Согласно Гегелю, духовный мир личности определяется тем, что он «застает в мире», с одной стороны, с другой – личность сама определяет, что оказывает на нее влияние. Иначе говоря, личность противопоставляется реальности как особая действительность, принося другой мир, другие нравы и принципы [1, с. 163-164]. Наконец, в-четвертых, трактовка ценности через меру затрат, где мера оказывается диалектическим единством количества и качества, придает ценности диалектическое содержание. Использование в дефиниции парных противоположных категорий, таких как созидание и освоение, физическое и духовное, усиливает и углубляет это содержание.

В целом, учитывая вышесказанное, можно подвести некоторые итоги. Во-первых, познавая предмет окружающей действительности, человек оценивает его, выражая к нему свое ценностное отношение. То или иное культурное явление может вызывать к себе особое отношение или оставлять человека равнодушным. В этом случае «приобретение явлением личной ценности идет через придание ему со-значения, т.е. через отнесение к себе самому, через оценку его сквозь призму собственной индивидуальности» [2, с. 94]. Во-вторых, осмысление и оценивание явлений и предметов окружающего мира невозможно без практического, т.е. деятельностного, отношения человека к миру. Практическая и теоретическая деятельность являются взаимосвязанными сторонами ценностного отношения: «Через ценностное отношение весь предметный мир действительности предстает перед нашим взором как мир ценностный, как мир ценностей. И другим... он предстать перед нами не может» [4, с. 128].

Ценностные свойства объекта раскрываются специфической активностью субъекта. Природный материал приобретает ценностные свойства в процессе его практического преобразования отдельным человеком или обществом и несет общественное содержание, выступая по отношению к обществу, социальной группе или человеку как ценность.

обострившимся до предела кризисом культуры в некоторых странах Западной Европы, России, предельной активизацией экономических, политических и культурных контактов Запада и Востока, появлением новых религиозно-философских течений, практическими проблемами систем масс-медиа и образования, которые в наибольшей степени отвечают за формирование ценностного мировоззрения нынешнего поколения.

Однако все более возрастающий интерес к теории ценностей и обилие публикаций по указанной проблематике тем не менее оставляют нерешенным ряд некоторых важнейших вопросов, связанных с природой и сущностью ценностей. Так, одни философы утверждают независимость ценностей от человека и его потребностей, т.е. настаивают на объективности ценностей (В. Виндельбанд, Н. Гартман, Н. О. Лосский, М. Шелер и др.), другие – трактуют ценности как производные интересов и потребностей самого человека и отстаивают субъективистскую позицию по вопросу природы ценностей (А. Мейнонг, Р. Перри, О. Г. Дробницкий, В. Н. Сагатовский и др.). Наряду с таким пониманием генезиса ценностей имеют место и некоторые другие подходы к решению этого вопроса. Например, существуют теории ценностей, в которых обосновывается относительность всех ценностей, другие теории доказывают существование также и абсолютных ценностей; ряд ученых рассматривает ценность как отношение, иные же определяют ценность как качество и т.п.

Многообразие аксиологических учений подтверждает сложность и неоднозначность решения проблемы генезиса ценностей и обуславливает необходимость поиска истины в этом вопросе. Целью данной работы является исследование специфики ценностей с позиций диалектики, выявление противоречивой, двойственной сущности ценностей.

Ценности как специфические феномены культуры имеют определенное содержание и форму проявления этого содержания. Учитывая многоуровневый характер способов бытия ценностей, необходимо изучать это явление в рамках единого целого, имеющего противоречивые стороны. Иначе говоря, односторонний подход к ценностям не дает возможности рассмотреть специфику ценностей, их противоречивую сущность и постичь этот феномен во всей полноте и всесторонности. Для изучения явлений, имеющих противоречивую, двойственную сущность, необходим другой способ исследования. Таким методом является диалектический подход, важнейшая суть которого заключается в познании явления в единстве его противоположных сторон.

Основные трудности в трактовке понятия «ценность» и выявлении природы ценностей заключаются в том, что ценности объективно существуют и функционируют в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, которые, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни. Таким образом, в структуре любой ценности присутствуют сущее и должное, значимое и желаемое, норма и идеал.

С позиций диалектического подхода множество точек зрения на природу ценностей можно условно разделить на несколько групп, в которых эти подходы оказываются противоположными и попарно связанными друг с другом. Например, субъективистские и объективистские позиции, идеалистические и реалистические, далее, интуитивистские и рационалистские, и наконец, абсолютные и относительные теории ценностей. По мнению американского философа-теолога Р. Нибура, теория относительной ценности присутствует в скрытом виде в этических суждениях как субъективистски, так и объективистски настроенных теоретиков аксиологии. Фундаментальное наблюдение аксиологов, утверждает ученый, заключается в том, что ценность наличествует там и тогда, когда одна реальная сущность противостоит другой сущности, ограничивающей, завершающей или дополняющей первую. Так, прежде всего, ценность объективно предстает в соответствии или несоответствии одной сущности другой. В первом случае она предстает как положительная ценность, в другом – как отрицательная. Она предстает как благо или как зло [6].

Природа ценностей как явлений культуры противоречива и диалектична. Как уже подчеркивалось ранее, ценности функционируют объективно в практике общественных отношений, но субъективно осмысливаются, оказывая обратное воздействие на формирование человека как личности, его духовно-нравственного начала. Другими словами, диалектика ценностей – претворение в жизнь и выражение личностного начала в человеке через поступки и действия, посредством которых личность проявляется. В результате таких актов создаются произведения культуры, имеющие общезначимую ценность. Наличие социальных и культурных механизмов, опредмеченных в соответствующих социальных институтах, творениях культуры, есть необходимое и фундаментальное условие становления человеческого в человеке, т.е. духовно-личностного начала. Поэтому из самого существования ценностей вытекает необходимость анализа их противоречивой двойственной сущности посредством применения специфических подходов.

Данное исследование базируется на диалектическом подходе к генезису ценностей, который рассматривает ценности в контексте культуры, в рамках дихотомии «натура – культура», где понятие «натура» предстает как мир природы или как совокупность естественных процессов, а «культура» – «вторая природа» – как мир искусственных вещей и процессов. Понятно, что искусственные и естественные процессы не могут быть сведены друг к другу и вступают в сложные взаимоотношения. Искусственный мир вещей возникает из природного мира как синтез неорганических и органических элементов, разнообразных вещей и живых биологических индивидов. Социум, следовательно, можно представить как синкретическое единство людей и вещей, в котором люди в процессе труда опосредуют взаимодействия между вещами, а вещи в процессе общения опосредуют отношения между людьми. Единство людей и вещей конституируется как целостность, поэтому наука об обществе «имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми... но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи» [5, с. 498].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сам человек как часть социума – не только природное, но искусственное существо. Если бы искусственная составляющая, выражающаяся в деятельности, исчезла,

5. Договор об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 17 июня 1992 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.referent.ru/1/1929> (дата обращения: 22.01.2013).
6. Договор Российской Федерации и Республики Индия о взаимной правовой помощи по уголовным делам [Электронный ресурс]: подписан в Дели 22.12.1998. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Иванский В. П. Правовая защита информации о частной жизни граждан: опыт современного правового регулирования: монография. М.: Издательство РУДН, 1999.
8. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] / А. Н. Кайль, Е. А. Новиков. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2009. № 4. Ст. 445.
10. Маланыч И. Н. Международные правовые нормы в сфере защиты персональных данных // Международно-правовые чтения / отв. ред. П. Н. Бирюков. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. Вып. 1.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
12. О защите индивидуумов (частных лиц) при автоматизированной обработке персональных данных: Конвенция Совета Европы № 108 от 28 января 1981 года // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990.
13. О защите прав человека и основных свобод: Конвенция Совета Европы от 4 ноября 1950 года // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990.
14. О приватности и электронных коммуникациях [Электронный ресурс]: Директива Европейского Союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Регламент 45/2001/ЕС Европейского парламента и Совета, касающийся защиты персональных данных граждан и свободного движения таких данных [Электронный ресурс]: принят 18 декабря 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Хартия Европейского Союза об основных правах 2007/С 303/01 [Электронный ресурс]: принята в г. Страсбурге 12.12.2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

BASIC DIRECTIONS OF INTERNATIONAL-LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN PERSONAL DATA SPHERE

Gilyarov Evgenii Mikhailovich, Ph. D. in Law, Professor

Voronina Anna Alekseevna

National Research Nuclear University "MIPhI"

starosta17ju@gmail.com

The authors consider the questions of the international legislation regulating the relations in the sphere of personal data, analyze the basic norms of the international law regulating the interstate exchange and transfer of personal information, and conclude that taking into account and using this experience in Russia will help consolidate the legal framework for personal data protection.

Key words and phrases: personal data; international norm; international organization; information rights; privacy; personal data protection.

УДК 124.5

Философские науки

Статья посвящена одной из актуальных проблем социальной философии, касающейся теории ценностей, в частности вопроса о специфике ценностей, их двойственной и противоречивой сущности. Диалектика ценностей, выявляющая истинное значение человеческого бытия, раскрывается посредством анализа ценностно-ориентационной деятельности. Данное исследование базируется на диалектическом подходе к генезису ценностей, который рассматривает ценности в контексте культуры, в рамках дихотомии «натура – культура».

Ключевые слова и фразы: ценности; диалектика ценностей; ценностное отношение; материальные и духовные ценности; ценностно-ориентационная деятельность.

Данилкова Марина Петровна, к. филос. н., доцент
Новосибирский государственный технический университет
danilkova_marina@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА ЦЕННОСТЕЙ[©]

Многие мыслители современности считают, что в настоящий момент в сфере гуманитарных наук, в частности в философии, центр тяжести перемещается с проблемы познания на проблему ценностей, и внимание ученых к аксиологической проблематике становится все более пристальным. Это связано, прежде всего, с тем, что в начале нового тысячелетия происходит ситуация тотальной «переоценки ценностей», вызванная

Согласие пользователя – любого лица, использующего в личных или деловых целях общедоступные средства электронных коммуникаций, – остается одним из основных требований при сборе и обработке данных. Пользователь должен выразить свое очевидное согласие на предоставление персональных данных любым доступным и свободным способом, позволяющим ему осведомленно выразить свои намерения, в том числе и путем проставления «галочки» при посещении интернет-страниц. Новая Директива дает юридическое определение «электронной почте»: любое текстовое, звуковое, голосовое сообщение или изображение, посланное посредством общедоступной сети, которое может быть сохранено в данной сети или на оборудовании пользователя до тех пор, пока не будет получено пользователем.

Реалии времени, стремительное развитие информационных технологий, активный сбор и обработка персональных данных как в сфере частной жизни, так и в публичных отношениях индивидов с организациями и властными структурами заметно меняют содержание правовой категории «персональные данные». Данная категория стремительно вырывается за пределы частной жизни. С учетом этого в европейском законодательстве начинается формирование самостоятельного института защиты персональных данных, основанного на праве на защиту персональных данных как одним из основных прав и свобод человека. Так, в главе «Свободы» Хартии Европейского Союза [16] об основных правах разделены правовые категории «уважения неприкосновенности частной и семейной жизни, жилища и коммуникаций» и «права на защиту персональных данных» как самостоятельные основные права, закрепленные в статьях II-67 и II-68.

Европейский подход к регулированию вопросов о праве на защиту персональных данных основывается на понимании данного права как одного из фундаментальных прав человека, живущего в информационном обществе, и несколько отличен от сложившегося понимания права на защиту неприкосновенности частной жизни. Каждое из указанных прав обладает рядом специфических свойств, совместное использование которых улучшает механизм защиты интересов индивида. Оба права основываются на необходимости правовой регламентации, на принципах легитимного целевого использования информации, наличия адекватных и эффективных способов правовой защиты нарушенных прав, различие заключается в том, что в случае защиты неприкосновенности частной жизни речь идет о предотвращении вторжения в частную сферу, а в другом случае следует иметь в виду обеспечение справедливой и законной обработки персональных данных вне зависимости от того, попадают ли они в сферу частной жизни или нет.

Третья группа документов включает в себя международные договоры между странами, в которые включаются нормы об обмене информацией.

В качестве примера можно привести статью 25 Договора между Российской Федерацией и США об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал [5], по которой государства обязаны предоставлять информацию, составляющую профессиональную тайну [8]. Международный договор Российской Федерации и Республики Индия о взаимной правовой помощи по уголовным делам [6] содержит статью 15 «Конфиденциальность», согласно которой запрашиваемая сторона может потребовать сохранения конфиденциальности переданной информации [8].

Договоры между многими государствами призваны защитить информацию определенной категории и используемую для определенной цели, например для расследования преступлений.

В этой связи важным является то, что в большинстве стран, в том числе и в Российской Федерации, конституционно закреплено положение [9, ст. 15] о том, что ратифицированные международные договоры обладают более высокой юридической силой, чем национальное законодательство.

Таким образом, даже такой небольшой анализ международно-правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в сфере персональных данных, позволяет сделать вывод, что эти нормы закрепляют:

- информационные права и свободы человека, в том числе право на поиск, получение и распространение информации и право на невмешательство в частную жизнь; а также случаи ограничения таких прав, например, в целях обеспечения безопасности государства или прав других лиц;
- общее определение персональных данных;
- базовые принципы обработки персональных данных, их хранения и доступа к ним; положения, регулирующие свободу трансграничной передачи данных, в том числе случаи её ограничения;
- конкретные меры и способы защиты информации, предназначенной для исполнения международных договоров;
- создание и деятельность международных органов по защите персональной информации, например Консультативный комитет по вопросам защиты персональных данных.

Список литературы

1. Волчинская Е. К. Защита персональных данных: опыт правового регулирования. М.: Галерея, 2001.
2. **Всеобщая Декларация прав человека**: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1948 году // Российская газета. 1995. 5 апреля.
3. **Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 года о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных** [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. **Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 97/66/ЕС от 15 декабря 1997 года, касающаяся использования персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни в сфере телекоммуникаций** [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

была принята Директива 95/46/ЕС о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и свободном движении таких данных [3] (далее – Директива 95/46/ЕС).

Настоящий документ закрепил несколько основных правовых понятий. Во-первых, «персональные данные» определены как любая информация, связанная с идентифицированным или идентифицируемым лицом (субъектом данных), и подразумевают информацию, зафиксированную на любом носителе. В эту категорию автоматически попадают имена, почтовые и электронные адреса физических лиц. Вводится понятие «контролеры персональных данных» – лица или организации, которые определяют цели и способы обработки персональных данных. Под «обработкой персональных данных» Директива 95/46/ЕС понимает любые операции с персональными данными или их совокупность, включая сбор, запись, систематизацию, хранение, изменение, передачу или раскрытие.

Директива 95/46/ЕС определяет восемь основных принципов защиты информации, в соответствии с которыми должны действовать «контролеры данных» – лица или организации, которые определяют цели и способы обработки персональных данных. Основным принципом признается справедливая обработка персональных данных, следуя которому субъект данных до их представления должен получить информацию о том, кто является контролером данных, каковы цели их обработки и использования, а также дать согласие на использование персональных данных. Предварительное уведомление может включать в себя любую информацию, необходимую в конкретных условиях, дабы сбор и обработка информации были бы справедливы. К другим принципам относятся четкость и законность целей для сбора и обработки персональных данных, точное соответствие объема запрашиваемых персональных данных целям их использования, хранение персональных данных не более срока, обусловленного целями их обработки, возможность доступа субъекта информации к своим персональным данным для их изменения, уточнения или удаления, создания необходимых технических и организационных мер для обеспечения защиты данных от незаконной или несанкционированной обработки, случайной утраты или разрушения. Согласно одному из ключевых принципов на контролеров данных и органы государственной власти возлагается ответственность за передачу данных за пределы Европейской экономической зоны в те страны, в которых не может быть обеспечен адекватный уровень защиты прав субъектов данных. Исключение из данного принципа возможно в том случае, если сам субъект данных представит на это свое согласие.

Предусматриваются меры надзорного характера перед осуществлением операций по автоматической обработке данных на основе уведомления специального надзорного органа в отношении общего описания мер, принятых для обеспечения безопасности обработки. Устанавливается предварительная проверка операций, которые могут представлять особый риск для прав и свобод субъектов, закрепляется принцип гласности операций по обработке данных на основе ведения в надзорном органе реестра операций по обработке информации персонального характера.

Важное место в нормах международного права о персональных данных занимает Директива 97/66/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 15 декабря 1997 года [4] (далее – Директива 97/66/ЕС), она касается использования персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни в сфере телекоммуникаций. В ней особое внимание было уделено новым типам угроз для сферы частной жизни, возникшим в результате проникновения цифровых технологий в сферу связи [1, с. 125]. Согласно ей, провайдер обязан предпринимать соответствующие меры безопасности, организационные и технические, к защите персональных данных [4, ст. 5], налагается запрет на прослушивание, подслушивание, запись и иные виды перехватов или контроля над коммуникациями любыми иными лицами, кроме пользователей, без согласия последних [Там же], трафиковые данные о подписчиках и пользователях, используемые для осуществления телефонных соединений и сохраняемые провайдером общедоступной телекоммуникационной сети и/или общедоступных телекоммуникационных услуг, должны по завершении звонка быть стерты или сделаны анонимными [Там же, ст. 6], автоматизированные звонки запрещены без предварительного согласия абонента [Там же, ст. 12].

Важное место в данном акте занимает детальная проработка принципов и способов защиты персональных данных в телекоммуникационной сфере. В целом Директива 97/66/ЕС устанавливает базовые требования получения разрешения от субъекта на сбор, обработку и распространение информации о нем.

В декабре 2001 года увидели свет общеобязательные правила по защите физических лиц при автоматической обработке их персональных данных органами и учреждениями ЕС и их свободном перемещении – *Regulation (EC) 45/2001* [15]. Настоящим документом учреждена должность Европейского уполномоченного по защите данных – *EU Data Protection Supervisor* – с широкими полномочиями: от проверки жалоб на нарушения права на консультирование органов ЕС по вопросам защиты информации до преследования нарушителей в Суде Европейских сообществ. Новые правила запрещают сбор и обработку персональных данных, касающихся расового или национального происхождения, политических взглядов, вероисповедования, а также здоровья или сексуальной жизни субъекта данных, кроме случая получения согласия самого субъекта данных на предоставление подобной информации либо раскрытия персональных данных в целях судебного разбирательства.

В июне 2002 г. была принята еще одна Европейская Директива 2002/58/ЕС [14], касающаяся защиты персональных данных и защиты личных данных в электронном коммуникационном секторе, дополняющая Директиву 95/46/ЕС.

Основной целью нового документа являются обеспечение защиты прав и свобод пользователей средств электронной связи в отношении их персональных данных и защита права на личную тайну (Вводная статья 7), а также минимизация обработки персональных данных и стимулирование использования анонимных данных там, где это возможно (Вводная статья 9).

вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. <...> 2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» [Там же, ст. 10.1].

Здесь следует отметить более детализированный подход Конвенции к праву на поиск, получение и распространение информации. Конвенция напрямую защищает его от вмешательства государства, но в то же время устанавливает возможность ограничения данного права в интересах безопасности государства, общества или прав других лиц.

Данные ограничения находят своё продолжение в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года [11] (далее – Пакт).

Пакт в статьях 17 и 19 повторяет положения Декларации, уточняя случаи ограничения информационных прав: «Пользование данными правами сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц, б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Обратим внимание, что в качестве причины для этого подчеркивается уважение прав и репутации других лиц. В данном случае речь идет не только о безопасности государства, но и о безопасности персональных данных конкретного лица.

Вторая группа документов – это нормативные акты региональных международных организаций.

Одним из таких документов является Конвенция № 108 Совета Европы «О защите индивидуумов (частных лиц) при автоматизированной обработке персональных данных» [12] (далее – Конвенция № 108). Целью данной Конвенции является правовая защита личности при автоматической обработке персональной информации. Статья 1 Конвенции № 108 содержит определение персональных данных: «персональные данные означают информацию, касающуюся конкретного или могущего быть идентифицированным лица (субъекта данных)». Оно достаточно широко и дает возможность странам, ратифицировавшим Конвенцию № 108, возможность для трактовки и трансформации его для применения в национальном законодательстве не только при автоматизированной обработке персональных данных.

Главными элементами Конвенции № 108 являются [1, с. 35]:

- 1) набор базовых принципов защиты данных (гл. II);
- 2) положения, относящиеся к транснациональным потокам данных (гл. III);
- 3) соглашения о сотрудничестве стран-участниц, включая и соглашение о содействии субъектам данных, живущим за границей (гл. IV);
- 4) статьи об учреждении постоянного Консультативного комитета (гл. V).

Консультативный комитет, состоящий из делегатов от стран-участниц, отвечает за интерпретацию положений Конвенции № 108 и за содействие и улучшение их применения на практике [12, ст. 18-20].

Кроме того, Конвенция № 108 устанавливает в статьях 5 и 8 принципы качества данных и права субъекта данных, а статья 7 – принцип защиты персональных данных соответствующими мерами. Она предусматривает свободный обмен персональными данными между странами-участницами Конвенции № 108. Это свободное перемещение не может быть ограничено по причинам защиты данных. Существуют только два исключения:

- 1) если защита персональных данных в стране-контрагенте не является эквивалентной;
- 2) если данные, передаваемые на территорию страны-контрагента, предназначены для передачи транзитом в некую третью страну, не являющуюся участницей Конвенции [Там же, ст. 12].

Конвенция № 108 обязывает операторов (контролеров файлов) принимать надлежащие меры безопасности, направленные на предотвращение их случайного или несанкционированного уничтожения или случайной потери персональных данных, а также на предотвращение несанкционированного доступа к ним, их изменения или распространения [Там же, ст. 7].

Человек вправе знать о существовании базы данных, содержащей сведения личного характера, и её целях, получить в разумные сроки и без чрезмерных расходов подтверждение о наличии в базе данных касающихся его данных личного характера, а также получить такие данные. Более того, Конвенция № 108 наделяет лицо правом добиваться в случае необходимости исправления или уничтожения касающихся его данных личного характера, если они подверглись обработке в нарушение норм внутреннего законодательства [Там же, ст. 8].

Кроме того, Конвенция № 108 содержит правовые гарантии обеспечения прав человека на подтверждение обработки его персональных данных, а также в случаях необходимости их предоставления, изменения или уничтожения [Там же].

Таким образом, Конвенция № 108 устанавливает базовые принципы обработки и защиты персональных данных. В частности, гарантирует соблюдение прав человека при сборе и обработке персональных данных, принципы хранения и доступа к этим данным, способы физической защиты данных, а также запрещает обработку данных о расе, политических взглядах, здоровье, религии без соответствующих юридических оснований.

С 1981 года по линии Комитета министров государств – членов Совета Европы принимаются специальные Рекомендации по вопросам использования и защиты персональной информации. Так, 24 октября 1995 года

**SOVIET CHILDREN'S SUMMER LEISURE TIME ORGANIZATION
IN 1945 – AT THE BEGINNING OF THE 1950S (BY THE MATERIALS OF UKRAINE)**

Gavrysh Ol'ga Vladimirovna
Lugansk National University named after T. Shevchenko
vodolashka@mail.ru

The author discusses the problem of children's summer free time organization, topical at present, in particular considers the historical experience of this question resolution by the example of Soviet Ukraine during the early post-war years, pays special attention to the collective forms of minors' leisure time organization during summer holidays, reveals and describes various forms of ideological-educational work with children inherent in the Ukrainian Republic during late Stalin period.

Key words and phrases: childhood; post-war period; collective forms of leisure time; ideological-education work; pioneer camp.

УДК 342.951:351.82

Юридические науки

Статья посвящена рассмотрению вопросов международного законодательства, регулирующего отношения, возникающие в сфере персональных данных. В работе проводится анализ основных норм международного права, регламентирующих межгосударственный обмен и передачу персональной информации. Учет и использование этого опыта в России поможет укреплению правовых основ защиты персональных данных.

Ключевые слова и фразы: персональные данные; международная норма; международная организация; информационные права; неприкосновенность частной жизни; защита персональных данных.

Гиляров Евгений Михайлович, к.ю.н., профессор

Воронина Анна Алексеевна

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
starosta17ju@gmail.com

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ[©]**

В условиях технического прогресса происходит развитие и увеличение потоков информации. Создаются международные банки данных, в связи с чем персональные данные граждан, а также их право на невмешательство в частную жизнь оказываются под угрозой. Практика показывает, что урегулирование таких вопросов, как, например, трансграничная передача персональных данных, только на национальном уровне не может быть эффективным, именно поэтому на международном уровне происходит правовое закрепление общих принципов защиты персональных данных. Международно-правовые нормы в сфере персональных данных условно можно разделить на три группы [8, с. 162]:

1) документы международных организаций, регламентирующие общегуманитарные права и свободы человека;

2) документы региональных международных организаций, таких как ЕС, СНГ, Совет Европы;

3) международные договоры, содержащие нормы о защите конфиденциальной информации.

Первая группа актов регламентирует основные права и свободы человека, в том числе информационные, на уровне международных организаций.

Одним из наиболее авторитетных документов такого типа является Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций [2] (далее – Декларация).

В статье 12 Декларации закрепляется право человека на невмешательство в частную жизнь: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Статья 19 Декларации гласит, что «каждый человек имеет право на... свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Таким образом, Декларация устанавливает основные информационные права человека, право на поиск, получение и распространение информации и право на частную жизнь с точки зрения охраны информации о ней. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 года [13] (далее – Конвенция), развивает положения, закрепляющие информационные права и свободы:

«1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо

Для детей, которые не имели возможности отдыхать летом в пионерских лагерях, были организованы другие формы проведения культурного досуга. Распространенным явлением стало оборудование летних оздоровительных площадок. Согласно Указу заместителя Министра образования УССР О. М. Филиппова «О мероприятиях по организации и материально-техническому оборудованию детских площадок для игр и игротек системы Министерства образования УССР» от 27 апреля 1946 г. только по г. Киеву планировалось создать 132 игровые платформы [5, д. 123, л. 107]. В 1947 г. по УССР уже были сооружены 7 483 такие площадки, на которых отдохнуло 302 099 детей [11, д. 287, л. 2]. Кроме того, малышня могла провести свои летние каникулы на дачах детских домов, детских садов и яслей. В г. Сталино (ныне – г. Донецк) в 1950 г. для детей, которые остались на лето дома, были организованы три сводные дружины и четыре школьных клуба. Днем они занимались тимуровской помощью, осуществляли экскурсии по родному краю. А вечером вожатые проводили с детьми чтение вслух периодических изданий, новинок детской литературы, организовывали просмотр кинофильмов и другое [4, д. 178, л. 101].

Следует подчеркнуть, что в условиях послевоенного восстановления наиболее массовой формой оздоровления детей летом оставался их перевод на оздоровительный режим при существующих детских заведениях. В 1951 г. в детских садах Украинской республики по такому распорядку отдыхали 51 920 малышей, а в детских домах – 68 721 сирота [11, д. 608, л. 1, д. 945, л. 4].

В 1945 – начале 1950-х гг. в Украине начали возобновляться детские железные дороги. Соответственно, в г. Ужгороде Закарпатской области была проложена железнодорожная колея для детей длиной в 1200 метров. Тут работали юные кочегары, машинисты, стрелочники, действовали паровозы, был построен вокзал [7].

Среди основных, так называемых клубных, форм досуга, которые были распространены в летний период в среде детей Советской Украины 1945 – начала 1950-х гг., выделяется такой вид работы, как экскурсия. По состоянию на 1 января 1948 г. в республике насчитывалось 10 экскурсионных станций с охватом в 20 732 участника [11, д. 285, л. 1]. В Указе заместителя Министра образования УССР от 20 марта 1948 г. «О путешествиях и экскурсиях пионеров и школьников УССР по изучению родного края» отмечалось, что проведение подобной формы работы с детьми является одним из главных методов воспитания маленьких граждан в духе советского патриотизма и гордости за Отечество. Кроме того, акцентировалось внимание на наличии широких возможностей в деле преодоления формализма в преподавании, в соединении теории с практикой, позитивном влиянии на физическое здоровье детей [12, д. 15, л. 5]. Тематика и масштабы таких мероприятий были достаточно разнообразными. Летом 1950 г. Центральная детская экскурсионно-туристическая станция Министерства образования УССР организовала две маршрутные экспедиции для юных путешественников: 1) экскурсию по следам партизанского отряда С. А. Ковпака сроком на 30 дней; 2) путешествие путями Корсунь-Шевченковской битвы периода Великой Отечественной войны – 15 дней. Все экспедиции были сформированы за счет государственного бюджета страны [14, д. 1892, л. 72].

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно сделать следующие выводы. В 1945 – начале 1950-х гг. негативные последствия советско-немецкой войны, остаточный принцип государственного финансирования повседневной сферы жизни общества явились причинами низких количественных и качественных показателей в области досуга украинских детей. Однако в этот период достаточно быстро не только возобновлялась, но и расширялась сеть культурных учреждений, связанных с организацией свободного времени у школьников. В условиях послевоенного восстановления государства отмеченная сфера была направлена не только на стимулирование эстетического и физического развития детей, она также становилась одним из элементов политико-идеологического воспитания младшего поколения. Соответственно, чаще всего можно было встретить коллективные формы занятия свободным временем детей в период летних каникул. Это предполагало собой непосредственное государственное влияние на процесс формирования будущих граждан.

Список литературы

1. Анпілогова Т. Ю. Піонерський табірний рух як форма політико-ідеологічного та виховного впливу на радянську молодь (на матеріалах Донбасу) // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2009. № 21. С. 4-8.
2. Голиш Г. М. Наслідки німецько-радянської війни для неповнолітніх громадян України // Український історичний журнал. 2005. № 3. С. 37-49.
3. Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф. 326. Оп. 2.
4. ГАДО. Ф. 424. Оп. 5.
5. ГАДО. Ф. Р-2852. Оп. 1.
6. Молодь України. 1947. 25 января.
7. Молодь України. 1947. 12 августа.
8. Слезин А. А., Беляев А. А. Коммунистическое «министерство молодежи» в духовной сфере жизни послевоенного советского общества // Политика и общество. 2009. № 12. С. 30-34.
9. Слезин А. А., Беляев А. А. Школьные комсомольские организации в условиях послевоенного развития (1945-1954 гг.) // Берегиня. 777. Сова. Общество. Политика. Экономика. 2010. № 3 (5). С. 19-29.
10. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВОВУ). Ф. Р-2. Оп. 7.
11. ЦГАВОВУ. Ф. 166. Оп. 15.
12. ЦГАВОВУ. Ф. 4715. Оп. 2.
13. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 7. Оп. 3.
14. ЦГАООУ. Ф. 7. Оп. 6.
15. ЦГАООУ. Ф. 7. Оп. 13.
16. Юный ленинец. 1953. 6 августа.

старшего поколения о младшем. В условиях современной жизни достаточно критичной становится ситуация с элементарным выживанием детей из-за нерешенности многих проблем важнейших сфер жизнедеятельности ребенка. Одним из таких вопросов является организация культурного летнего отдыха маленьких граждан. Эта сфера является доминирующим пространством, в котором происходит физическое и духовное развитие личности. Поэтому необходимой становится разработка темы исторического опыта организации свободного времени детей в период летних каникул в 1945 – начале 1950-х гг. в СССР и Украинской республике в частности. Именно в эти годы было положено начало созданию наиболее эффективной системы институтов и учреждений по решению данной проблемы, что и обуславливает актуальность выбранной нами темы.

Предметом данного исследования являются коллективные формы досуга советских детей в период летних каникул, которые будут рассмотрены на примере УССР в годы послевоенного восстановления.

Историография проблемы представлена работами украинских и российских ученых. В частности, некоторые аспекты данного вопроса освещены в исследованиях Т. Ю. Анпиловой [1], Г. М. Гольша [2], А. А. Беляева и А. А. Слезина [8; 9] и других.

Сфера досуга советских детей в послевоенные годы определялась суммой многих факторов, которые зависели как от последствий Великой Отечественной войны, так и от провозглашенных властью принципов общественной, экономической и политической жизни. В ноябре 1946 г. ЦК КП(б)У принял постановление «О мероприятиях по улучшению внешкольной работы с детьми». В документе говорилось об усилении руководства внешкольными учреждениями со стороны партийных и комсомольских организаций, отделов народного образования, с тем чтобы внешкольная и внеклассная работа с детьми соответствовала учебным и воспитательным задачам школы, а ее содержание, формы и методы соотносились с интересами и возрастными потребностями воспитуемых [6]. Немаловажное место в вопросе внешкольной работы в период позднего сталинизма отводилось проблеме летнего времяпрепровождения младшего поколения.

Основной формой отдыха и оздоровления детей в этот период являлись пионерские лагеря. Но в обстановке послевоенной разрухи не все учреждения подобного типа были достаточно материально обеспечены. Так, пионерский лагерь в селе Лесная Дача Лисичанского района Ворошиловградской области (ныне – Луганской области) находился в зеленой сосновой зоне, полезной для здоровья подрастающего поколения. Однако спальни, столовая и другие подсобные помещения были размещены в шести брезентовых палатках. А игровая площадка была оборудована минимумом каруселей и спортивного снаряжения [13, д. 1230, л. 87]. Отклики войны приводили также к частым случаям трагической гибели среди детей. 11 августа 1945 г. семь воспитанников пионерского лагеря Буденовского района Сталинской области (ныне – Донецкой области) подорвались на mine, собирая в лесу хворост для пионерского костра [Там же, л. 102]. Тем не менее лагерная форма отдыха все более распространялась в послевоенные годы. В подтверждение тому есть сведения, что за лето 1947 г. в таких учреждениях провели свое время 258 297 несовершеннолетних граждан Украинской республики [11, д. 286, л. 1]. В 1952 г. эта цифра выросла до 700 000 детей [15, д. 123, л. 144].

Среди задач воспитательной работы в детских оздоровительных и трудовых лагерях послевоенного периода выделяются такие, как максимальное обеспечение процесса укрепления здоровья детей и их физического развития; привитие любви и верности к Родине и делу партии; усиление трудового воспитания, сосредоточенного на активизации инициативы и самостоятельности детей; привлечение воспитанников к общественно полезной работе, приучение их к самообслуживанию [10, д. 2810, л. 44]. На осуществление поставленных целей были направлены следующие формы политико-воспитательной работы: показ фильмов с идейным содержанием (например, «Тимур и его команда»); проведение отрядных сборов на тему «Наша Отчизна», «Как должны вести себя пионеры» и т.д.; привлечение пионеров к участию в социалистическом соревновании за Красное знамя; коллективное чтение прессы; проведение военизированных игр («Передовой отряд», «Синие и Красные») и другое [1, с. 6-7]. Кроме того, например, в пионерских лагерях завода им. И. В. Сталина и завода им. Г. К. Орджоникидзе г. Краматорска Сталинской области летом 1945 г. были организованы встречи детей с Героями СССР – капитаном М. Г. Труновым и старшим лейтенантом М. М. Гуреевым. Ребята вместе с участниками боевых действий имели возможность посетить историческое место, где 7 сентября 1943 г. происходила стратегическая операция по освобождению Донбасса [3, д. 1072, л. 91].

Общественно полезная деятельность детей во время отдыха в лагере проявлялась в сборе гербариев и лечебных трав для аптек, помощи колхозам в осуществлении сельскохозяйственных работ [1, с. 6-7]. Реализация эстетического и физического развития воспитанников происходила за счет деятельности различных кружков и проведения конкурсов. В 1953 г. на базе Микулинецкой средней школы на Тернопольщине, где отдыхало более 200 детей, действовали такие спортивные секции, как легкоатлетическая, волейбольная, гимнастическая и другие [16]. Характерно, что в послевоенные годы на Украине начинают работать детские пионерские лагеря со специализированным уклоном. Так, в Николаевской области в это время функционировали лагеря юных радиотехников, археологов, натуралистов [15, д. 123, л. 14].

Таким образом, период отдыха несовершеннолетних граждан Советской Украины в заведениях подобного типа был насыщен разнообразными формами работы, которые в большинстве своем соответствовали задачам воспитания молодого поколения. Однако исследование показало, что не все дети имели возможность проводить свои каникулы в пионерском лагере. В Сталинской области в 1950 г. на запрос рабочих относительно получения бесплатной путевки в лагерь «Артек» был дан негативный ответ. В этот период по льготам туда могли ехать только воспитанники детских домов. Платная путевка стоила 1 650 руб., что превышало заработную плату среднестатистического советского рабочего [4, д. 180, л. 27].

печальное с точки зрения уголовного правосудия обстоятельство, что под действие карательных мер подпадало едва 1:10000 преступных деяний этого рода, все это подводило к концу XIX - началу XX столетия к осознанию того, что сохранение нормы об уголовной ответственности за совершение намеренного прерывания беременности подрывает уважение к правосудию, разрушает веру в уголовное возмездие и справедливость вообще и тем самым деморализует общество [5, с. 113].

На рубеже XIX-XX вв. в Российской империи все актуальней стали звучать слова правоведа М. Л. Олейника о том, что современное государство, создав норму «изгнание плода наказывается тем то и так то», не разрешило этого вопроса, а лишь отмахнулось от него [Там же, с. 118].

Вопрос об отнесении данного деяния к категории греховного оставался неизменным с точки зрения правосудия, однако сохранение правовой трактовки о нем как об убийстве требовал реформирования законодательства по направлению смягчения ответственности и даже исключения аборта из числа преступных деяний.

Список литературы

1. **Боровитинов М. М.** Детоубийство в уголовном праве. СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1905. 29 с.
2. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. Изд-е 4-е. Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, Типография Высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнера и К^о, 1905. 694 с.
3. **Кабанова И.** Женщины-убийцы // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2005. № 3-4 (21). С. 92-95.
4. **Любавский А. Д.** О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1-29.
5. **Олейник М. Л.** Преступный аборт в доктрине и законодательстве // Труды Кружка уголовного права при С.-Петербургском университете с предисловием М. М. Исаева. СПб., 1913. С. 109-152.
6. **Таганцев Н. С.** О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1871. Т. II. 521 с.
7. **Фойницкий И. Я.** Уголовное право. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. Изд-е 5-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 443 с.
8. **Фукс И. Б.** Проблема преступности плодозгнания. Харьков: Типолитография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. 21 с.

QUESTION OF CRIMINAL NATURE OF PREGNANCY DELIBERATE TERMINATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

Voronina Galina Aleksandrovna
Astrakhan' State University
gavoronina@mail.ru

The author reveals the historical features of the legislation on the deliberate termination of pregnancy during the period of the Russian Empire existence, considers the transformation of the law norms on induced abortion from a qualified to privileged type of murder, and pays considerable attention to jurists' controversial views on the problem of the legal interpretation of pregnancy deliberate termination as a murder, which requires criminal liability, during this period.

Key words and phrases: termination of pregnancy; extermination of fetus; expulsion of fetus; abortion; sinful act; criminal act; murder; embryo; fetus; law; liability.

УДК 94“1945/1953”

Исторические науки и археология

Данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме организации свободного времени детей летом. В частности, автором был рассмотрен исторический опыт решения данного вопроса на примере Советской Украины в период первых послевоенных лет. Основное внимание акцентировано на коллективных видах организации досуга несовершеннолетних во время летних каникул. Выделяются и описываются разнообразные формы идейно-воспитательной работы с ребятами, присущие периоду позднего сталинизма в Украинской республике.

Ключевые слова и фразы: детство; послевоенное время; коллективные формы досуга; идейно-воспитательная работа; пионерский лагерь.

Гаврыш Ольга Владимировна

Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина
vodolashka@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕТНЕГО ДОСУГА СОВЕТСКИХ РЕБЯТ В 1945 – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УКРАИНЫ)[©]

Дети – это особая социально-демографическая группа общества, которая обладает специфическими потребностями и интересами. Одним из основных критериев оценки какого-либо социума является забота

Таким образом, отношение к убийству незаконнорожденного ребенка как к квалифицированному виду убийства начинает подвергаться критике, церковным догматам противопоставляются извинительные мотивы, толкавшие мать на преступление, среди которых особое место, по мнению И. Б. Фукса, занимало стремление скрыть путем перерыва беременности внебрачные сношения и предотвратить часто связанные с ними позор, семейный разрыв и нередко нужду [8, с. 19].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также Уложение 1903 года идут по дальнейшему пути смягчения наказания за убийство незаконнорожденных детей.

Начиная с 1845 года, законодательство Российской империи выделяет прерывание беременности в самостоятельное преступление, которое, однако, непосредственно примыкает к детоубийству, но обладает специфическими чертами. Данное преступление именуется как вытравление плода, умерщвление плода, плодоеизгнание, плодоеистребление.

Отношение правоведов второй половины XIX – начала XX в. к искусственному прерыванию беременности как деянию уголовно наказуемому было неоднозначно.

По мнению известного криминалиста XIX века Н. С. Таганцева, истребление плода есть убийство нерождённого дитяти в утробе, каков бы ни был период его развития [6, с. 267].

При этом он отмечает, что человек является личностью с момента зачатия, следовательно, посягательство на его существо, т.е. совершение истребления плода, это: 1. безнравственное деяние; 2. посягательство на права родителей; 3. противозаконное убийство [Там же, с. 253].

Кроме того, указывая на степень общественной опасности этого деяния, Н. С. Таганцев обращает на него внимание именно как на преступление в виду двоякого негативного последствия, а именно: уничтожение самостоятельной правомерной жизни, повреждение здоровья или даже смерть матери.

Преступным, по мнению Н. С. Таганцева, должно быть и само посягательство на зародыш. При объяснении своей точки зрения он считает, что хотя жизнь плода в утробе и младенца вне утробы существенно различаются друг от друга, но первая все-таки есть жизнь, а следовательно, и посягательство на нее есть один из видов убийства [Там же, с. 257].

И. Я. Фойницкий полагал, что зародыш, находящийся в утробе матери, отличается от человека, и понятие «лишение жизни» принимается лишь с момента рождения. По мнению И. Я. Фойницкого, плод, пока он находится в утробе матери, еще не начал жить самостоятельной жизнью и не может быть признан членом общезития, человеком в точном смысле этого слова [7, с. 18].

И. Б. Фукс был не согласен с признанием плодоеизгнания преступлением против человеческой жизни, убийством, представление о котором базировалось на положении канонического права, считающего плод личностью, человеком. По его мнению, у плода отсутствует как самостоятельность, так и какая бы то ни было психическая деятельность. Неотъемлемым признаком человеческой жизни должно, бесспорно, считать психические функции организма, отсутствие которых являет собой безжизненность. В связи с чем, И. Б. Фукс полагал, что посягательство на лишенный психики и самостоятельности человеческий эмбрион преступлением против жизни названо быть не может. И. Б. Фукс настаивает, что взгляд на плодоеизгнание как на преступление против будущей личности должен быть категорически отвергнут.

По мнению И. Б. Фукса, плодоеизгнание не является аморальным, наказуемость его кажется неосновательной, несправедливой, ибо, если все безнравственное считалось бы преступным, то весь мир должен был бы обратиться в огромную тюрьму и все человечество - в преступников.

И. Б. Фукс ссылается на нецелесообразность и бесполезность закона о плодоеизгнании, поскольку воспринимает его как внешнюю преграду на пути к внутреннему моральному совершенствованию личности. Он утверждает, что одно внешнее выполнение, без надлежащего морального чувства, этического значения иметь не может, принудительная же система нравственности, этот напоминающий средневековое морально-религиозное воспитание при помощи костров и пыток способ упорочивания нравственных понятий преграждает доступ к высшему моральному совершенствованию, путь к которому представляет собственный, внутренний прогресс [8, с. 16].

М. Л. Олейник, исходя из того, что по общему правилу преступление это остается необнаруженным и безнаказанным, так как здесь нет пострадавших – в настоящем смысле этого слова, в чьих интересах было бы довести об этом до сведения кого следует, ставит вопрос о целесообразности (с точки зрения экономии карательных сил государства) преследования таких деяний. Кроме того, он указывает, что сохранение в законе такой нормы, которая фактически безнаказанно обходится всем, кто только пожелает, безусловно, вредит авторитету карательной власти [5, с. 113].

Историческое смешение области права с областью религии заложило законодательные основы, согласно которым намеренное прерывание беременности трактовалось как тяжкий грех, требующий, помимо церковного покаяния, уголовной ответственности.

Намеренное прерывание беременности, вытравление плода, умерщвление плода, плодоеистребление, плодоеизгнание в период Российской империи прошло путь от квалифицированного вида убийства до убийства привилегированного, т.е., как указывал И. Я. Фойницкий, объясняя разницу между этими видами убийств, превратилось из убийства тяжело наказуемого в дозволенное, хотя бы и заслуживающее наказания, но уменьшенное ввиду разных побочных причин, вызывающих его, а именно - особого состояния организма виновного [7, с. 45]. К концу XIX века оно стало восприниматься как преступление, обладающее, по сравнению с иными видами убийства, меньшей степенью общественной опасности.

Основные доводы, обосновывающие отнесение плодоеистребления к деяниям преступным, а именно убийству, было связано с восприятием зародыша, плода личностью с момента зачатия. Однако достижения в области медицины и психологии, развитие философской и юридической мысли, учет статистики, подтверждающей

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья раскрывает исторические особенности законодательства о намеренном прерывании беременности в период существования Российской империи. Рассматривается трансформация норм права об искусственном аборте от квалифицированного до привилегированного вида убийства. Значительное внимание в статье уделяется неоднозначным взглядам правоведов указанного периода на проблему правовой трактовки о намеренном прерывании беременности как об убийстве, требующем уголовной ответственности.

Ключевые слова и фразы: прерывание беременности; плодистребление; плодизгнание; аборт; греховное деяние; преступное деяние; убийство; зародыш; плод; закон; ответственность.

Воронина Галина Александровна

*Астраханский государственный университет
gavoronina@mail.ru*

**ВОПРОС О ПРЕСТУПНОСТИ ДЕЯНИЯ ПРИ НАМЕРЕННОМ ПРЕРЫВАНИИ БЕРЕМЕННОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[©]**

Прерывание беременности представляет собой одно из тех деяний, которое не только в различные исторические эпохи, но и в одно и то же время расценивалось неоднозначно. Прежде всего, это объяснялось чрезвычайно резкими противоречиями во взглядах на значение общественной опасности данного деяния на различных этапах развития общества.

История отечественного права делится на несколько периодов, одним из которых является период Российской империи, в котором, по словам правоведа М. Ф. Владимирского-Буданова, господствовал закон [2, с. 4]. Законодательные установления о прерывании беременности в Российской империи определяются во многом отношением христианской религии к этому деянию. Церковь с древнейших времен рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех.

Несмотря на то, что грех есть нарушение требований религии, а преступление есть нарушение велений закона, в истории же права представление о намеренном прерывании беременности как греховном и преступном деянии зачастую смешивалось, в связи с чем, например, к уголовным и исправительным наказаниям зачастую присоединялось и церковное покаяние.

Избавление от нежелательной беременности каралась жестоко. Это объяснялось наличием в содеянном «3-х смертных грехов»: посягательством на человеческую жизнь, лишение жертвы благодати крещения и сокрытие следов блуда [3, с. 92].

В Древней Руси прерывание беременности на любом сроке не отграничивалось от убийства новорожденных детей и входило в понятие детоубийства, которое также долгое время считалось грехом, а не преступлением. Отраженное в уставах русских князей каноническое византийское право видело в детоубийстве, скорее, не посягательство на жизнь, а на христианские устои семьи и нравственности, в связи с чем наиболее тяжким по каноническому праву считалось убийство незаконнорожденного младенца его матерью. При этом, по примечанию правоведа М. М. Боровитинова, в Российской империи на истребление плода распространялось постановление Соборного Уложения 1649 года об убийстве новорожденного «незаконно прижитого» младенца, либо постановление об убийстве родителями своих законных детей. Так, согласно Уложению, если речь шла о детях, «прижитых в блуде», то наказанием за такое преступление была смертная казнь; если совершалось убийство ребенка, рожденного в браке одним из родителей, то данное деяние считалось незначительным преступлением, требующим в качестве наказания, лишь года тюремного заключения, после чего родитель-убийца объявлял о своем грехе у церкви [1, с. 13].

Таким образом, ввиду отсутствия норм, непосредственно регулирующих прерывание беременности, можно предположить, что если у беременной женщины выкидыш случался по вине лица, не являющегося родителем ребенка, находящегося во чреве, умышленно совершившего данное деяние против желания родителей, и если при этом мать оставалась живой, то такое деяние не рассматривалось преступным. В то же время в случае наступления смерти как самого плода, так и матери неродившегося ребенка в результате такого деяния, оно рассматривалось преступным и наказывалось как за убийство женщины без учета смерти плода. Следовательно, с точки зрения права, сам плод еще не воспринимался как личность, а отнесение убийства незаконнорожденного ребенка к квалифицированным видам убийства имело главной целью преследование незаконного сожительства и блуда и лишь затем самого факта лишения жизни младенца. По мнению А. Д. Любавского, это было сделано с целью воспитания нравственности народа [4, с. 14].

Свод законов 1832 года определяет убийство ребенка, находящегося в утробе матери, таким термином, как детоубийство. Убийство младенца, уже родившегося, именовалось чадоубийством [6, с. 134]. Однако в последующем законодательстве термин «чадоубийство» более не употреблялся. Отныне одинаковые постановления применялись как к убийству незаконных, так и законных детей, согласно которым наказанием за умышленное причинение смерти малолетнему ребенку, независимо от его возраста и законности рождения, признавалось тяжким преступлением и наказывалось бессрочными каторжными работами.

возникает внутренняя отгороженность и закрытость от другого, что становится благодатной почвой для возникновения бездуховных человека и общества. В условиях безразличия к другому и страсти к удовольствиям происходит поддержание существования пороков прошлого, таких как детская проституция, садомазохистская порнография и другие формы изображения насилия, вплоть до репортажей СМИ, культивирующих националистические и милитаристские настроения.

Таким образом, анализ сущности массовой культуры позволяет нам рассматривать массовую культуру как сложный культурно-исторический феномен постиндустриального, информационного общества, характеризующийся высокой степенью динамичности, способностью трансформировать артефакты, созданные в рамках других культур и превращать их в предметы массового потребления. Отличительными особенностями массовой культуры являются: связь со средствами массовых коммуникаций как каналом распространения ее ценностей, коммерческий характер, а также способность смещать акценты, расставленные культурой, с первостепенных ценностей на ценности низшего качества.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать предположение о перспективах развития данной культуры. Исследовательская точка зрения состоит в том, что в связи с намечающимися процессами демассовизации, т.е. процессами смещения акцентов производства и услуг на индивидуально-го потребителя, массовая культура влечет за собой производство, нацеленное на удовлетворение индивидуальных потребностей человека, что способствует ее **персонализации**. Это позволяет нам сделать предположение о том, что массовая культура вступает в полосу собственного кризиса, перспективы которого пока не вполне понятны. Поэтому нам представляется целесообразным проведение дальнейших практических исследований в сфере культурологии, лингвокультурологии, а также межкультурной коммуникации. Такого рода исследования будут способствовать выявлению алгоритмов развития массовой культуры, диалектики массового и элитарного в рамках единой национальной и мировой культуры, а также выяснению причин персонализации массовой культуры.

Список литературы

1. **Аоки Т.** Япония сегодня: культура общества «промежуточного типа» // Япония о себе и о мире. 1983. № 11. С. 48-49.
2. **Воробец Л. В., Докучаев И. И.** Аксиология массовой культуры: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КНАГТУ», 2009. 109 с.
3. **Докучаев И. И.** Канон в советской культуре 1930–1950-х гг.: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КНАГТУ», 2006. 80 с.
4. **Захаров А. В.** Массовое общество и культура России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 4-5.
5. **Каган М. С.** Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
6. **Маркарян Э. С.** Культура как способ деятельности // Вопросы философии. 1977. № 11. С. 137–141.
7. **Ортега-и-Гассет Х.** Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. 704 с.
8. **Риккерт Г.** Философия жизни. Киев: Ника–Центр, 1998. 512 с.
9. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 1056 с.
10. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

MASS CULTURE AS AXIOLOGICAL RESEARCH OBJECT

Vorobets Larisa Viktorovna, Ph. D. in Culturology
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
larisa-13@inbox.ru

The author analyzes such phenomenon of modern society as mass culture from the perspective of axiology, pays special attention to the revelation of the phenomenon essence, and also the main value of the analyzed culture, namely socially marked consumption; presents her own definition of such notions as value and mass culture, and in addition comes to the conclusion about the prospects of mass culture development at the present stage of its existence.

Key words and phrases: mass culture; value; deep generating culture; socially marked consumption; creative culture; personalization; demassovization.

как неизбежная уступка человеческой природе, но ценность самого человека как такового была низкой. Всякий советский человек мечтал о комфортной жизни, но непременно признавал антиценностью, мещанством и недостойным советского человека «вещизмом» любое движение в направлении к достижению комфорта. Отсюда вытекало и чувство радости у советского человека, если вырасталось благосостояние всех, а не отдельно взятой личности [3, с. 54].

Направленность всех сил человека массовой культуры на потребление переводит естественно присущий людям эгоцентризм в эгоизм, доходя в своей логической завершенности до идеи превосходства потребляющего над всеми остальными благодаря исключительности, эксклюзивности того, что он потребляет. Этот прием широко используется в рекламе, связывая потребление определенных продуктов с особо привлекательным статусом того, кто их потребляет, как, например, в рекламе автомобиля под девизом «Toyota – управляй мечтой!».

В массовой культуре четко проявляется дифференциация полов, в связи с чем трактуется и эстетика тела человека в массовой культуре. Демонстрируя сексуальность мужчины и женщины, массовая культура воспроизводит, как рельеф мужских мускул, так и все сексуальные черты женского тела. Демонстрация сексуальности подчеркивает нацеленность массовой культуры на все, что связано с удовольствием, раскрепощением сознания, культом приобретательства. Прекрасным примером тому служит реклама, особенно подчеркивающая физиологический аспект.

Анализируя психологические особенности массового человека, можно отметить преобладание у него эмоциональности над разумностью. Процесс потребления сопровождается большей скоростью, если человек руководствуется эмоциями, а не разумом, если на первое место выходит импульсивность, а не сдержанность. Общество потребления, в котором живет современный массовый человек, культивирует эмоциональность, возвращая ее на любой пригодной для этого почве. Процесс культивирования эмоциональности происходит опосредованно, через потребление культурного продукта: литературы, музыки, живописи, фильмов и сериалов, а также через материалы, транслируемые средствами массовой коммуникации.

В современном динамично развивающемся обществе с высоким уровнем социальной стратификации, в обществе, где существует не столько проблема выбора, сколько проблема избытка выбора, массовая культура стала одним из наиболее эффективных механизмов социализации, выполняя идентификационно-ориентационные функции посредством «социально-маркированного потребления» [4, с. 4-5]. Сегодня эта культура фактически отражает вкусовую и эстетическую дифференциацию потребностей человека, а также отражает сложную общественную иерархию и через потребление закрепляет, сохраняет и воспроизводит эти отношения.

В социальной сфере типичной массовой культуры заметно ощутим рост материального благосостояния; область жизненных возможностей теперь «шире, чем когда-либо» [7, с. 59, 64]. Образовались общества массового потребления, где безработица и голод почти ликвидированы, а классовые противоречия успешно смягчаются специальными политическими мерами [Там же, с. 9, 135]. Увеличилось время, которое можно посвятить досугу, а также сократилось рабочее время. Состояние защищенности и благополучия, легкость жизни приводят к инфантильности поведения, депрессии и даже к вымиранию, поскольку защита собственного благополучия оказывается несовместимой с рождением детей (если раньше это явление можно было наблюдать только в аристократических семьях, то теперь оно приобрело массовый характер); «эпоха заблудилась в собственном изобилии» [Там же, с. 62].

На данном этапе развития общества приходится констатировать кризис социально-культурной идентичности. Благодаря мировой интеграции влияние западноевропейской массовой культуры на мировые культуры значительно возросло. Влияние Европы на них не всегда носит характер диалога. В ряде случаев данное влияние приводит к вырождению самобытности культур и даже к духовной и моральной деградации их носителей. В других случаях данное влияние превращается в откровенное или маскируемое насилие над ними со стороны евро-американских стран. В отдельных случаях традиционная культура сохраняется и модифицируется, вбирая в себя элементы креативной культуры таким образом, что оказывается способной конкурировать с последней. Наиболее ярким примером последнего является культура Японии и Южной Кореи. Так, Япония, будучи высокоразвитым индустриальным обществом, сохраняет многие черты, обычаи и традиции японского сознания, чисто азиатское чувство жизни, которое отражается и в японской массовой культуре. Т. Аоки называет подобное общество «промежуточным» [1, с. 48], где технологии, стиль жизни, пища и технологические новинки импортированы из-за границы, но синтезированы японским образом, с учетом специфики традиционной японской культуры, что и определяет в качестве ее наиболее яркой черты не оригинальность и изобретение, а синтез. Возможно поэтому, в Японии проблема семьи не стоит так остро, как в США и западноевропейских странах, ибо семья в Японии сохраняет свой социальный престиж, не препятствуя карьере или физиологическим удовольствиям. Последние не стали более ценными для самореализации, чем семья. Тоталитарный Китай, очевидно, окажется еще одним вариантом модернистской модификации традиционной культуры.

Ценность потребления ярко проявляет себя и в человеческих отношениях. Одиночество оказалось судьбой не только отдельной личности, но и разных биосоциальных и культурных групп. Изменились сами отношения между людьми. Зачастую мы можем наблюдать безразличие и равнодушие среди населения. Отношения между людьми стали приобретать все больше потребительский характер, которому присущи поверхностность и гедонизм. Человеческие отношения сейчас скорее могут быть охарактеризованы временностью, где никто ничего никому не должен. Другой становится далеким незнакомцем и, как следствие,

культуры постиндустриального общества, многие важные аспекты исследования остаются открытыми. Сложность анализа указанного феномена определяется и стремительными мутациями самого масскульта, что обуславливается феноменально быстрым развитием науки и техники, а также трансформацией общества в постиндустриальное и информационное. Сегодня массовая культура имитирует творческую активность и сложность, претендуя на способность формирования творческого сознания.

Культура как специфическая сфера бытия со всей ее многомерностью последовательно и тотально пронизана только ценностями. Ценность субъективна, директивна и интегральна, она входит в состав любой ориентации человека в окружающем его мире. Ценность есть существо человеческого бытия, она охватывает все его психосоматическое и социокультурное наполнение, переживается и эмоционально, и интеллектуально. Наш системный анализ аксиологических оснований массовой культуры строится, таким образом, вокруг понятия ценности. **Ценность представляет собой модель, глубинную, порождающую структуру культуры, ее своеобразный генетический код** [2, с. 25-27]. Ценность как идеальная модель никогда полностью не опредмечивается, но направляет любой процесс опредмечивания и задает его результат. Именно по тому, что сделал человек, можно понять, к чему он стремился.

Необходимо также отметить, что если результат деятельности многообразен, то модель одна. Она варьируется в зависимости от результатов, но ее инвариант от них не зависит. Специфика ценностей состоит в том, чтобы придать смысл человеческому бытию, обеспечить ему единство и последовательность, без которых человек просто не может жить. Ценность при этом ни в коем случае нельзя понимать как абстракцию, наоборот, она более чем конкретна, и это при том, что она идеальна.

Анализ классической и современной литературы, посвященной феномену культуры, показал, что существует огромное количество вариантов определений данного явления, что свидетельствует о повышенном интересе к проблемам аксиологии культуры. Следуя отечественной традиции, восходящей к работам М. С. Кагана и Э. С. Маркаряна, мы понимаем под культурой «совокупный способ и продукт человеческой деятельности» [5; 6]. Это определение термина «культура» включает все исходные семантические предпосылки его словоупотребления: искусственность, антропогенность, универсальность. Однако культура – это не просто человеческая деятельность и ее продукты, но **целесообразная, волевая, уникальная, социально значимая и конкретная форма осуществления человеческой субъективности**. В центре подобной уникальности располагаются ценностные модели, порождающие ее. Весь мир человека, мир его души и мир пространственного ландшафта, окружающий его тело, пронизан ценностным отношением. Такое отношение было определено М. Хайдеггером как «сущность человеческого бытия» и как «забота» [10, с. 145-147]. Это – забота о соответствии мира ценностной модели, выражающаяся в виде преобразования мира или простого его соотнесения с моделью. Г. Риккерт в своей аксиологической концепции существа человеческой истории определил роль ценностных ориентаций как ключевую и тотальную для культуры, общества и человека [8, с. 220-244]. Однако ценность – не просто элемент любого артефакта, но лишь благодаря ей можно познать целостный характер конкретного исторического типа культуры, общества и человека. Целостность ценностного отношения превращает каждый аспект человеческого бытия в часть определенной картины мира, в котором человеку уютно или привычно жить.

Ценность – это порождающая модель человеческой деятельности и его продуктов. Ценность является важнейшей формой отражения бытия, поскольку она, с одной стороны, выражает субъективный характер человека, то есть сущность, уникальность, свободу выбора сценария деятельности, и в этом приближается к художественному отражению мира, а с другой – предельно конкретизирует эту уникальность, давая человеку определенные модели деятельности, которые необходимо реализовать для того, чтобы его бытие, его история выражала именно его сущность [2, с. 38]. Но ценность – не только ключевая форма отражения бытия, она ключевая форма всей человеческой деятельности.

Массовая культура, возникшая в результате кризиса креативной культуры, представляет собой специфический способ освоения действительности, где происходит ориентация не на индивидуальное творчество, а на процессы потребления, где выбор товаров, услуг и способов осуществления активности определяется модой и рыночными законами отношения между массовым спросом и адекватным ему предложением. Это потребление органично вписывается как в схему раскрепощения и персонализации человека, так и в рамки тотального управления им и его потребностями. Можно сделать следующий вывод: все артефакты массовой культуры на всех уровнях своего бытия (на уровне деятельности их создания и потребления и на уровне продуктов этой деятельности) определяются структурой производственной деятельности. По законам рынка и моды начинают функционировать социальные институты, представляя собой исключительно институты производства и потребления, человек превращается в продукт этих институтов, как в телесном, так и в духовном аспектах своего бытия, произведения искусства и науки становятся частью технологических процессов. Так, художественное производство и потребление, научная индустрия оцениваются исключительно с помощью критериев коммерческой привлекательности и эффективности. Даже общение функционализируется в вышеуказанном направлении. Таким образом, центральной ценностью массовой культуры становится интенсивное потребление.

Современная «революция потребления», достигшая своего апогея на Западе к концу 1960-х гг., в России начала стремительно разворачиваться лишь два десятилетия назад, формируя и отстаивая ценностные установки массовой культуры, где комфорт и материальное изобилие являются главными атрибутами жизни. В эпоху тоталитарной культуры в советской России удовлетворение нужд человека признавалось

RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF UTOPIANISM IN RUSSIAN FREEMASONRY

Bren'kova Aleksandra Sergeevna

St. Petersburg State University

bylonkob@mail.ru

The author pays attention to the historical features of Freemasonry formation and development as a social movement, its significance for the cultural life of Russia, emphasizes the philosophical and religious nature of the Freemasons' Order doctrine, as well as the political aspects resulting from it, and separately analyzes the novel "Journey of Swedish Nobleman Mr. C... to the Land of Ophir" by M. M. Shcherbatov as an impressive example of Freemasons' utopian ideal realization in a literary form.

Key words and phrases: Freemasonry; universal law; mind; moral imperatives; utopianism; equality; human dignity.

УДК 008(091)

Культурология

Статья посвящена анализу такого феномена современного общества, как массовая культура, с позиции аксиологии. Основное внимание в работе автор уделяет раскрытию сущности самого явления, а также главной ценности анализируемой культуры, а именно социально-маркированному потреблению. В статье представлено авторское определение таких понятий, как ценность и массовая культура. Кроме того, сделаны выводы относительно перспектив развития массовой культуры на данном этапе ее существования.

Ключевые слова и фразы: массовая культура; ценность; глубинная порождающая культура; социально-маркированное потребление; креативная культура; персонализация; демассовизация.

Воробец Лариса Викторовна, к. культурологии

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

larisa-13@inbox.ru

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[©]

XX век – это не только век кризиса креативной культуры, но и век широкомасштабного утверждения массовой культуры, которая является формой данного кризиса, проявляющегося в процессе демассовизации [2, с. 107]. Под демассовизацией автор понимает процесс смещения акцентов массового производства и услуг на индивидуального потребителя, что ведет к персонализации артефактов массовой культуры. В настоящей статье предпринята попытка анализа феномена массовой культуры с точки зрения аксиологии, что позволит выделить доминирующую ценность массовой культуры. Для этого необходимо разобраться в том, что представляет собой такой феномен, как ценность и сама массовая культура, претендующая на роль глобальной культуры.

Актуальность проблемы массовой культуры определяется культурными трансформациями, испытываемыми обществом в течение последних десятилетий. В обществе, вступившем в новую фазу исторического развития, роль массовой культуры и круг выполняемых ею функций существенно преобразуются и расширяются, что связано с увеличением количества субъектов исторической деятельности, которые являются непосредственными носителями ценностей данного типа культуры. Массовая культура, рассматривавшаяся прежде в критическом плане, стала анализироваться как образование исторически неизбежное, органично связанное с демократическими процессами. Необходимость взвешенного анализа массовой культуры как сложного специфического социокультурного явления, а также построение морфологии массовой культуры, то есть целостного описания ее строения в условиях кризиса креативной культуры, становится особенно настоятельным.

Сложность и противоречивость массовой культуры, ее способность к трансформациям под влиянием социальных, технических, эстетических и других факторов, ее чрезвычайная мобильность и адаптационный характер обусловили возникновение потребности в комплексном научном анализе. Кроме того, продолжается процесс превращения массовой культуры в феномен общемирового масштаба, во многом под влиянием явлений глобализации, в поле воздействия которых вовлечены миллионы людей. Человечество перестало быть логическим единством и стало единством реальным [9, с. 773].

Однако, несмотря на то, что в настоящее время вопросами массовой культуры занимаются многие отечественные и западные ученые, представления которых о массовой культуре отличаются мировоззренческим и методологическим плюрализмом, признанием факта культурного многообразия как естественного состояния

Они могут стать актуальными только во время открытого существования масонства, в царствование Александра I. Эту своеобразную эволюцию масонства отмечает Т. А. Бакунина [3, с. 103], говоря о соответствии Ордена духу того времени. Возможно, стремление вольных каменщиков изменить весь мир благодаря совершенствованию отдельного человека, акцент на значимости личности и ее свободы, осмысленные с политической точки зрения, и дали возможность обвинить масонов в правительственных заговорах. Абсолютизация этих положений приводит к таким выводам: «любое национальное государство с масонской точки зрения является незаконным образованием, посягающим на целостность мира, ибо Бог дал человеку божественную свободу...» [22, с. 149]; «ближайшая задача масонства – захват в свои руки политического влияния и власти и перевоспитание общества на новых началах» [11, с. 8].

Несмотря на различные точки зрения на масонство, оно остается заметным явлением жизни русского общества XVIII-XIX веков. Мировоззрение вольных каменщиков вполне может быть названо философским [7, с. 141], а его символизм объясняется обращением не только к разуму, но и к чувствам адептов [20, с. 374]. Утопические построения масонов являлись отражением просветительского духа того времени, а общественная деятельность имела огромное значение для русской литературы, искусства, возникновения и развития философии в России.

Список литературы

1. **Аржанухин С. В.** Философские взгляды русского масонства (по материалам журнала «Магазин вольнокаменщикской»). Екатеринбург: УрГУ, 1995. 224 с.
2. **Артемьева Т. В.** Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 92 с.
3. **Бакунина Т. А.** Русские вольные каменщики // Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М.: Интербук, 1991. С. 98-115.
4. **Брачев В. С.** Между мистикой и политикой: русские масоны начала XX века. СПб.: Стомма, 2005. 354 с.
5. **Брачев В. С.** Прошлое и настоящее русского масонства (1731-2006). СПб.: Стомма, 2006. 628 с.
6. **Валицкая А. П.** Идея совершенного человека в новиковской редакции масонства // Новиков и русское масонство: материалы конференции (г. Коломна, 17-20 мая 1994 г.) / под ред. А. Г. Петрова. М.: Рудомино, 1996. С. 7-9.
7. **Вернадский Г. В.** Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. 567 с.
8. **Давыдов Г. А.** Поэзия М. М. Хераскова и религиозные искания русских масонов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / под ред. В. И. Сахарова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 130-132.
9. **Елисеев В. Н.** Масонство как проблема русской историко-философской и общественно-политической мысли XIX-XX веков: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2001. 26 с.
10. **Записки сенатора И. В. Лопухина** // Масонство и русская культура / сост. В. И. Новиков. М.: Искусство, 1996. С. 151-153.
11. **Иванов В. Ф.** Православный мир и масонство. Харбин: Изд-е Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры, 1992. 132 с.
12. **Карпачев С. П.** Масонство в России // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра? / под ред. А. А. Королева. М.: Институт молодежи, 1999. С. 38-41.
13. **Крюкова Ю. С.** Общество и масонство в России в 30-е – 90-е годы XVIII века: автореф. дисс. ... к.и.н. Ярославль, 2004. 16 с.
14. **Кутузов А. М.** Письмо И. В. Лопухину (12/23 ноября (9 декабря) 1790 г., Берлин) // Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780-1792 гг. Пг.: Изд-е Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, 1915.
15. **Кутузов А. М.** Письмо И. В. Лопухину (18 декабря 1790 г., Берлин) // Масонство и русская культура / сост. В. И. Новиков. М.: Искусство, 1996.
16. **Лонгинов М. Н.** Новиков и московские мартинисты. СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. 672 с.
17. **Лопухин И. В.** Письмо А. М. Кутузову (14 (17) октября 1790 г., Москва) // Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780-1792 гг. Пг.: Изд-е Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, 1915.
18. **Лотарева Д. Д.** Знаки масонских лож Российской империи // Соколовская Т. О., Лотарева Д. Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. С. 398-406.
19. **Новиков В. И.** Масонство и русская культура // Масонство и русская культура / сост. В. И. Новиков. М.: Искусство, 1996. С. 3-9.
20. **Осоргин М. А.** Символическое миропонимание // Масонство и русская культура / сост. В. И. Новиков. М.: Искусство, 1996.
21. **Пыпин А. Н.** Масонство в России: XVIII и первая четверть XIX в. М.: ВЕК, 1997. 496 с.
22. **Сахаров В. И.** Н. М. Карамзин и вольные каменщики: историко-биографические аспекты // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / под ред. В. И. Сахарова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 147-149.
23. **Соколовская Т.** Масонство в теории и в жизни (к характеристике русского масонства XVIII века и начала XIX-го). СПб., 1906. 18 с.
24. **Соколовская Т.** Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). М.: ГПИБ, 1999. 206 с.
25. **Соловьев О. Ф.** Масонство в мировой политике XX века. М.: РОССПЭН, 1998. 255 с.
26. **Терлецкий В. Н.** Масонство в его прошлом и настоящем. Полтава: Электрическая тип-я Г. И. Маркевича, 1911. 192 с.
27. **Трубецкой Н. Н.** Письмо А. М. Кутузову (13 марта 1791 г. (№ 5), Москва) // Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780-1792 гг. Пг.: Изд-е Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, 1915.
28. **Устав вольных каменщиков, утвержденный на всеобщем Совете Конvente, бывшем в Вильгельмсбаде в 1787 году** // Соколовская Т. О., Лотарева Д. Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. С. 343-345.
29. **Фаджонато Р.** Розенкрейцерский кружок Новикова: предложение нового этического идеала и образа жизни // Новиков и русское масонство: материалы конференции (г. Коломна, 17-20 мая 1994 г.) / под ред. А. Г. Петрова. М.: Рудомино, 1996. С. 38-47.
30. **Шестаков В. П.** Эволюция русской литературной утопии // Русская литературная утопия / сост. В. П. Шестаков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. С. 3-16.
31. **Щербатов М. М.** Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина // Щербатов М. М. Избранные труды / сост. С. Г. Калинина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 179-311.

например, благотворительностью, в духовном отношении оказывалось требованием постоянного самосовершенствования. Связь человека и мира здесь приобретает особое значение – познание и совершенствование собственной природы должно вести и к познанию окружающего мира, и приближению к Творцу. Восхождение к истине отражено и в основных масонских степенях, общих для всех систем. Они носят названия, принятые в рабочих цехах, – ученик, товарищ, мастер [16, с. 77] – и соответствуют духовному статусу человека. Орден, с его признанием глубинного равенства, открывает свои двери для всех желающих, но не только получение степени выделяет адепта; в идеале обособление масонского братства утверждалось добродетельным и высоконравственным образом жизни [18, с. 406], а система лож должна только подчеркивать внутреннее состояние, делать его более явным. Идеал отдельного человека – сделаться действительным образом и подобием Бога с Его помощью, но и благодаря усилению и желанию самого адепта: «содействовать оному должна и воля человеческая, коей свобода дана от Бога как дар величайший и особенно составляющий величие человека» [10, с. 153]. Движение к Творцу всего человечества должно начаться постепенно, само изменение общественного строя произойдет также незаметно в связи с увеличением количества «просвещенных» людей. Особенной активностью в реализации теоретических положений на практике отличались московские розенкрейцеры, или мартинисты, во главе с Н. И. Новиковым.

Отличие этого масонского направления справедливо отмечается многими исследователями. Их широкая общественная деятельность не поддается сомнению, а попытки реализации положений учения заслуживают отдельного упоминания [26, с. 64]. Просветительский пафос, обращенность к широкой аудитории, литературная и печатная активность мартинистов во многом способствовали духовному развитию российского общества. При этой мирской направленности связь с теоретическими аспектами не теряется, а служит ее главным основанием. Розенкрейцеры оказываются проводниками божественной воли, помощниками в устроении Небесного Царства совершенных людей, «апостолами истинной веры в эпоху разрушения всех духовных ценностей» [29, с. 38].

Не только мартинисты пытались осмыслить и осуществить на практике уставные догматы Ордена. Результат применения многих масонских положений в масштабе целой страны прекрасно описан в утопическом романе М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина». Хотя Офир – место вымышленное, названия ее частей и городов отчетливо напоминают российские: столица Квамо – Москва, Перегаб – Петербург, Олботская область – Тобольская губерния, Тервек – Тверь и так далее. Как замечает сам автор, страна эта примечательна, прежде всего, своим мудрым правлением, где «власть государская соображается с пользою народною, вельможи имеют право со всей приличной смелостью мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано от царского двора, и истина имеет в оный невозбранный вход, в коем законы сделаны общим народным согласием» [31, с. 180], к тому же последние постоянно корректируются. Страна разделена на части согласно плотности населения, географическим условиям, экономической целесообразности. Местное самоуправление достаточно развито, больших городов немного. Как и при административном делении, при утверждении законов также необходимо учитывать «природные» условия, чтобы установления были ближе к духу народа и охотнее выполнялись. М. М. Щербатов потому считает предпочтительным монархическое правление, что оно наиболее приближено к нравам и обычаям. Церковь является частью государственной системы, она выполняет функцию помощника в нравственном воспитании, которое должно являться одновременно и воспитанием идеального гражданина. Надпись в здании храма, которое теряется на фоне высотных государственных учреждений, вполне соответствует определению Бога в масонских документах. Господь «превечный, всемогущий, всевидящий, правосудный, всеустраивающий, всемилющий, везде присутствующий» [Там же, с. 205]. Он является источником законов, которые имеют форму нравственных императивов. Благодаря достаточному просвещению и образованию граждан каждый случай «развратных нравов» попадает в разряд преступлений, и «благочинные», сотрудники полиции, налагают за это наказание, соразмерное совершенному деянию. Воровства, например, в принципе не бывает, хотя храмы стоят открытые, не говоря уже про убийства.

Утопию М. М. Щербатова можно вполне назвать масонской, в ней нашли отражение основные идеи Ордена. Но Офирская земля не плод простого воображения, а последовательное воплощение в жизнь тех идей, которые были глубоко продуманы автором в предыдущих работах. Безусловно, утопическое государство Щербатова находится «вне времени», так как его граждане не стремятся к контактам с соседями, опасаясь нарушения установленного непротиворечивого строя жизни. Т. В. Артемьева видит в этой стройной замкнутой системе «просветительское стремление видеть все отчетливым» [2, с. 58], называет утопию мыслителя непривлекательной именно благодаря ее статичности. Нереальность Офирской земли не только в ее идеальном, с точки зрения автора, устройстве, но и в одномоментном принятии единого закона целой страной, от императора до крестьянина, причем с внутренним пониманием его необходимости и божественной освященности. Этой утопической страной могла бы стать Россия, если бы реформы, предложенные М. М. Щербатовым, осуществились. Ни о каких революционных потрясениях здесь и речи не идет, некоторые исследователи [30, с. 16] даже отмечают консервативный характер убеждений автора. Масонская утопия открыто показывала стремления просвещенной части населения, а также постепенное обращение ее к политическим вопросам.

Произведение М. М. Щербатова относится к 1784 году. В нем присутствует в качестве идеала просвещенная монархия, построение общества – согласно здравому смыслу, действия людей – в соответствии с нравственными законами. Сама страна строится по принципу семейному (монарх – любящий отец своим подданным), по которому функционируют и масонские ложи, являющиеся по сути своей «своеобразными макетами мира в его человеческом измерении» [6, с. 9]. Политические проблемы слабо интересуют автора.

резонанса. Но тем не менее на данном этапе развития российского общества у просвещенных людей не было иной альтернативы, так как масонство было отражением их внутренних потребностей и первым примером подобного рода объединений [13, с. 16] в стране вообще. Конечно, запрет тайных организаций не привел к полному их исчезновению, что обусловило расцвет масонства в царствование Александра I. Но в 1822 году вновь издается запрещающий указ, который затем будет повторен в 1826 г. Согласно ему, от масонов и не масонов требовались подписки о непринадлежности впредь к ложам и тайным обществам, и ложи должны быть закрыты [21, с. 398]. Снова политические обстоятельства вынуждали Орден переходить на «подпольное» существование. Но, как отмечают исследователи, если сразу после 1822 года их деятельность, в первую очередь, в общественных комитетах и организациях объективно способствовала разработке и проведению реформ в России, то уже к середине XIX века происходит постепенное угасание движения, а к 1850 году относится последнее ритуальное посвящение [5, с. 273]. Даже если утверждать, что в течение всего XIX века масонство продолжало тайно существовать и позднее открыто заявило о себе на рубеже XIX-XX веков [9, с. 3], то это была уже совсем другая организация, отличная от первоначальной.

Причиной популярности масонства являлись не только внешне привлекательная таинственность и обрядность, берущие свое начало от строительных средневековых гильдий. Акцент на нравственных установках, внимание к человеку, чье существование неотделимо не только от общества, но и от мира в целом, предопределили успех Ордена.

В основе мировоззрения масонов лежит представление об общем для всех законе, носящем, прежде всего, нравственный характер. Исполнение его является обязательным для всех людей, которые перед ним равны вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств. Но масонская идея равенства ограничивалась признанием в каждом человеческого достоинства, как бы низко ни было его общественное положение. Это вовсе не означает стремления к воплощению полного равноправия в социальном смысле, а только призыв к общему следованию нравственным императивам во имя всемирного благоденствия: «горе земле, в которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляют гражданами и делами!» [14, с. 31]. Из равенства всех людей следует как практический вывод помощь нуждающимся. Масоны были противниками пожизненных наказаний, для облегчения участи заключенных в их рядах была широко развита тюремная благотворительность. Уважение, любовь к каждому отдельному человеку находили отражение и в жалости к «братьям нашим меньшим» – животным. Как отмечает Т. Соколовская, художник Ольшкевич воспитывал всех находимых им заброшенных кошек; он всем извозчикам читал проповеди о жестокости истязать и бить кормильцев их – лошадей; профессор Мудров даже «забеглую собаку» не позволял тронуть, прибить и запрещал ставить в доме своем мышеловки [23, с. 16]. Конечно, при таком положении вещей естественной была веротерпимость масонов, в том числе и внутри самих лож. Но сам Орден стоял выше какой-либо конфессии, его братство охватывало всех, что, впрочем, не означало отсутствия возможного конфликта между их догматикой и ритуалом. Некоторые исследователи отказывают масонству в наличии конкретного вероучения, признавая, однако, строгую внутреннюю дисциплину в соответствии с добровольно принятыми уставными документами [25, с. 4]. Однако первое клятвенное обязательство, как гласит «Устав вольных каменщиков, утвержденный на всеобщем Совете Конвента, бывшем в Вильгельмсбаде в 1787 году», должно быть данным Богу, а любовь и сострадание являются основанием «святой религии сей» [28, с. 345].

Близость масонства к христианской религии отмечается многими исследователями, при этом очевидно, что для самих последователей проповедуемые ими взгляды и есть истинное христианство [1, с. 209]. Конечно, заповеди добра, равенства, любви, непрятия войны имеют непосредственное отношение к этой религии. Но масонство отличает стремление к гармоничному сосуществованию человека и общества, личности и государства, поэтому связь религиозных императивов и гражданских добродетелей становится неразрывной: «кто не точно христианин, тот не может быть ни добрый гражданин, ни верный подданный, ни добродетельный друг царя, отечества и человек» [27, с. 105]. Разумеется, для Ордена была характерна критика жизненных реалий, поэтому возможны высказывания, что масонское «религиозно-мистическое мировоззрение было направлено резко против существующего в России порядка» [8, с. 132], но это вовсе не означает призыва к вооруженному мятежу. Признание всеобщего закона предполагало и утверждение, что единственный гарант его исполнения (самодержавный государь) гораздо рациональнее, чем многочисленные чиновники, произвол которых масоны критиковали. Однако наличие обвинений в антиправительственном характере Ордена подтверждается необходимостью оправданий с точки зрения «святой религии»: «Где яснее и основательнее говорится о нужде правительств, о повиновении, о подчинении, как в христианском учении?» [17, с. 17]. К оправдательному приговору склоняется и А. Н. Пыпин, проанализировав судопроизводственные документы по делу масонов. По его мнению, преданность подследственных власти не вызывает сомнений, они «совершенные агнцы в делах политических» [21, с. 283]. На этом фоне имеют место и суждения такого рода: «Масонство – непримиримый враг христианства. Оно составляет своей целью разрушение Церкви, войну со всеми религиями, потрясение основ национальной христианской государственности и организацию революций во всем мире» [4, с. 35]. Практическая составляющая в масонском учении занимала, безусловно, видное место, но даже в период своего расцвета Орден не обладал ни теоретическими основаниями, ни реальными возможностями для осуществления заявленных выше действий.

Необходимость активной позиции как в отношении собственного внутреннего усовершенствования, так и реализации нравственных императивов в поступках для масонов была очевидна: «теоретическое христианство без практики есть уголья, собираемые на главу мою; но практическое христианство есть истинный бальзам, проникающий все наше существо» [15, с. 207]. То, что по отношению к обществу оборачивалось,

**TYPICAL FEATURES OF SQUARES ARCHITECTURAL ENSEMBLES
OF TOWNS PUBLIC CENTERS FORMED AS PLANTS ON THE BASIS OF REGULAR PLANS
(THE LAST THIRD OF THE XVIIITH - THE LAST THIRD OF THE XIXTH CENTURY)**

Bondarenko Tat'yana Viktorovna, Ph. D. in Art Criticism
Institute of Architecture and Design
Altai State Technical University named after I. I. Polzunov
Bondarenko.tv@mail.ru

The author analyzes the features of the squares architectural ensembles of public centers in towns-plants on the basis of regular plans, believes that the planning principle of squares forming during that period is classicism with understanding the town as a complex, but single social, economic and artistic organism, and comes to the conclusion that the Siberian architects turned squares into the works of town planning art by means of the revelation of space and the creation of distant visual perspectives.

Key words and phrases: architectural-artistic image of town; architectural ensemble of square; town planning development; cult constructions; Siberian towns; plant square; industrial architecture.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье обращается внимание на исторические особенности возникновения и развития масонства как общественного движения, его значение для культурной жизни России, делается акцент на философский и религиозный характер учения Ордена вольных каменщиков, а также вытекающие из него политические аспекты. Отдельно анализируется роман М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» в качестве яркого примера реализации масонского утопического идеала в литературной форме.

Ключевые слова и фразы: масонство; всеобщий закон; разум; нравственные императивы; утопизм; равноправие; человеческое достоинство.

Бренькова Александра Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
bylonkob@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УТОПИЗМА
В РУССКОМ МАСОНСТВЕ[®]**

Наиболее известное общественно-религиозное движение в XVIII веке – Орден вольных каменщиков, или масонство. В Россию оно начинает проникать в начале царствования Петра I, очевидно, не только через иностранцев, приезжающих в Петербург, но и через русских, которые сами экспортировали его из-за границы. Усиление европейского влияния совпало с появлением высокообразованного, преимущественно дворянского, слоя, который привнес элемент инициативы в российскую общественную жизнь. На фоне кризисных явлений в самом обществе масонство, по мнению В. И. Новикова, являясь проявлением внецерковной религиозности, «с одной стороны, было реакцией на широкое распространение европейской атеистической философии, а с другой – вызвано на свет тем, что церковь утратила свою роль главной духовной силы» [19, с. 7].

К 1770-м годам это общественное движение являлось самым многочисленным в стране, охватывая практически все крупные города России, при этом большинство исследователей отмечает его «дворянско-сословный» характер. Однако это вовсе не значит, что масонство было однородным. Как и в Европе, оно являлось конгломератом различных лож, связанных между собой общими принципами, но не составлявших единую систему. В «теоретической» части, благодаря разнообразию происхождения лож, также имелись некоторые отличия. Большим успехом пользовалась в России шведская система, представлявшая собой иерархически-патриархальную организацию, включавшую так называемое «строгое послушание», то есть безусловное повиновение младших членов братства старшим [24, с. 53]. В 80-е годы центральное место среди масонских систем заняло розенкрейцерство, наиболее известным представителем которого был Николай Иванович Новиков. Масонские идеи находят отражение в литературе, архитектуре, живописи, печатном деле. Но такое благодеяние Ордена продлилось относительно недолго. В 1792 году последовал запрет на деятельность тайных обществ. Большинство исследователей сходится во мнении, что главной причиной этого запрета было недовольство Екатерины II контактами Н. И. Новикова с наследником престола Павлом [12, с. 41]. Возможно, это и являлось основной причиной, но далеко не единственной. Прежде всего, необходимо отметить то обстоятельство, что отношение к масонству в обществе вовсе не было позитивным. Тайность Ордена, некоторая его элитарность вызывали неприязнь, умело подогревавшуюся литературной деятельностью самой императрицы. Поэтому запрет на деятельность масонских лож не мог вызвать широкого общественного

На регулярном плане Змеиногорского рудника [9, д. 1360, л. 27], в самом центре выделяется большая площадь без названия с каменной церковью Преображения Господня. Напротив церкви (на площади) – «памятник выкладенной из камня намошь престола прежде бывшей деревянной церкви обнесённой деревянною решёткой на каменном цоколе». Вокруг площади расположены постройки: лаборатория, кузница, кладовая, полиция, сарай, конторы, гауптвахта, конюшня, провиантские магазины, важня. До середины XIX века Змеиногорск играл важную роль в рудной промышленности России. В начале XIX века «рудник Змеиногорский составлял красоту Колыванских рудников, ибо все, что ни находимо теперь редкого и богатого в прочих рудниках, в нем одном заключалось. Самые богатейшие золотые, серебряные и медные руды встречаемы были в нем в необъятном количестве...» [10, с. 83]. Змеиногорск представлял собой длинный ряд домов, тянувшихся на слегка покатой равнине. Перед городом размещался Горный пруд, образуемый разливом двух речек – Змеевки и Платинки, и впадающий в реку Корбалиху.

Для плана Колывани данного периода характерны рациональность и прямоугольность в расположении улиц и площадей. В центре плана 1834 года [9, д. 1360, л. 37] Колыванского завода размещена Приходская площадь, доминантой которой является Деревянная церковь Воскресения Христова. Вокруг площади размещаются: конторы, сарай, провиантский и материальный магазины, места, занимаемые частным строением и казёнными квартирами для чиновников. На плане существует земляной вал со рвом и заводской пруд.

План Павловска 1834 года [Там же, л. 12] является характерным для данного периода. В центре плана – приходская площадь, больших размеров с деревянной церковью во имя введения Пресвятой Богородицы. Казённые каменные строения: сереброплавильная фабрика, корпуса для цилиндрических машин, рудоприёмная. Казённые деревянные строения: заводская крепость, сливной мост, «площадь для положения руды, угля и прочаго», каналы для провода воды на действующую машину и стока воды. Всего на плане выделено три площади: приходская, торговая и заводская. На торговой площади и вокруг неё – «места, занимаемые партикулярным строением и казёнными квартирами для чиновников». Заводская площадь не сохранилась, на её территории осталась плотина, отреставрированная к празднованию двухсотлетия Павловска. Приходская площадь и деревянная церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы не сохранились.

План Павловска 1889 года утверждает принцип регулярности: прямые улицы и чёткие квадраты площадей. В архитектурный ансамбль заводской площади входили сереброплавильная фабрика, кузница, весы, ледник, контора. Базарная площадь включала в свою структуру часовню, казённые здания, торговые лавки. Базарная площадь в настоящее время преобразилась и благоустроилась, она является административным центром городского поселения.

Своеобразным этапом формирования площадей является период капиталистических отношений в экономике Сибири. Со второй половины XIX века наблюдается спад горнозаводского производства. В данный период в старой части городов прослеживаются черты лишь некоторой преемственности – неизменной остаётся сетка улиц и положение старых площадей. Для архитектуры городов-заводов уже не характерен ансамблевый подход в застройке. Исследователь А. Н. Петров отмечает: «во второй половине XIX века был совершенно позабыт опыт целостной застройки города. Не было создано ни одного архитектурного ансамбля...» [5, с. 205].

В заключение можно отметить, что для градостроительства этого периода характерен взлёт классического стиля, оказавшего решающее влияние на формирование художественного облика горных городов и городских поселений Западной Сибири. В это время созданы лучшие архитектурные ансамбли площадей городов Сибири, это уникальные архитектурные ансамбли русского классицизма.

В архитектурных ансамблях площадей Барнаула, Змеиногорска, Колывани, Павловска последней трети XVIII – первой трети XIX в. преобладал горизонтально–пространственный акцент, характерный для классицизма, но ансамбли включали и вертикальные мотивы – обелиски, главы и колокольни культовых построек.

Список литературы

1. Баландин С. Н. Архитектура Барнаула. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1974. 112 с.
2. Бондаренко Т. В. Структурные особенности соборных площадей Сибирских городов (последняя треть XVIII – последняя треть XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 46-49.
3. Бондаренко Т. В. Феномен исторической и художественной ценности архитектурного ансамбля площади в структуре сибирского города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 25-38.
4. Бунин А. В., Круглова М. Г. Архитектурная композиция городов. М., 1940. 192 с.
5. Петров А. Н., Зомбе С. А., Сытина Т. М. Градостроительство // История русского искусства. М., 1961. Т. 4.
6. Степанская Т. М. Архитектура Алтая XVIII – начала XX в. Барнаул: АРТ, 1995. 300 с.
7. Степанская Т. М. Памятники градостроительства и архитектуры Алтайского края: кат. Барнаул, 1990. 62 с.
8. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 50. Оп. 13.
9. ЦХАФАК. Ф. 50. Оп. 21.
10. Шангин А. А. Описание Колывано-Воскресенских рудников, с практическими замечаниями, в рассуждении производства различных работ, и с планами рудников. М., 1808. 84 с.

ансамблей площадей сибирских городов как важнейших градообразующих компонентов городского пространства. Задачи исследования – проследить и изучить историю особенностей планировочного развития архитектурных ансамблей площадей городов Сибири, сформировавшихся как заводы.

В первой трети XIX века «на Урале и в Сибири сложилась самобытная ветвь русского классицизма – промышленное зодчество» [6, с. 34]. В архитектуре Барнаула, Змеиногорска, Колывани, Павловска последней трети XVIII – первой трети XIX в. прослеживается рационализм и утилитарность, так как зодчие сибирских заводов были воспитанниками Академии художеств и практическими учениками К. И. Росси.

В целом архитектуре классицизма свойственны строгие симметрично-осевые композиции, логика четких планов, сдержанность декоративного убранства, регулярная система планировки городов, ансамблевость: «... в начале XVIII века многие уральские, а вслед за ними и сибирские заводские поселения представляли собой подлинно регулярные образования» [7, с. 35]. На архитектуру городов-заводов оказало влияние несколько факторов: «массовая перестройка русских городов на рубеже XVIII–XIX вв., взлет русской культуры, рожденный национальным общественным подъемом в связи с победой в Отечественной войне 1812 г.» [6, с. 34].

Многочисленные планы данного периода определяли процесс формирования архитектурно-планировочной структуры площадей общественно-административных центров городов Сибири. Наиболее четко принципы классицизма в планировке улиц и площадей и их эволюция прослеживается на примере города Барнаула, так как он является ярким примером города-завода, а его планировка не претерпела коренных преобразований с периода становления города. Этот факт подтверждают проектные планы 1789 г., 1803 г., 1820 г., 1826 г., 1837 г., хранящиеся в ЦХАФАК.

В первую треть XIX века растёт экономическая база Барнаула, фундаментом которой было горнозаводское производство. Барнаульские площади в начале XIX века представляли собой подлинно регулярные образования – сформировался тип квартала с правильной разбивкой и однотипными строениями, стоящими по линии улицы. Первая треть XIX века, а также 1830-40-е годы – это период в Барнаульском зодчестве, оставивший наибольшее число архитектурных памятников. На плане горного города Барнаула, снятого в 1856 году [8, ед. хр. 7], обозначено пять площадей: Демидовская, Соборная, Торговая, Соляная, Сенная.

В первой половине XIX века в Барнауле сформировалось четыре площади: Хлебная (Соляная) (ныне не существует), Сенная (Покровская) (ныне не существует), площадь перед церковью святого Дмитрия Ростовского (Спартак) и Демидовская (с 1926 года – Революции, затем – Пионерская, в настоящее время – Демидовская) (ансамбль площади – памятник республиканского значения). В некоторых источниках Демидовская площадь именуется «площадь со столпом».

История создания Демидовской площади началась с заседания Горного совета 20 февраля 1818 года. На этом заседании было принято предложение начальника Колывано–Воскресенских заводов П. К. Фролова о строительстве в Барнауле госпиталя, училища с сиротским приютом и богадельни с церковью, а также памятника в честь столетия горнозаводского дела на Алтае. Автор планировки площади – А. И. Молчанов. Ансамбль Демидовской площади сложился в 1819-1852 годы. Функция – административная. Архитекторы – А. И. Молчанов, Я. Н. Попов, Л. И. Иванов, И. Н. Шрейбер, И. М. Злобин.

Площадь сложилась на левом заболоченном берегу пруда у северного конца заводской плотины. Это место было свободно от застройки, разрушенной и унесённой водными потоками реки Барнаулки во время наводнения 1793 года. Демидовская площадь – это удивительный и поучительный пример преемственности в воплощении первоначальной градостроительной идеи. В 1862 году Демидовская площадь приобрела законченный архитектурный облик. На площади, каждое здание, решенное индивидуально, составляло элемент комплексной застройки. Пространство площади было тесно связано с окружающим ландшафтом: площадь включала в свою пространственную организацию элементы природы и городской застройки.

Демидовскую площадь проектировали и строили специалисты, получившие образование в Петербурге. Появление профессиональных зодчих в сибирских городах России связано с открытием архитектурного класса в Императорской Российской Академии художеств Петербурга [6, с. 145-161]. Заслуга заводских архитекторов – в соединении пространства площадей и улиц в целостный организм. Памятником архитектуры русского классицизма следует считать архитектурный ансамбль столичного размаха, включающий в себя Соборную площадь, Петропавловскую улицу, площадь сереброплавильного завода и Демидовскую площадь. В Барнаульском архитектурном ансамбле прослеживается горизонтально-пространственный акцент, характерный для классицизма. Но ансамбль включал и вертикальные мотивы – это культовые сооружения на площадях и обелиск Демидовской площади.

Со второй половины XIX века наблюдается спад горнозаводского производства. На смену регулярной застройке приходит стихия частной собственности. Барнаул приобретает иные административные и торгово-экономические функции. К сожалению, в капиталистический период для Барнаульской архитектуры уже не был характерен ансамблевый подход к застройке. Вторая половина XIX века не дала городу ни одной площади, а возведённые здания поражают многообразием стилей и даже отсутствием таковых.

В первой половине XIX века формируется исторический центр Змеиногорска, сохраняющий значение центра и по сей день. Змеиногорский общественный центр не связан с понятием геометрически правильной площади, характерной для других рассматриваемых городов. На его территории в шахматном порядке расположены: контора Змеиногорского рудника, дом горных офицеров, музей горного дела. На рубеже XIX–XX столетий расширяется торговая площадь, строятся лавки купцов Рождественского, Огуровой.

Правила формирования площадей на основе регулярных планов городов были общепринятыми – они зарождались как религиозные, торговые и общественные. Но в разные периоды своего существования площади использовались в зависимости от их функционального назначения, происходит выделение их различных типов: административные, гостинодворские, базарные, сенные, конные, соборные, казацки с плацами для парадов, арсенальные, адмиралтейские.

Список литературы

1. **Бондаренко Т. В.** Структурные особенности соборных площадей сибирских городов (последняя треть XVIII – последняя треть XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27). Ч. II. С. 46-49.
2. **Бондаренко Т. В.** Феномен исторической и художественной ценности архитектурного ансамбля площади в структуре сибирского города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). Ч. III. С. 25-38.
3. **Бунин А. В., Круглова М. Г.** Архитектурная композиция городов. М., 1940. 192 с.
4. **Образцовые проекты: разделение городских кварталов на обывательские дома:** альбом / сост. Л. Е. Чернозубова // Архитектурное наследие. 1963. № 15.
5. **Оглы Б. И.** Формирование центров крупных городов Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. 118 с.
6. **Туманик А. Г.** Архитектура православных кафедральных храмов Сибири второй половины XIX века: учебное пособие для вузов. Новосибирск: НГАХА, 2003. 311 с.
7. **Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК).** Ф. 50. Оп. 13.

**QUESTIONS OF CLASSICAL ARCHITECTURAL ENSEMBLES COMPOSITION
OF SQUARES IN TOWNS FORMED AS FORTRESSES
(THE LAST THIRD OF THE XVIIITH – THE LAST THIRD OF THE XIXTH CENTURY)**

Bondarenko Tat'yana Viktorovna, Ph. D. in Art Criticism
Institute of Architecture and Design
Altai State Technical University named after I. I. Polzunov
Bondarenko.tv@mail.ru

The author analyzes the questions of the compositional construction of classical architectural ensembles in fortress towns, believes that prospective regular plans included the formation of the compositional-semantic core of a town center, which was a multi-functional square or a system of squares, and reveals the regular occurrence of the large-scale stone temple in the square that served as a dominant architectural and town planning ensemble of the central square and town in whole.

Key words and phrases: architectural-artistic image of town; architectural ensemble of square; town planning development; cult constructions; Siberian towns; fortress; square.

УДК 72

Искусствоведение

В статье проанализированы характерные черты архитектурных ансамблей площадей общественных центров городов-заводов на основе регулярных планов. Автор считает, что планировочный принцип формирования площадей данного периода – классицизм, с пониманием города как сложного, но единого социального, хозяйственного и художественного организма, и приходит к выводу, что сибирские зодчие посредством раскрытия пространства и создания далеких зрительных перспектив превращали площади в произведения градостроительного искусства.

Ключевые слова и фразы: архитектурно-художественный облик города; архитектурный ансамбль площади; градостроительное развитие; культовые сооружения; сибирские города; заводская площадь; промышленное зодчество.

Бондаренко Татьяна Викторовна, к. искусствоведения

Институт архитектуры и дизайна

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

Bondarenko.tv@mail.ru

**ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ ПЛОЩАДЕЙ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРОВ ГОРОДОВ, СФОРМИРОВАВШИХСЯ
КАК ЗАВОДЫ, НА ОСНОВЕ РЕГУЛЯРНЫХ ПЛАНОВ
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX В.)[©]**

Актуальность темы исследования определяется необходимостью сохранения своеобразного архитектурно-художественного колорита городов Сибири. Цель исследования – доказать неповторимость архитектурных

Главные кафедральные храмы городов Сибири возводились на свободных пространствах малоосвоенной зоны городской территории, которая лишь в перспективе должна была быть преобразована в территорию нового центра общегородского значения. К 1842 году официальный и деловой центр Томска начинает перемещаться к югу – на Верхнюю и Нижнюю Елань, где формируется Соборная площадь, доминантой которой является кафедральный собор во имя Святой и Живоначальной Троицы (Свято-Троицкий). Планом 1830 года под территорию соборной площади был отведён участок «у самой границы существовавшей тогда городской застройки, в берёзовой роще, против единственных тут построек – военных казарм» [6, с. 93].

На плане обозначены четыре приходские площади (одна площадь – справа от реки Ушайки, а три – слева от неё). Все они однотипные: имеют квадратную форму, композиционный центр площади – церковь. К середине XIX в. приходские площади стали называть именами церквей, располагающихся на площадях. План 1830 года организовал Томск в единое целое. Всего в городе насчитывалось тринадцать культовых сооружений, которые являлись композиционными доминантами почти всех площадей города. Томским площадям характерно логичное распределение архитектурных форм в ансамбле – противопоставление нарядных монументальных главных общественных сооружений простой рядовой застройке, усиливающей художественную выразительность архитектурного ансамбля в целом. «Хотя Томск оказался после прокладки железной дороги в стороне от основного хозяйственного русла, он сохранил роль торгового города. Вместе с тем Томск, будучи форпостом российской культуры... формируется... как учебный, научный и культурный центр Сибири» [5, с. 38].

В конце XVIII – начале XIX в. динамика развития городской застройки Омска оставалась слабой из-за преобладания в Омске военно-административной функции. Но структура первого регулярного Омска 1770-го года определила направления развития города. В 1804 году Омск приобретает статус уездного города, а в 1822 году становится административным центром Омской области, войдя в структуру Западносибирского генерал-губернаторства. К концу первой трети XIX в. Омск – важнейший административный и торговый центр Сибири, так как основная магистраль Сибири (Великий Сибирский тракт) переводится с севера в Омск.

К концу первой трети XIX в. по генеральному плану Омска, выполненному В. И. Гесте в Петербурге в 1820-е годы, получает развитие принцип регулярной разбивки кварталов, разрежаемых площадями: соборными (для приходских церквей) и торговыми (для базаров). Ильинская площадь (позже – Республики, В. И. Ленина) сформировалась в последней трети XVIII в. как соборная в Ильинском форштадте. На правом берегу Оми формируется Базарная (со временем – Ф. Э. Дзержинского.) В XVIII-XIX вв. существовала ещё одна Базарная площадь (в настоящее время – сквер М. А. Врубеля), в начале XIX века сформировалась Почтовая площадь (не сохранилась). В 30-х годах XIX в. между Ильинским форштадтом и Казачьей слободой формируется Казачья (Никольская) площадь. Во второй половине XIX века на месте бывшей крепостной эспланады Омска сформировалась Главноуправленская площадь (Соборная, Орджоникидзе, Центральная).

Ильинская площадь сформировалась как соборная в Ильинском форштадте. В структуру площади входили: каменная Ильинская церковь, деревянный полевой госпиталь, гостинный двор, провиантский магазин, ратуша, частные дома. В 1781 году близ деревянной Ильинской церкви начала возводиться каменная Пророко-Ильинская церковь по инициативе генерал-поручика и кавалера Н. Г. Огарева. Радикально изменяют свое местоположение городские центры в пространстве городской застройки. Так, центральный ансамбль Омской площади переносится в глубину левого берега реки Омь, пустынный район между Ильинским форштадтом и Казачьей слободой.

К 1810 году в Бийске было три площади, доминантами которых были две каменные и одна деревянная церкви. В архитектурные ансамбли площадей входили строения: каменная денежная кладовая, ветхие деревянные присутственные места, комендантский и офицерские дома, казармы для солдат, магазины (соляной и винный), госпиталь, артиллерийский арсенал, пороховой погреб и дома рядовой застройки (не более 350). Бийская крепость в составе ряда других сибирских крепостей была возведена в ранг «штатных» городов.

В 1827 году Бийск утвердился в положении уездного центра Томской губернии, а в 1848 году Бийская крепость была упразднена сенатским указом. На планах города Бийска – геометрическом [7, ед. хр. 78, План города Бийска Бийского уезда геометрический специальный], ситуационном [Там же, ед. хр. 77, Ситуационный план города Бийска] и других планах города [Там же, ед. хр. 75, План Бийска Бийского уезда, ед. хр. 76, План Бийска Бийского уезда, ед. хр. 79-б, План Бийска (одна часть)] – видно, что городская территория Бийска делится на три части: город, крепость и форштадт. К крепости и форштадту с западной стороны прилегает болотистая местность. Близ Базарной площади протекает безымянный ключ, впадающий в Бию.

План 1834 года [Там же, ед. хр. 71, План Бийска Бийского уезда (1834)] предусматривал в центре Бикатунской крепости наличие крепостной площади больших размеров, по периметру которой размещались солдатские казармы, арсенал, корпус для офицеров, тюремный острог. Композиционный центр и доминанта площади – культовая постройка. Крепостная площадь выполняла административную, торговую и соборную функции. С восточной стороны крепости, у въезда в главные ворота, располагался посёлок с обширной площадью. Функция площади – торгово-хозяйственная. На проектном плане 1868 года [Там же, ед. хр. 79, План Бийска Бийского уезда (1868)] выделены четыре площади: три существующих, архитектурный ансамбль четвёртой площади только в проекте.

В капиталистический период быстрыми темпами развиваются торгово-рыночные площади, вокруг которых формируются торговые улицы. Для капиталистического города площадь являлась лишь участком земли, не приносящим дохода.

В заключение можно отметить, что становление площадей происходило на основе регулярных планов, вследствие реализации которых к началу XIX в. сформировалась зрелая планировочная структура западносибирских городов, основанная на рациональности и точности прямоугольно-параллельной системы кварталов, улиц и площадей.

УДК 72

Искусствоведение

В статье проанализированы вопросы композиционного построения классицистических архитектурных ансамблей на территории городов-крепостей. Автор считает, что перспективные регулярные планы предусматривали формирование композиционно-смыслового ядра городского центра, являвшегося многофункциональной площадью или системой площадей, выявляет закономерность расположения на площади крупномасштабного каменного храма, служившего доминантой архитектурно-градостроительного ансамбля центральной площади и города в целом.

Ключевые слова и фразы: архитектурно-художественный облик города; архитектурный ансамбль площади; градостроительное развитие; культовые сооружения; сибирские города; крепость; площадь.

Бондаренко Татьяна Викторовна, к. искусствоведения

Институт архитектуры и дизайна

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

Bondarenko.tv@mail.ru

ВОПРОСЫ КОМПОЗИЦИИ КЛАССИЦИСТИЧЕСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ ПЛОЩАДЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДОВ, СФОРМИРОВАВШИХСЯ КАК КРЕПОСТИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)[©]

В процессе территориального роста городов Сибири необходимо сохранить и адаптировать исторически сформировавшиеся архитектурно-художественные ансамбли площадей в современную городскую структуру. Цель исследования – выявить своеобразие архитектурных ансамблей площадей сибирских городов. Задача исследования – проанализировать историю регулярно-планировочного развития архитектурных ансамблей площадей городов Сибири, зародившихся как крепости.

На рубеже XVIII-XIX веков велась коренная перестройка городов Сибири. В первой половине XIX века Кабинетом разрабатывается огромное количество планов для западносибирских городов, которые являлись важными документами для городского строительства. Наиболее часто использовались образцовые проекты планировок площадей архитектора В. И. Гесте [4, с. 90].

Со второй половины XVIII века в России начинается этап формирования классицизма, стремящегося к формам античного зодчества как к эталону, в котором архитекторы видели гармонию монументальности. «Искусство строить и украшать города зародилось в глубокой древности... человек... стал требовать от необходимых ему построек и их сочетаний не только удобства и прочности, но и эстетической выразительности – красоты» [3, с. 3].

Правила формирования площадей в западносибирских городах были общепринятыми, за исключением некоторых особенностей. Большое значение в застройке и ландшафте западносибирских городов имели реки, плотины, заводские постройки. Площади воспринимались в соседстве с промышленными постройками и культовыми сооружениями. За культовыми сооружениями сохранялась особая роль в решении градостроительных задач. Как правило, площади формировались около церквей, которые стремились возводить на некоторой возвышенности. Ещё мастера Древней Греции «увеличивали высоту относительно невысоких храмов, устраивая для них стилобаты» [Там же, с. 9].

Значительную роль в формировании площадей западносибирских городов наряду с храмами во второй половине XVIII века начинают играть гостиные дворы и торговые ряды, выполненные из камня. «Эти объекты, предназначенные для торговли... занимали господствующее положение в застройке центральных торгово-общественных площадей» [5, с. 14]. Площади выполняли торговые и общественные функции, а связывали их в пределах городской территории главные улицы, которые в данный период времени являлись лишь продолжением основных дорог. «Улицы центральных районов городов застраивались более добротными жилыми домами» [Там же, с. 23].

В начале XIX века Томск выполнял сразу три функции: административную, торгово-промышленную, транспортную. Томск – центральный торгово-транспортный узел Великого Сибирского тракта. В первой трети XIX в. стремительно растёт экономическое развитие Томска. Причина тому – промышленная разработка месторождений золота. «Золотая лихорадка» середины XIX в. оставила значительный след в архитектуре Томска. К первой половине XIX в. формируются основные принципы застройки центральной части Томска.

С 1773 по 1800-е годы на основе регулярного плана Томска застраиваются периферийные городские районы – Заисточье, Заозерье, Пески. В 1818 и 1824 годы планы Томска разрабатывает местный архитектор А. П. Деев. Губернский землемер С. Зверев в плане Томска 1820-1824 годов впервые отмечает своеобразие рельефа и намечает основы веерной схемы плана. И только Гесте на утверждённом проекте плана Томска Томской губернии [7, ед. хр. 122, План Томска 1830 г.] развивает веерную схему. По данному плану сохранялась площадь городского центра, сформировавшаяся в устье реки Ушайки (на правом берегу). Предполагалось формирование нового общегородского центра на Юрточной горе (южная часть Томска). Главная городская площадь нового общественного центра должна была формироваться у Почтамтской улицы из здания полиции, резиденций военного и гражданского губернаторов.

Таким образом, подготовка материалов для канонизации – трудоемкий процесс, требует больших усилий во времени и пространстве историков, архивистов, свидетелей, представителей Церкви, общественности. Основания к канонизации святых в современной России не являются устоявшимися, ибо в каждом отдельном случае при прославлении находятся особые причины, которые могут зависеть как от подвига спасения подвижника, так и от духовных потребностей общества.

Процесс прославления мучеников, преподобных и других чрезвычайно важен для современного человека, окруженного зачастую ложными представлениями о жизни, так как помогает понять очевидную истину: как бы ни была ценна земная жизнь, во всех случаях она не ценнее вечности.

Прославление святых есть неотъемлемая часть духовной жизни России.

Список литературы

1. **Архив УФСБ по Кемеровской области. Ф. 8.**
2. **Дело на священников В. А. Наследышева, Д. Е. Алимова** [Электронный ресурс]: постановление от 7 августа 1929 г. Астраханского окротодела ОГПУ. URL: <http://www.astrakhan-ortodox.astranet.ru/spod-filip1.htm> (дата обращения: 26.02.2013).
3. **Дневник Игумена Серафима.** Кемерово, 2011. 180 с.
4. **Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия крещения Руси.** Троице-Сергиева Лавра, 1988. 174 с.
5. **Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии.** Волгоград, 2011. Вып. 1. 148 с.
6. **Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.** Канонизация святых в Русской Православной Церкви // Подвиг новомучеников и исповедников российских и духовное возрождение Отечества: XII Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2004.
7. **Никон, игумен.** К вопросу свидетельства о святости жизни монахини Раисы (Кривошлыковой): рукопись. 16.06.2011 // Фонд личного происхождения автора.
8. **О предоставлении копий архивных документов епископу Кемеровскому и Новокузнецкому Аристарху:** справка ФСБ РФ по Кемеровской области от 30 апреля 2008 г. № 3418 (копия) // Фонд личного происхождения автора.
9. **Свидетельства о подвижнической жизни монахини Раисы архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия и другие его воспоминания. 1981 г.** // Фонд личного происхождения архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия. Владимир, 2012.
10. **Сердинов А. И.** Материалы (свидетельства очевидцев и письма) о подвижнической жизни монахини Раисы // Фонд личного происхождения А. И. Сердинова. 1989-1991 гг.
11. **Солженицын А. И.** Архипелаг ГУЛАГ: 1918-1956: опыт художественного исследования: в 3-х т. М.: Советский писатель; Новый мир, 1989. Т. 1. 587 с.
12. **Справка о реабилитации Дюковой Марии Ильиничны, 1915 г. рождения,** № 13-132/93, выданная Прокуратурой Кемеровской области 06.07.1993 (по приговору Кемеровского облсуда от 21 ноября 1956 г. по ст. 58 п. 10, ч. II УК РСФСР): оригинал // Фонд личного происхождения автора.

HISTORICAL-METHODOLOGICAL ASPECTS OF MATERIALS PREPARATION FOR CANONIZATION

Bobrovnikov Vladimir Gavrilovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Volgograd State Technical University
iks@vstu.ru

The author considers the grounds for the glorification of the Russian Orthodox Church ascetics, the stages, expected results and canonization denial motivations, in the course of the research determines the attitude of the Soviet state to believers, shows the methods of citizens' repression according to religious motives, presents the regulations of users' access to archival documents and exceptions to the rules, and pays special attention to the features and difficulties encountered during the preparation of the documents for the canonization of personalities at the present stage of the Russian socium development.

Key words and phrases: regulations of canonization; ascetics of piety; anti-Soviet agitation; religious beliefs; political repressions; rules that restrict users' access to documents.

добиться любыми способами признания вины в антигосударственной (антисоветской) или контрреволюционной деятельности» [Там же, с. 11-12]. В основном это были 10 и 11 пункты 58-й статьи УК СССР 1926 года, которые действовали до 1959 года.

Формально религию не запрещали, но фактически ее преследовали: закрывали монастыри, церкви и духовные учебные заведения, убивали священников, монахов и прихожан, преследовали верующих. Так, за 1922-1923 годы было расстреляно более 40 тысяч священников и более 100 тысяч верующих – членов церковных общин [3, с. 146].

Если в 20-е годы религиозное воспитание детей квалифицировалось по ст. 58-й п. 10 как «контрреволюционная агитация» [11, с. 47], то в 30-50-е годы эта статья формулируется как «антисоветская пропаганда», с отбытием срока не менее 10 лет. «В условиях жестокого гонения за одно неосторожное упоминание, например, имени праведного И. Кронштадтского верующему грозила тюрьма», – пишет настоятель Афонского подворья г. Москвы игумен Никон [7]. Это можно подтвердить делом на иоаннитов – последователей Иоанна Кронштадтского, сфабрикованным Кемеровским КГБ в 1951-1953 гг. «Указанная группа подсудимых, на основе общности антисоветских убеждений и используя религиозные чувства верующих, в течение 1949-1952 гг. на территории гор. Кемерово и Кемеровской области организовала неоднократные подпольные сборища верующих, подпольные монастыри, где проводили читку антисоветской литературы... обрабатывали верующих и молодежь в антисоветском направлении, призывали к борьбе против советской власти» [1, д. 4626, т. 6, л. 153].

Приведем некоторые положения инкриминирования обвинений по одному из пунктов 58-й статьи – десятому – «антисоветская агитация». В следственных протоколах чаще всего встречаются следующие формулы обвинения: «систематическая агитация против существующего порядка соввласти» [2]; «за религиозные убеждения» [12]; «в использовании религиозных предрассудков масс», «распространение провокационных слухов с целью подрыва авторитета советской власти» [5, с. 83].

Особенностью современного периода подготовки материалов к канонизации является основательная доказательная база, основанная на абсолютной полноте архивных данных. Это особенно касается тех кандидатов, которые проходили по 58-й статье Уголовного кодекса СССР.

Трудностями в подготовке материалов являются: извлечение информации о личности из ведомственных архивов, противоречивость сведений, сознательное уничтожение части информации и документов из следственного дела, отсутствие родственников и свидетелей, мифологизация личности, недостаточные факты чудес и другое.

Так, например, согласно п. 8.6.4 «Основных правил работы государственных архивов Российской Федерации» архивы ограничивают доступ пользователей к документам, содержащим информацию о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни конкретного лица, если не истек срок в 75 лет с момента создания таких документов. К таким документам и делам относятся: личные, персональные, следственные, судебные дела, документы кадровых служб, персонифицированные материалы переписей, социологических и иных исследований, медицинская документация, личная переписка. Поэтому на запрос, например, Кемеровского и Новокузнецкого епископа Аристарха об уголовном деле на Е. В. Кривошлыкову из Управления Федеральной службы безопасности РФ по Кемеровской области 30 апреля 2008 года пришел отрицательный ответ [8, с. 1].

Но ограничения на доступ к сведениям о частной жизни ранее 75-летнего срока снимаются в случаях:

- наличия письменного нотариально заверенного распоряжения субъекта персональных данных или его наследника третьему лицу на ознакомление с ними;
- обезличивания персональных данных путем изъятия при копировании той их части, которая позволяет отождествлять их с конкретным человеком;
- решения субъекта персональных данных установить режим общедоступной информации.

Исходя из этих разрешительных положений, автор статьи сумел получить доверенность на три года от родственника и иметь доступ к уголовному делу № 4626 [1, д. 4626], связанному с обвинением и осуждением монахини Раисы по политическим мотивам.

Работа по сбору и обработке необходимого материала может проходить годами, а иногда и десятилетиями. В этом процессе могут участвовать люди из разных регионов страны, с различными ролевыми статусами в обществе. Так, если сбор материалов по игуменье Арсени (Себряковой) (1833-1905 гг.) был практически завершен за три года (с 2006 по 2010), то по м. Раисе (1888-1957 гг.) он начат в 1981 году архиепископом Владимирским и Суздальским Евлогием [9, л. 1-112], продолжен свидетелем А. И. Сердиновым (Калач-на-Дону) с 1989 по 1991 гг. [10, л. 1-30], монахом Ергоменом с 2005 по 2010 гг. и автором статьи. Процесс подготовки материалов еще не закончен до настоящего времени.

В поисках материалов и свидетелей автору пришлось побывать в различных областях России – Кемеровской, Владимирской, Ростовской, Волгоградской, в городах Москве, Чудове, Ачинске, чтобы собрать заверенные свидетельства у свыше десятка человек.

После окончания процесса подготовки материалов дело оформляется и сдается в епархиальный отдел по канонизациям, откуда оно направляется в Синод.

После положительного решения Синодальным отделом по канонизациям пишется икона и составляется Акафист новому святому на основе его жизнеописания. Новоявленные святые могут быть местночтимыми (местнохрамовые, местноепархиальные) или общенациональными.

Формой изложения жития предполагаемого кандидата к канонизации является жизнеописание известных святых.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В данной статье автором рассмотрены основания для прославления подвижников в Русской Православной Церкви, этапы, ожидаемые результаты и мотивации для отказа в канонизации. В процессе исследования было определено отношение Советского государства к верующим и показаны методы репрессирования граждан по религиозным мотивам. Приведены положения доступа пользователей к архивным документам и исключения из правил. Особое внимание уделено особенностям и трудностям процесса подготовки документов к канонизации персоналий на современном этапе развития российского социума.

Ключевые слова и фразы: положения канонизации; подвижники благочестия; антисоветская агитация; религиозные убеждения; политические репрессии; правила, ограничивающие доступ пользователей к документам.

Бобровников Владимир Гаврилович, к.и.н., доцент
Волгоградский государственный технический университет
iks@vstu.ru

**ИСТОРИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ
МАТЕРИАЛОВ К КАНОНИЗАЦИИ[©]**

Процессы модернизации страны тесно связаны с духовной стороной развития российского общества. Как это происходит, каковы этапы, трудности и особенности подготовки документов к канонизации – автор попытался проанализировать и раскрыть в этой статье.

Руководством для начала сбора материалов по канонизации являются «Выводы о практике канонизации святых в Церкви и основания для прославления предлагаемых подвижников благочестия», определенные Поместным собором Русской Православной Церкви 6-9 июня 1988 г. [4, с. 25-26]. Были определены следующие положения.

1. Вера Церкви в святость прославляемых подвижников как людей, угодивших Богу и послуживших пришествию на землю Сына Божия и проповеди Святого Евангелия.

2. Мученическая за Христа смерть или истязания за веру Христову.

3. Чудотворения, совершаемые святым по его молитвам или от честных его останков-мошей (преподобные, молчальники, столпники, мученики-страстотерпцы, юродивые и др.).

4. Высокое церковное первосвятительское и святительское служение.

5. Большие заслуги перед Церковью и народом Божиим (канонизация царей, князей и равноапостольных).

6. Добродетельная, праведная жизнь, не всегда засвидетельствованная чудотворениями (так прославлялись благоверные князья, княгини и некоторые преподобные).

7. Нередко свидетельством о святости праведника было большое почитание его народом, иногда еще при жизни. По кончине подвижника почитающие его христиане составляли ему службу, тропарь и кондак, писали икону и житие [Там же].

К 2004 году канонизировано Русской Православной Церковью свыше 1538 человек [6, с. 15].

Подготовку материалов к канонизации можно условно разделить на следующие этапы:

– поисковый (архивы, фотодокументы, свидетели, составление писем в ведомства);

– описательный (составление жизнеописания в хронологическо-документальном порядке);

– композиционный (структурирование документов, составление писем в епархиальные отделы);

– оформительный (оформление документов к канонизации в епархиальные отделы, доработка недостатков).

Ожидаемые результаты могут быть как отрицательными, так и положительными. Отрицательные ответы из Синодального Отдела по канонизации в основном имеют следующие аргументы:

– неполные архивные данные;

– принадлежность к другим Церквам и сектам («обновленцы», «григорианцы» и др.);

– неблагоприятные высказывания кандидата в адрес Церкви на следственных процессах и в быту;

– оговоры осуждаемых и обвиняемых;

– сотрудничество с карательными органами;

– неправославный образ жизни;

– отсутствие авторитета в церковной среде, в миру и другое.

Митрополит Ювеналий отмечал в 2004 году: «Знакомство с архивно-следственными делами показало, что человек еще до своего страдания или во время его мог совершить страшные нравственные падения, которые по причине закрытости следствия удавалось скрыть от других. К числу таких относятся: отречение от веры или от сана, согласие на осведомительство, лжесвидетельство против себя или ближнего. Лица, подвергавшиеся арестам, допросам и различным репрессивным мерам, не одинаково вели себя в этих обстоятельствах. Отношение органов репрессивной власти к служителям Церкви и верующим было однозначно негативным, враждебным. Человек обвинялся в чудовищных преступлениях, и цель обвинения была одна –

были радушно приняты уйгурским населением, Россия уведомила цинское правительство о готовности возвратить эти земли под его контроль. По Ливадийскому договору, заключенному в 1879 г., для поселения жителей Илийского края, которые пожелали принять российское подданство, Россия оставила за собой западный участок р. Или, долину р. Текес и район Музартского перевала через Тянь-Шань. Цинское правительство не ратифицировало этот договор и, поддавшись влиянию антироссийским настроениям англичан, начало готовиться к войне со своим северным соседом. «Все же, – отмечает И. М. Попов, – ни русская, ни китайская стороны не были заинтересованы (и не были готовы!) к большой войне» [4, с. 170]. В российскую столицу прибыл для переговоров уполномоченный цинского правительства Цзэн Цицзэ. Согласно Санкт-Петербургскому договору 1881 г. в состав Российской империи вошла лишь западная часть Илийского края. Русские подданные, владеющие участками земли в Илийском крае, сохраняли право собственности на них и после восстановления здесь власти цинской династии. Китайская сторона подтвердила согласие не чинить каких-либо препятствий к выселению тех жителей Илийского края, кто пожелал переселиться в Россию, и вывозу их движимого имущества. Воспользовалось этим правом и перешло в Россию около 70 тысяч беженцев (уйгур, казахов, дунган).

Увеличение числа российских подданных, ведущих торговые дела на территории, подвластной Китаю, выявило потребность в основании дополнительных консульств. Указанный выше договор позволил российскому правительству назначить своих представителей в Сучжоу и Турфане и «в городах Кобдо, Улясутае, Хами, Урумци и Гучене» [6, с. 215]. Там, где будут работать должностные лица российских консульских учреждений, «русские подданные могут строить собственные дома, лавки, амбары...» [Там же, с. 218]. В случае невозможности разрешить возникающие противоречия с помощью официальной переписки, был определен порядок осуществления личных встреч представителей обеих империй [1].

Русские колонисты при поддержке российского правительства начали активно осваивать земли на левом берегу Амура и заселять Уссурийский край. Значительное влияние на формирование представлений российского общества о сопредельной державе оказали китайцы, проживавшие в России, но не потерявшие связь со своей этнической культурой. Разруха и нехватка продовольствия вызвали масштабные миграционные процессы из центральных районов Цинской империи в Маньчжурию. В станицы Копальского и Алатавского округов перешли тысячи беженцев; некоторые из них заявили о желании принять подданство России и православие.

В заключение следует отметить, что серия договоров, подписанных с 1851 по 1881 гг. Российской и Китайской империями, послужила мощным толчком для активизации не только экономического, но и культурного взаимодействия. Во-первых, они позволили подданным двух государств развивать взаимовыгодную торговлю и расширять добрососедские связи; во-вторых, создали условия для дальнейшего развития зародившихся ранее процессов социокультурного взаимодействия; в-третьих, способствовали появлению новых коммуникационных каналов, усиливших взаимное культурное влияние; в-четвертых, ускорили процесс взаимного изучения местных обычаев и языковой культуры.

Список литературы

1. **Благодер Ю. Г.** Образы китайских чиновников в российской публицистике XIX – нач. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 24-28.
2. **Благодер Ю. Г.** Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. № 4/1. С. 34-41.
3. **Куропаткин А. Н.** Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. 34 с.
4. **Попов И. М.** Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. 511 с.
5. **Русско-китайские отношения (1689–1916):** официальные документы. М., 1958. 287 с.
6. **Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917).** М., 1952. 269 с.

PRECONDITIONS FOR THE RUSSIAN-CHINESE SOCIAL-CULTURAL INTERACTION EXPANSION IN 1850-1881

Blagoder Yuliya Garievna, Ph. D. in History
Kuban' State Technological University
blagoder_1@mail.ru

The author analyzes the texts of the treaties between the Russian Empire and China signed in 1851-1881, considers the question of international agreements influence on the development of the Russian-Chinese cultural interaction, and emphasizes the new opportunities that formal treaties gave to the Russian subjects for diplomatic, trade and research activity, for the expansion of interpersonal relationships with the people of China.

Key words and phrases: Russian foreign policy; Russian diplomacy; inter-ethnic interaction; Russian-Chinese relations; Gulja Treatise; Aigun Treaty; Tianjin Treaty; Beijing Treaty; Livadia Treaty; St. Petersburg Treaty.